

Василій Андреевичъ Жуковскій

И ЕГО ОТНОШЕНІЯ КЪ ДЕКАВРИСТАМЪ.

I.

В. А. Жуковскій и семейство Янушкиныхъ.

15-го іюня 1826 года супруга государственнаго преступника Анастасія Васильевна Якушкина, дочь Василя Петровича Шереметева (р. 1765 † 1808) и Надежды Николаевны, урожденной Тютчевой (р. 1775 † 1850) писала императору Николаю I:

«Всемиловѣйшій государь! Мучительная неизвѣстность объ участи мужа, котораго обожаю и съ которымъ была счастлива, понудила меня совершить дальнее путешествіе. Удрученная скорбью и болѣзнью, съ груднымъ пятимѣсячнымъ ребенкомъ и съ двухлѣтнимъ сыномъ, проѣхала я 700 верстъ, въ надеждѣ на благость вашего императорскаго вѣлчества. Не объ облегченіи судьбы мужа моего молю васъ, государь, не оправданія о немъ дерзаю приносить вамъ,—я рѣшилась съ покорностью ждать часа правосудія и милосердія вашего.

«Но, государь! Вы отецъ и супругъ нѣжный, сердцу вашему знакомы чувства, коими теперь исполнено сердце мое: два невинные младенца у подножія престола вашего императорскаго вѣлчества просятъ обнять нечастнаго отца своего; 18-ти лѣтняя жена, проливая горькія слезы, умоляетъ васъ дозволить ей видѣться съ мужемъ и писать ему. Государь не отриньте прошеніе несчастной, на Бога и на васъ упованіе полагающей».

Императоръ Николай разрѣшилъ ей какъ свиданіе съ мужемъ, такъ и переписку во время пребыванія его въ Петропавловской крѣпости. Но это скоро прекратилось. Судъ приговорилъ Ивана Дмитриевича

Якушкина къ ссылкѣ въ Сибирь и, пока онъ прибылъ на мѣсто, супруга не имѣла о немъ никакихъ извѣстій. Положеніе ея было невыносимо, и молодая женщина рѣшилась просить о разрѣшеніи ей отравиться къ мужу. Тогда мать ея, Шереметева, обратилась съ просьбою о томъ къ В. А. Жуковскому.

«Имѣю честь,—писалъ онъ князю А. Н. Голицыну ¹⁾,—представить вашему сіятельству письмо, недавно мною полученное. Прибѣгаю къ вамъ, чтобы, наконецъ, имѣть какую-нибудь возможность отвѣчать на него. Оно писано тещею несчастнаго Якушкина, которая желаетъ знать, можетъ ли дочь ея вмѣстѣ съ дѣтьми поѣхать къ мужу, изгнаннику.

«Благоволите прочесть это письмо, благоволите взять на себя трудъ сказать мнѣ, можно ли надѣяться получить такого рода позволеніе и какое для этого средство.

«Простите, что обременяю васъ моими письмами.

«Хлопочу за другихъ и знаю, что такого рода хлопоты вамъ не могутъ быть неприятными».

И дѣйствительно В. А. Жуковскій зналъ къ кому обращался. Онъ зналъ доброе и отзывчивое сердце кн. А. Н. Голицына, зналъ расположеніе къ нему императора Николая и былъ увѣренъ, что князь горячо отзовется на доброе дѣло. 3-го февраля Василій Андреевичъ получилъ уже отъ графа Дибича увѣдомленіе, «что Г. И. отозваться соизволилъ, что исполненіе (Якушкиной) сего желанія, на существующихъ для того правилахъ, ей не возбраняется. Но, при этомъ его величеству благоугодно, дабы ей поставлено было на видъ, что въ мѣстѣ пребыванія мужа своего не найдетъ она никакихъ способовъ къ воспитанію дѣтей, устройству будущаго состоянія коихъ полагаетъ она чрезъ то не малую преграду, а потому нужно ей предварительно размыслить о воѣхъ послѣдствіяхъ своего предпріятія, дабы избѣгнуть поздняго и бесполезнаго раскаянія».

Совѣты эти не могли пересилить чувства любящей женщины, но домашнія обстоятельства не позволили ей отправиться немедленно. Въ 1832 году, когда Анастасія Васильевна собралась въ путь и просила опять разрѣшенія, графъ Бенкендорфъ отвѣчалъ ей ²⁾:

«Государь императоръ, по всеподданнѣйшему моему докладу о желаніи вашемъ отправиться въ Сибирь къ вашему мужу, высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ увѣдомить васъ, что сначала дозволено было всѣмъ женамъ государственныхъ преступниковъ слѣдовать въ Сибирь за своими мужьями; но какъ симъ дозволеніемъ вы, въ свое время, не

¹⁾ Въ собственноруч. письмѣ отъ 22-го января 1828 г.

²⁾ Въ отношеніи отъ 28-го ноября 1832 г.

воспользовались, то и не можете нынѣ онаго получить, ибо вы нужны теперь для вашихъ дѣтей и должны для нихъ пожертвовать желаніемъ видѣться съ вашимъ мужемъ».

Такимъ образомъ поѣздка эта не состоялась.

II.

В. А. Жуковскій и братья Тургеневы ¹⁾.

Дружба, которая соединяла Жуковскаго со многими декабристами, положеніе его, близкое къ императору, а въ особенности къ императрицѣ, какъ преподавателя и наставника наслѣдника престола, и наконецъ необыкновенная доброта и чистота души были причиною того, что онъ всѣми силами старался облегчить положеніе своихъ бывшихъ друзей, подвергшихся суду и ссылкѣ.

Особенно близки были ему братья Тургеневы ²⁾. Одинъ изъ нихъ Николай Ивановичъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ декабристовъ и, находясь въ то время за границею, былъ потребованъ въ Россію, но не явился, что усилило его вину, и онъ заочно былъ приговоренъ къ смертной казни. При первомъ извѣстіи о томъ, что Н. И. Тургеневъ обвиняется въ соучастіи въ тайномъ злоумышленномъ обществѣ, оба брата его тотчасъ же покинули службу, при чемъ на младшаго, Сергѣя, обвиненіе это такъ подѣйствовало, что онъ сошелъ съ ума и вскорѣ умеръ ³⁾. Старшій же братъ Александръ Ивановичъ употреблялъ всѣ силы къ тому, чтобы оправдать опальнаго брата и доказать его невинность. Онъ убѣждалъ его составить и прислать оправдательную записку, для представленія ея суду. Николай Ивановичъ долго не соглашался составить такую записку (см. его письма къ братьямъ, напечатанныя въ «Рус. Старинѣ» 1901 г. Т. CVI, май, стр. 235—275), но, наконецъ, уступая просьбамъ, прислалъ ее. Получивъ эту за-

¹⁾ При составленіи настоящей статьи, мы пользовались сверхъ архивныхъ источниковъ и тѣми документами, которые были обязательно намъ сообщены графомъ Н. А. Бреверномъ дѣла Гард и, Ив. А. Бычковымъ и П. Н. Тургеневымъ. Приносимъ имъ глубокую благодарность за доставленіе столь интересныхъ и новыхъ данныхъ.

²⁾ Ихъ было четверо: Андрей († 1803 г.), Александръ († 1845 г.), Николай († 1872 г.) и Сергѣй († 1827 г.) Ивановичи.

³⁾ Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ, въ то время еще молодой человекъ, дипломатъ, которому предстояла блистательная будущность, былъ съ графомъ Строгановымъ въ Константинополѣ.

писку, Александръ Ивановичъ препроводилъ ее къ князю Александру Николаевичу Голицыну и при этомъ писалъ ¹⁾:

«Теперешнія отношенія мои къ вашему сіятельству не дають мнѣ права обратиться къ вамъ съ какою-либо просьбою, но сколько ни прискорбно мнѣ послѣ 14-ти-лѣтней службы подъ начальствомъ вашимъ, послѣ всего, что со мною было, видѣть въ васъ теперь въ минуту несчастія, какое-то отъ меня удаленіе,—горестъ о судьбѣ моего брата, заглушающая во мнѣ всякое другое чувство, принуждаетъ меня къ вамъ прибѣгнуть.—Вы должны простить мнѣ и самый упрекъ сей: онъ вырвался изъ растерзаннаго сердца. Будучи членомъ комитета, производящаго слѣдствіе по извѣстному дѣлу, вы имѣете и доступъ къ государю: въ семъ нахожу я оправданіе, что къ вамъ, а не къ другому теперь обращаюсь.

«По прїѣздѣ въ Петербургъ, узналъ я городскіе слухи о братѣ Николаѣ. Зная характеръ его и правила, слышавъ и въ послѣднее время его слова, исполненные негодованія къ преступникамъ, замышлявшимъ царубійство, любовь и благодарность къ покойному императору и безопасность о себѣ, я не могъ сему повѣрить. Не я одинъ, но и всѣ, которые знали его въ частной жизни, коимъ извѣстна его дѣятельность по службѣ, доведшая его до неизлѣчимой болѣзни, не могутъ считать его участникомъ въ злодѣяніи. Но какую пользу принесетъ ему сія увѣренность противъ обвиненій, въ точности мнѣ неизвѣстныхъ и основанныхъ, можетъ быть, на личномъ недоброжелательствѣ къ нему нѣкоторыхъ изъ преступниковъ, на ихъ желаніи увеличить число мнимыхъ своихъ сообщниковъ или на гадательномъ ихъ толкованіи его мыслей о правительствѣ, ложно сообразуя оныя съ собственными видами!

«Еслибы братъ мой стоялъ теперь передъ судіями, отвѣтствуя на сія обвиненія, то искреннимъ изложеніемъ своихъ мнѣній могъ бы убѣдить, что всегда горѣлъ безкорыстною любовію къ отечеству, что желалъ переменъ многого и мечталъ о лучшемъ, но что былъ далекъ отъ гибельныхъ покушеній, клонящихся къ разрушенію установленнаго порядка, съ коимъ тѣсно связано бытіе и цѣлость государства. Особа монарха была и въ умѣ его и въ сердцѣ неприкосновенною святынею. Можетъ быть, въ теоріи предпочиталъ онъ образъ одного правленія другому, но у насъ самодержавіе полагалъ необходимымъ для искорененія рабства ²⁾, называемаго имъ язвою Россіи. Въ семъ отношеніи онъ сего ожидалъ отъ покойнаго императора и всегда съ довѣренностію говорилъ о благихъ его намѣреніяхъ.

¹⁾ Въ письмѣ отъ 1-го мая 1826 г. Письмо это получено отъ П. Н. Тургенева.

²⁾ Т. е. крѣпостнаго права.

«Кончина государя повергла брата въ такое уныніе, которое едва ли не усилило его болѣзни. Чувства, кои онъ питалъ къ покойному, были неизмѣняемы: иначе, смѣю сказать, онъ бы не принялъ его благодарѣній. Клянусь всемогущимъ Богомъ, что сіи чувства видѣлъ я въ немъ за нѣсколько дней до нашей разлуки, ибо онъ говорилъ о незабвенномъ Александрѣ со мною и съ другими съ любовію и съ благодарностію.

«Брата здѣсь нѣтъ; его спасло отсутствіе изъ Россіи отъ неминуемой гибели, которую бы, при его болѣзненномъ состояніи, принесло ему заточеніе самое кратковременное; ибо онъ поддерживаетъ жизнь однимъ движеніемъ и непрерывнымъ лѣкарствомъ. Цвѣтушамъ здоровьемъ пожертвовалъ онъ службѣ. Покойный государь зналъ его только по трудамъ его. Удостоверившись въ причинѣ его болѣзни, онъ былъ его спасителемъ, уволивъ его для излѣченія. За годъ предъ симъ, государь приказалъ предложить ему мѣсто по министерству финансовъ, сказавъ, однако же, что онъ необходимъ ему и въ Государственномъ Совѣтѣ. Первое движеніе брата было явиться на новую службу, но болѣзнь остановила его опять въ Карлсбадѣ.

«По возвращеніи изъ Варшавы государь, говоря съ Н. М. Карамзинимъ объ успѣхахъ законодательства въ Польскомъ королевствѣ, изъявилъ сожалѣніе, что болѣзнь брата моего мѣшаетъ ему возвратиться въ Россію. Государь говорилъ о немъ, какъ о человѣкѣ, котораго хотѣлъ употребить по сей части съ пользою для государства: слова его да спасутъ несчастнаго!

«Теперь для чего будетъ онъ жить въ землѣ чужой, гдѣ все чуждо его сердцу? Отсутствіе лишило его способовъ оправдать себя во многомъ, въ чемъ по характеру своему онъ быть виновенъ не можетъ.

«И сіе самое отсутствіе есть для него наказаніе жесточайшее. Цѣль его жизни уничтожена. Онъ жилъ и хотѣлъ жить для одной Россіи. Могъ заблуждаться умомъ, но не могъ имѣть намѣреній преступныхъ; а теперь, безъ него, кто отличить въ немъ заблудшаго отъ преступника.

«Мнѣ было бы утѣшительно знать, что сіе можетъ дойти, посредствомъ вашимъ до высочайшаго свѣдѣнія. Его императорское величество выслушивалъ всѣхъ; но о братѣ моемъ говорить некому. Пусть хотя голосъ брата достигнетъ до сердца государя, который, будучи строгимъ судіею за вѣренную ему Россію, есть въ то же время и самое надежное прибѣжище, какъ невинныхъ, такъ и обвиняемыхъ».

Получивъ это письмо и при немъ записку Н. И. Тургенева, князь А. Н. Голицынъ пригласилъ къ себѣ В. А. Жуковскаго и князя П. А. Вяземскаго и вмѣстѣ съ ними прочиталъ записку.

— Мы поступаемъ немного незаконно,—сказалъ князь А. Н. Го-

лицынъ, улыбаясь своимъ собесѣдникамъ, — составляя изъ себя комитетъ, не разрѣшенный правительствомъ; но такъ и быть, приступимъ къ дѣлу.

«Извѣстія, — писалъ Н. И. Тургеневъ ⁴⁾ — полученныя мною на сихъ дняхъ изъ Петербурга, поразили меня чрезвычайно. Меня обвиняютъ въ участіи въ тайныхъ обществахъ, и братъ мой закликаетъ меня представить оправданіе. Хотя предъ тѣмъ Судію, который былъ для меня всегда строгимъ — предъ моею совѣстію — я и чувствую себя невиннымъ; но, не смотря на сіе, оправданіе представляетъ для меня затрудненія особеннаго рода. По всѣмъ извѣстіямъ, напечатаннымъ въ газетахъ, я вижу, что въ Петербургѣ составилось мнѣніе, что въ Россіи образовались тайныя общества, устроенныя по извѣстнымъ уставамъ, дѣйствовавшія по извѣстнымъ правиламъ, обдуманнныи средствами и къ предначертанной цѣли. Я же въ душѣ моей убѣжденъ — и говоря сіе, говорю истину, — что въ Россіи такого общества не существовало. Если описать то, что было въ семъ отношеніи поверхностно, то конечно тайныя общества могутъ представить видъ чего-то, но между тѣмъ твердое мое увѣреніе было и есть, что ничего серьезнаго не было. Но могу ли я сообщить сію мою увѣренность другимъ, особливо тѣмъ, кои видятъ въ семъ обществѣ нѣчто важное? Оправдываясь, не могу ли навлечь на себя подозрѣніе во лжи? Думая и думая объ ужасныхъ происшествіяхъ, случившихся въ Россіи, я болѣе и болѣе не постигаю, какъ можно приписывать ихъ причинѣ столь ничтожной, каковою были эти тайныя общества. Сіи общества, по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ, какъ я ихъ понималъ, никогда не могли произвести ничего похожего на то, что случилось. Повторяю, что устроеннаго общества, съ опредѣленною цѣлію, съ опредѣленными средствами дѣйствовать къ достиженію извѣстной цѣли, не было.

«Все, что могу сказать, есть то, что въ Россіи нѣкоторые люди толковали объ обществахъ, пытались составлять общества, сочиняли уставы для общества, сами не зная, какъ все это сдѣлать, какъ дѣйствовать, къ какой цѣли и какими средствами. Вотъ главное и существенное. Подробности состоятъ въ томъ, что, собираясь вмѣстѣ, сіи люди въ совѣщаніяхъ своихъ говорили, что надобно помогать другъ другу, что надобно распространять чтеніе книгъ, распространять извѣстныя такъ называемыя либеральныя идеи, которыя впрочемъ не были распространяемы; что, толкуя или объ обществахъ, или о предметахъ гражданскихъ и политическихъ вообще, были говорены вещи, которыхъ нельзя было бы, напри-

⁴⁾ Въ запискѣ безъ даты, полученной нами отъ П. Н. Тургенева. Записка эта была представлена А. И. Тургеневымъ князю Голицыну въ копию, и гдѣ находится оригиналъ, на которомъ несомнѣнно проставлены даты, намъ не извѣстно.

мѣръ, напечатать. Но кто не говорилъ въ жизнь свою такихъ вещей, которыхъ бы не захотѣлъ повторить? Такъ и я, особливо бывъ моложе, говорилъ много такого, что бы послѣ или теперь не сказалъ. Въ обществѣ молодыхъ людей, въ разговорахъ шумныхъ и быстрыхъ, мудро ли, что у многихъ вырывались такія рѣчи, коихъ они не могли бы одобрить по размышленіи хладнокровномъ? Такъ и фраза, мнѣ приписываемая (*le president sans phrases*) могла вырваться въ одномъ изъ сихъ разговоровъ. Но едва могу теперь вспомнить, при какомъ случаѣ я сказалъ это. «Дѣло не въ пустыхъ фразахъ», скажутъ мнѣ. Но я буду отвѣчать, что кромѣ фразъ я ничего во всемъ дѣлѣ не видалъ, и если я виноватъ за фразы, тысячи людей, разговаривающихъ ежедневно въ бесѣдахъ пріятельскихъ, виновны почти также. Впрочемъ я не полагаю, чтобы намѣреніе чье-либо было обвинять за слова и еще менѣе за мнѣніе. Мнѣнія и слова могутъ быть тогда только преступными, когда объявляются всенародно или публично. Французскіе законы, въ семъ отношеніи столь строгіе, именно дѣлаютъ сіе различіе, и подвергая наказанію за объявленіе извѣстныхъ мнѣній всенародно, освобождаютъ отъ всякой отвѣтственности того, кто изъявлялъ сіи мнѣнія не публично, въ кругу знакомыхъ, въ жилищѣ частномъ. Не всегда мы сами себѣ можемъ отдать отчетъ въ нашихъ мнѣніяхъ. И напримѣръ я самъ не имѣю теперь рѣшительныхъ мнѣній о многихъ предметахъ и даже о такихъ, кои казались мнѣ прежде ясными.

«Размышляя о предметахъ, мы ищемъ истины. Иногда новыя обстоятельства или рождаютъ новыя мнѣнія, или измѣняютъ прежнія. И такъ со всею охотою я не могу дѣлать оправданіе моихъ мнѣній. Но всегда обязанъ и надѣюсь всегда быть въ состояніи оправдать мои поступки. Если бы въ такъ называемыхъ тайныхъ обществахъ было что-либо важное, серіозное, то у меня достало бы духа смѣло выйти впередъ и, изложивъ истину, защищать мои дѣла, оправдывать намѣренія и— обвинять себя предъ существующими законами. Но этого ничего нѣтъ, и мое оправданіе, предъ сими законами, должно быть успѣшно. Я не знаю подробно, что показывали тѣ, кои теперь задержаны по участию въ тайныхъ обществахъ. Догадываюсь только, что они въ показаніяхъ своихъ не позабыли ничего, ибо упоминаютъ о фразахъ, за нѣсколько лѣтъ провознесенныхъ. Признаніе ихъ должно быть полное. Я съ своей стороны могу дать объясненіе въ томъ, что до меня касается, и отчетъ въ томъ, какъ я видѣлъ и разумѣлъ вещи. Пусть тѣ, кои такъ подробно меня обвиняютъ, прочитаютъ мое объясненіе, скажутъ: есть ли въ немъ что-нибудь противное истинѣ. Вотъ оно:

«За нѣсколько предъ симъ лѣтъ (думаю въ 1819 или 1820 году) мнѣ принесли уставъ общества «Благополучія» или «Благоденствія». Это была такъ называемая «Зеленая книга». Я пробѣжалъ (въ

точномъ смыслѣ сего слова) эту книжку. Сколько могу теперь вспомнить (ибо съ тѣхъ поръ я никогда этой книги въ рукахъ не имѣлъ), въ семь уставѣ излагались нѣкоторыя правила относительно учрежденія училищъ, благотѣянія, и т. п. Далѣе помню только, что эту книжку у меня взяли назадъ. По правиламъ сего устава надлежало принадлежать къ одному изъ отдѣленій Общества, по части училищъ или благотѣяній. Но я не избралъ для себя никакой части, и дѣло кончилось для меня прочтеніемъ «Зеленой книги». Въ то же время я слышалъ, что эта книга была показываема многимъ, которые также, какъ и я, не находили въ ней ничего предосудительнаго.

«Между тѣмъ, продолжая жить въ Петербургѣ, я познакомился съ нѣкоторыми людьми, которымъ «Зеленая книга» была извѣстна и которыхъ я почиталъ сочинителями ея; но узналъ послѣ, что они приняли ее отъ другихъ, и что первоначальные образователи сего устава не принимаютъ въ дѣлѣ никакого участія. Вступилъ ли я въ тайное общество прочтеніемъ «Зеленой книги» и изъявленіемъ одобренія намѣреніямъ, въ ней изложеннымъ? На сей вопросъ мнѣ отвѣчать трудно. Я могу только сказать, что было и что помню. Я прочелъ уставъ—и только. Никакихъ требованій дѣлаемо мнѣ не было. Я продолжалъ видѣться иногда съ людьми такимъ же образомъ, какъ и я, принадлежавшими сему обществу. Рѣдко говорили объ обществѣ, и я видѣлъ, что все это не имѣло ничего значительнаго.

«Такъ прошло, я думаю, два или три года. Но въ теченіе сего времени я былъ иногда приглашаемъ на совѣщанія. Въ сихъ совѣщаніяхъ толковали о томъ, какъ бы устроить Общество, ибо на самомъ дѣлѣ Общество не существовало. Каждый говорилъ, что приходило въ голову. Но всѣ сіи разсужденія оставались всегда совершенно безъ всякаго результата. Иногда наскучивъ безсиліемъ придумать что-нибудь такое, отъ чего можно было бы надѣяться какого-либо успѣха, разсужденія превращались въ разговоры объ общихъ предметахъ гражданскихъ и политическихъ. Одинъ хвалилъ такую-то форму правленія, другой восхищался другою, и однажды, я помню (но это было не въ сихъ засѣданіяхъ, а въ моей комнатѣ), что мнѣ доказывали выгоду какого-то ультра-спартанскаго порядка вещей, въ которомъ не должно существовать права поземельной собственности, и что земля должна быть общою собственностію, какъ воздухъ. Мудрено ли, что посреди такихъ теорій и я говорилъ о президентахъ безъ фразъ!! Въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ такихъ совѣщаній, я думаю, было три или четыре. Посѣщать ихъ, я имѣлъ свои особенныя причины, вотъ онѣ:

«Люди, которыхъ я встрѣчалъ тутъ, питали въ душахъ своихъ желаніе добра и пользы общей. Но понятія ихъ о всѣхъ предметахъ, до гражданского устройства касающихся, были весьма не совершенны.

Это во многомъ происходило отъ недостатка просвѣщенія. Тѣ же изъ нихъ, кои со способностями ума соединяли свѣдѣнія въ наукахъ, казалось мнѣ, не чувствовали достаточно значительности тѣхъ невыгодъ гражданскаго устройства въ Россіи, которыя, по моему мнѣнію, суть важнѣйшія, и объ отстраненіи коихъ надлежитъ пецись предпочтительно; я разумѣю крѣпостное состояніе крестьянъ. Но между сими людьми были и такіе, кои чистыми внушеніями души постигали то, чего прежде не приобрѣли ученіемъ или размышленіемъ. Я надѣялся, что нѣкоторыхъ могу уговорить сдѣлать что-нибудь въ пользу ихъ крестьянъ. Я толковалъ имъ объ этомъ и однажды предложилъ поставить въ обязанность каждому отпустить на волю своихъ слугъ, если кто имѣеть къ тому возможность. Меня слушали, соглашались со мною; но результата никакого не было, но только думаю отъ того, что все это такъ называемое Общество въ сущности было совершенно ничтожно. Сія увѣренность въ ничтожности Общества была впрочемъ всеобщая. Всѣ это видѣли, и весьма часто члены Общества смѣялись и надъ Обществомъ, и сами надъ собою. Наконецъ, по какому-то внутреннему убѣжденію, всѣ были согласны въ томъ, хотя это и не было именно объявлено, но что Общество не существуетъ. Не было болѣе ни совѣщаній, ни разсужденій и, проводя иногда по нѣсколько часовъ вмѣстѣ, не упоминали и однимъ словомъ ни объ Обществѣ, ни о всемъ томъ, что до него могло касаться. Я съ моей стороны совершенно отстранился отъ всего этого, тѣмъ болѣе, что занятія мои требовали всего моего времени, хотя впрочемъ я не могу сказать, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я пожертвовалъ Обществу болѣе пяти вечеровъ.

«Все сіе было въ Петербургѣ. Что было въ другихъ мѣстахъ, я не зналъ, и по тому самому полагаю, что въ другихъ мѣстахъ не было ничего. Но между тѣмъ, нѣкоторые члены Общества, видя, съ одной стороны, что оно не имѣеть никакой дѣйствительности, съ другой, что большое число людей, коимъ была извѣстна «Зеленая книга», могутъ компрометтировать прочихъ, желали постановить что-либо рѣшительное. Спросили моего мнѣнія. Я объявилъ, что дѣйствительно эти шутки могутъ имѣть для насъ непріятныя послѣдствія въ настоящихъ обстоятельствахъ, когда мнѣнія о существованіи тайныхъ обществъ во всей Европѣ были распространены повсемѣстно. Мнѣ сказали, что для сего лучше собраться въ Москвѣ, гдѣ удобнѣе могутъ собраться многіе изъ членовъ, въ разныя времена поступившіе въ Общество и разсѣянные по всему государству. Это было для меня удобно, ибо я долженъ былъ и безъ того туда ѣхать.

«Въ Москвѣ, послѣ многихъ разсужденій и споровъ, я убѣдился болѣе, нежели когда-либо, въ совершенной бесполезности Общества. Другіе думали такъ же и положили уничтожить Общество формально, т. е. осо-

бымъ объявленіемъ, предоставляя каждому полную волю дѣлать, что угодно, не почитаая себя нимало обязаннымъ къ чему-либо относительно Общества. Такимъ образомъ оно умерло, можно сказать, прежде своего рожденія. Единственныя совѣщанія, которыя имѣли результатъ, и этотъ результатъ былъ: уничтоженіе Общества. Я признаюсь, что это едва-ли нужное уничтоженіе Общества (ибо Общество едва-ли существовало) было для меня пріятно. Размышляя вообще о тайныхъ обществахъ хладнокровно, я никогда не находилъ, чтобы они могли быть дѣйствительны, хотя не полагалъ также, чтобы все тайное было дурно и преступно потому только, что тайно.

«Я долженъ также сказать—къ обвиненію или къ оправданію себя, не знаю—что во все продолженіе существованія Общества, я никому не сообщалъ о существованіи его, или, говоря словами, принятыми для обществъ образованныхъ, я никого не вводилъ въ Общество кромѣ одного человѣка, который впрочемъ прежде слыхалъ уже о семъ Обществѣ. Я ему сообщилъ то, что зналъ и что думалъ. Показавъ ему Общество и объявивъ мое о немъ мнѣніе, онъ, кажется, раздѣлялъ это мнѣніе и былъ съ своей стороны всегда увѣренъ въ ничтожности Общества. Съ этимъ человѣкомъ вполслѣдствіи я часто видѣлся, даже жила въ мѣстѣ, но во все время едва-ли однажды мы говорили объ Обществѣ.

«Возвратившись въ Петербургъ по уничтоженіи Общества, я попалъ по службѣ къ такой должности, которая не позволяла мнѣ заниматься ничѣмъ кромѣ процессовъ. Знакомство мое съ бывшими членами Общества не пресѣклось, такъ какъ оно и составилось не по Обществу. Видаюсь съ ними, почти никогда не говорили мы ни о чемъ, до бывшаго Общества относящемся. Но вмѣстѣ съ симъ, въ это время, я слышалъ о существованіи нѣсколькихъ обществъ, не говорили впрочемъ, какихъ и изъ кого состоящихъ именно. Зная по опыту, что значать эти общества, я не обращалъ на сіи вѣсти никакого вниманія. Иногда нѣкоторые говорили о составленіи новаго Общества. Я отклонялся отъ этого. Однажды настоянія о составленіи новаго Общества были весьма сильны. Они были обращаемы ко мнѣ однимъ изъ лицъ, не бывшихъ въ петербургскомъ обществѣ ¹⁾. Но при сихъ-то самыхъ настояніяхъ я слышалъ изложеніе той теоріи, о которой упомянулъ выше. Могъ ли я, уже по одной сей причинѣ, рѣшиться на составленіе общества на такихъ правилахъ, еслибъ я не имѣлъ другихъ причинъ? Оспаривая теорію, я отклонилъ принятіе сихъ правилъ. При семъ случаѣ я долженъ упомянутьъ объ одномъ обстоятельствѣ, ясно доказывающемъ ничтожность

¹⁾ Еслибъ Общество было, еслибъ я принадлежалъ къ нему, могли ли бы имѣть мѣсто такіа настоянія?

усилій, къ образованію Обществъ стремившихся. Тотъ, кто дѣлалъ мнѣ предложеніе, получивъ отказъ, отвѣчалъ мнѣ, что такіе отказы весьма вредны для образованія Общества, что если тѣ, на коихъ можно считать для вступленія въ Общество, узнаютъ истину, узнаютъ, что только человѣкъ пять готовы образовать Общество, то все предпріятіе должно рушиться. Эти слова лучше всѣхъ доводовъ и изъясненій показываютъ дѣло и всю тайну Обществъ въ настоящемъ видѣ. Я удержался и при моемъ отказѣ привелъ между другими причинами намѣреніе мое ѣхать за границу лѣчиться. Этотъ же человѣкъ и въ это же время говорилъ мнѣ о соединеніи остатковъ существовавшаго Общества въ Петербургѣ съ подобнымъ Обществомъ (или съ одною изъ отраслей бывшаго Петербургскаго Общества, точно не знаю) во второй арміи. Я никогда не имѣлъ подробнаго понятія о семъ Обществѣ во 2-й арміи, но тутъ ясно увидѣлъ, что и оно не было значительнѣе Петербургскаго. Отказавъ за себя, я не желалъ, чтобы и другіе приняли сіе предложеніе. Я сообщилъ сіе мнѣніе нѣкоторымъ лицамъ, которыя, кажется, не принадлежали прежде къ Петербургскому Обществу, но хлопотали о составленіи или возобновленіи Общества. Было совѣщаніе, на которомъ, сколько могу помнить, всѣ отказались соединиться съ Обществомъ 2-й арміи, находя правило повиновенія, которое было предлагаемо, неудобнымъ. Вскорѣ послѣ сего я оставилъ Петербургъ, почитая себя не принадлежащимъ ни къ какому Обществу. Можно ли обвинять меня въ томъ, что предъ отъѣздомъ въ чужіе края я не вышелъ изъ Общества? Откуда и какъ я могъ выйти? Гдѣ я могъ найти Общество или членовъ, его представлявшихъ? И сія невозможность выйти изъ Общества не есть ли лучшее доказательство, что никакого Общества тогда не существовало. Прежнее было уничтожено въ Москвѣ. Новаго при мнѣ составлено не было. И такъ я имѣлъ полное право почитать себя не принадлежащимъ ни къ какому Обществу, при выѣздѣ изъ Санктпетербурга.

«Въ извѣстіяхъ, напечатанныхъ въ газетахъ, говорятъ, что, по разрушеніи Общества въ Москвѣ, составилось новое изъ нѣкоторыхъ избранныхъ членовъ. Я рѣшительно могу сказать, что новаго Общества составлено не было; даже принимая составленіе сего новаго Общества какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, говорили о соединеніи остатковъ Петербургскаго Общества съ обществомъ 2-й арміи; представляли даже проекты правилъ новаго Общества; говорили также о существованіи многихъ другихъ Обществъ, но Общества, даже подобнаго прежнему, составлено не было. Если кто-либо изъ участвовавшихъ въ сихъ разговорахъ показываетъ теперь, что послѣ одного составлено было другое Общество, то я не знаю, чему сіе приписать: или одушевляющему ихъ сильному желанію составить новое Общество, желанію, которое заставляло ихъ видѣть дѣло въ словахъ, или можетъ быть намѣренію—вовлеченіемъ

другихъ лицъ въ обвиненіе—нѣсколько оправдать самихъ себя. Для меня такое предположеніе тягостно. Но, вспоминая все, чтѣ было, все, чтѣ я видѣлъ послѣ разрушенія Общества въ Москвѣ, я не могу найти никакого повода къ показанію, что было составлено новое Общество.

«Вотъ изъясненія, касающіяся до дѣла, общаго для всѣхъ обвиняемыхъ въ участіи въ тайныхъ обществахъ. Я изложилъ мѣру участія моего собственнаго. Но дабы сдѣлать объясненіе, относительно меня исключительно, полнымъ, я долженъ присоединить къ сему нѣсколько другихъ обстоятельствъ, и сіе даже съ опасеніемъ повредить самому себѣ болѣе, нежели сколько предѣлы признанія строго требуютъ.

«Одна главная господствующая мысль наполняла и наполняетъ все мое нравственное бытіе. Всѣ прочія мысли, всѣ мои дѣянія, болѣе или менѣе, и невольно направляются къ сей главной мысли. Мнѣ кажется, что для сей мысли я живу, что за нее готовъ и умереть. Эта мысль: уничтоженіе крѣпостнаго состоянія въ Россіи. Эта мысль, эта страсть, если хотите, заставила меня принимать участіе въ Обществѣ до его разрушенія. Эта мысль приводила меня искать успѣха къ освобожденію крестьянъ въ масонствѣ: было время, когда я думалъ, что полезно учредить новую степень въ масонствѣ съ цѣлію уничтоженія рабства. Эта мысль поселила во мнѣ намѣреніе издавать журналъ и посредствомъ онаго распространять мнѣнія о необходимости освобожденія крестьянъ. Ни масонство, ни журналъ не удались, также какъ не удалось и Общество. Наконецъ эта же мысль предтавилась мнѣ и при разрушеніи Общества. Я всегда почиталъ долгомъ не пропускать никакого случая даже самаго маловажнаго, дѣйствовать въ пользу освобожденія. Скажу теперь откровенно, но справедливо: я находилъ удачу, хотя и весьма не значительную, только по службѣ, т. е. въ дѣлахъ, которыя могли проходить чрезъ мои руки. Всѣ частныя мои попытки остались безуспѣшными. По уничтоженіи Общества, не смотря на опытъ неуспѣшности, я невольно опять началъ думать, не могу ли сдѣлать чего-либо для своей цѣли. Видя около себя людей, которые продолжали желать тайныхъ обществъ, я предпринялъ изложить нѣсколько правилъ для составленія такого Общества съ главною цѣлію, съ необходимымъ условіемъ освобождать собственныхъ своихъ людей. Я сообщилъ мои правила нѣкоторымъ лицамъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. Нельзя было ничего сказать противъ справедливости моихъ предложеній. Всѣ ихъ одобряли, но вмѣстѣ съ оимъ я видѣлъ, что и по изъявленіи согласія ни одной отпускну дано не было. Это болѣе и болѣе убѣдило меня въ невозможности сдѣлать что-либо сими средствами въ пользу моей цѣли, и я наконецъ ограничился только дѣйствіями моими по службѣ.

«Изложивъ такимъ образомъ обстоятельства, касающіяся до меня въ совокупности съ другими, равно какъ и тѣ, кои касаются до меня

исключительно, я могу надѣяться, что люди, судящіе хладнокровно, безъ вліянія посторонняго, безъ невыгодныхъ предубѣжденій; люди, знающіе по опыту силу убѣжденій душевныхъ, глубокихъ, не останутся въ нерѣшительности произнести мое оправданіе. Но надежда моя простирается далѣе: я полагаю, что и по законамъ я могу быть оправданъ.

«Меня обвиняютъ: 1) Въ участіи въ тайныхъ обществахъ. 2) Въ изъявленіи какихъ-то незаконныхъ мнѣній въ совѣщаніяхъ и бесѣдахъ.

«Вотъ мое оправданіе передъ закономъ: не довольно, чтобы Общество было тайно, дабы быть преступнымъ. Надлежитъ, чтобы цѣль и дѣйствія Общества были преступны. Единственный уставъ Общества была такъ называемая «Зеленая книга». Въ ней не было ничего преступнаго. Дѣйствія Общества были ли преступны? Сего никакъ доказать нельзя, ибо Общество не дѣйствовало, и я, какъ членъ сего Общества, не могу привести ни одного поступка, который бы я произвелъ въ дѣйство въ качествѣ члена сего Общества. Къ сему надлежитъ прибавить, что сіе Общество было разрушено самими членами онаго.

«На 2-е: Мнѣнія предъ закономъ не могутъ быть признаваемы преступными, покуда они не гласны. Гласность состоитъ въ объявленіи мнѣній или всенародно въ публичныхъ мѣстахъ, или посредствомъ печати. Я могъ въ разговорахъ съ знакомыми излагать мнѣнія рѣзкія, неосновательныя; но при всемъ томъ то, что я говорилъ—были мнѣнія, не публично разглашаемыя. Самое понятіе слова «мнѣніе» означаетъ, что оно можетъ быть несправедливо, можетъ измѣниться. Впрочемъ, если бы мнѣнія, мною въ то время произносимыя, были постояннымъ послѣдствіемъ моихъ правилъ, которыя не могутъ мѣняться подобно мнѣніямъ,—то я конечно помнилъ бы ихъ. Но я истинно могу сказать, что не помню, какія именно мнѣнія я излагалъ въ разговорахъ съ членами Общества; не вспомнилъ бы и приводимыхъ выше словъ, еслибы мнѣ теперь ихъ не напомнили. Смыслъ сихъ словъ, если впрочемъ смыслъ въ нихъ есть—такъ далекъ отъ всѣхъ моихъ правилъ, что я почти сомнѣваюсь, что произнесъ ихъ. Но, положи руку на сердце, кто можетъ сказать, что сіи слова и по формѣ, и по смыслу, простирались за предѣлы шутки.

«Далѣе меня могутъ обвинять: 3) Въ участіи въ Обществѣ, составленномъ по разрушеніи перваго. Здѣсь оправданіе предъ законами легче. Гдѣ слѣды того новаго Общества, въ которому, полагаютъ, что я принадлежалъ? Нѣтъ устава, по которому бы можно судить о виновности сего Общества. Если нѣтъ предмета преступленія (*corpus delicti, le corps du délit*), то нѣтъ и преступника. Это правило есть общее для всѣхъ законовъ.

«Сего для оправданія предъ закономъ достаточно. Если въ изясненіи моемъ выше я говорилъ, что и по уничтоженіи прежняго Общества

толковали о составленіи новаго, что я самъ дѣлалъ попытки въ семь намѣреніи; то принявъ и сіе за пунктъ обвинительный, судья, пожалѣвъ, можетъ быть, о заблужденіи, тщетно будетъ искать въ законахъ казни за толкованія, за желанія, за попытки такіа.

«Наконецъ, дабы истощить всѣ отрасли обвиненія, могутъ обвинять меня: 4) и въ томъ, что я не донесъ о существованіи Общества. Но тутъ самъ законъ меня оправдываетъ и ограждаетъ, требуя въ доносѣ показаній ясныхъ, достовѣрныхъ, и подвергая казни за показанія недоказательныя. Съ самою сильною ревностію къ доносамъ, что могъ бы я показать на членовъ Общества? Что они написали «Зеленую книгу»? Что они собираются въ годъ два раза или три? Что они разговариваютъ о политическихъ предметахъ, не имѣя по большей части нужныхъ для сего овѣдній? Что иногда они собираютъ деньги для помощи бѣднымъ (ибо я не знаю другаго употребленія денегъ, которыя иногда нѣкоторые давали)? Но все сіе было бы не достаточно, и судья могъ бы отвѣчать мнѣ, что вмѣсто доноса, я долженъ бы посоветовать членамъ Общества познакомиться посредствомъ ученія и чтенія съ предметами, о коихъ они говорятъ. Вотъ именно что я и дѣлалъ: не доносилъ, а совѣтовалъ въ семь смыслѣ.

«Впрочемъ я долженъ здѣсь объявить, что многіе изъ членовъ Общества, съ коими мнѣ случалось о семъ говорить, полагали, по многимъ причинамъ, что какъ «Зеленая книга», такъ и все Общество было извѣстно правительству. Я по крайней мѣрѣ не сомнѣвался въ семъ въ послѣднее время, и оказываемыя мнѣ милости покойнымъ императоромъ принималъ тѣмъ съ большею признательностію. То, что покойный императоръ поручилъ мнѣ сказать при отпускѣ меня за границу, подтвердило меня въ семъ мнѣніи. Я обѣщаль исполнить то, что мнѣ совѣтовали (ибо государь, по безпредѣльной добротѣ души, приказалъ мнѣ сказать, что онъ мнѣ даетъ совѣтъ, какъ христіанинъ, а не приказаніе), и прося ту особу, которая мнѣ сообщила эти священныя, незабвенныя для меня слова, изъяснить предъ императоромъ мою живѣйшую душевную признательность, я полагалъ, что эпоха всѣхъ моихъ, такъ называемыхъ, либеральностей миновалась безвозвратно. Въ семъ увѣреніи я пребывалъ съ тѣхъ поръ по нынѣ. И сіе обстоятельство дѣлаетъ для меня чрезмѣрно горестнымъ необходимою оправдываться нынѣ не только въ участіи въ этомъ несчастномъ Обществѣ, но, можетъ быть, и въ предполагаемомъ заговорѣ—противъ кого?—Великій Боже! сотворилъ ли Ты меня такимъ чудовищемъ!

«Газеты нѣсколько разъ повторяли, что, кромѣ тайныхъ обществъ, былъ еще заговоръ... противъ жизни покойнаго императора. Я истинно не знаю, долженъ ли я отклонять отъ себя подозрѣніе такого рода! Въ такомъ обвиненіи конечно не я долженъ оправдываться. Не распро-

страшаясь о чувствахъ, которыя питалъ я къ покойному государю, скажу только, что, по моему убѣжденію, онъ болѣе всѣхъ земнородныхъ сдѣлалъ въ пользу той вещи, которую я почитаю важнѣйшею и священнѣйшею,—въ пользу освобожденія крестьянъ. Скажу еще въ отношеніи къ другимъ членамъ Общества, что во всѣхъ совѣщаніяхъ никогда не было сказано ни полслова, которое могло бы позволить заключеніе о намѣреніяхъ столь глупо жестокихъ. Это я очень помню, ибо никогда не забылъ бы такихъ словъ, которыя могли бы имѣть въ смыслѣ своемъ что-либо похожее на такое обвиненіе.

«Все, что я изложилъ доселѣ, кажется мнѣ достаточнымъ для моего оправданія и предъ законами и предъ людьми, которые будутъ судить о моихъ поступкахъ такъ, какъ надлежитъ судить о дѣяніяхъ человѣческихъ вообще, сообразно словамъ, произнесеннымъ Екатериною II: *«justice n'est pas justice, justice est équité»*. Повторю еще истинное, всегдашнее мое убѣжденіе: я никогда не почиталъ Общества серіознымъ, никогда не воображалъ, что могу быть подверженъ отвѣтственности по участію въ такомъ Обществѣ. Намѣренія мои были всегда чисты, дѣянія мои никогда не были преступны. Мои разговоры могли быть и конечно были неосновательны. Вотъ все, что противъ меня сказать можно.

«Если бы все относящееся къ тайнымъ обществамъ кончилось въ то время, о которомъ говорю; если бы всѣ лица, принадлежавшія къ тайнымъ обществамъ, находились въ такомъ же положеніи, въ какомъ находился я въ послѣдніе два года, т. е. былъ совершенно чуждъ всему, что происходило въ Россіи, то конечно никто не сталъ бы обвинять ихъ ни въ какихъ преступныхъ замыслахъ. Но было возмущеніе! Нѣкоторые изъ лицъ, принадлежавшихъ къ Обществу, участвовали въ семъ возмущеніи. И теперь сіе возмущеніе на основаніи сдѣланныхъ показаній, приписывается Обществу! Въ семъ Обществѣ участвовалъ и я, слѣдовательно, и я обязанъ дать отчетъ въ возмущеніи.

«Я могъ дать отчетъ въ моемъ участіи въ Обществѣ, потому что я зналъ это Общество. Но не могу дать совершенно никакого отчета въ возмущеніи, ибо первое понятіе о немъ я получилъ съ первымъ извѣстіемъ, въ газетахъ напечатаннымъ. При семъ первомъ извѣстіи я никакъ не могъ заключить, чтобы возмущеніе произошло отъ бывшаго Общества, ибо почти никто изъ тѣхъ, коихъ означили участниками возмущенія, не принадлежалъ къ Обществу,—по крайней мѣрѣ тогда, когда я зналъ Общество. Нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ возмущеніи конечно принадлежали къ Обществу. Но неужели я могу отвѣчать за послѣдующіе поступки тѣхъ лицъ, кои нѣкогда вмѣстѣ со мною принадлежали къ Обществу? Я вижу, напротивъ того, что тѣ, съ коими, будучи вмѣстѣ въ Обществѣ, я всѣхъ болѣе былъ связанъ сходствомъ и мнѣніи

и чувствованій, будучи на самомъ мѣстѣ возмущенія, ни мало въ немъ не участвовали, и, какъ я слышу, совершенно теперь оправданы. Какъ же могу отвѣтствовать въ возмущеніи я, оставившій Россію почти за два года прежде возмущенія? Въ продолженіе моего отсутствія я не имѣлъ совершенно никакихъ сообщеній съ Россією, кромѣ писемъ отъ братьевъ, пока они тамъ были. Въ продолженіе всего этого времени я былъ совершенно чуждъ не только тому, чтò могли дѣлать или замышлять лица, участвовавшія со мною въ Обществѣ, но чуждъ даже всему, чтò дѣлалось вообще въ Россіи. Я оставилъ Россію для поправленія моего здоровья. Оно было въ такомъ состояніи, что я не могъ не только ничѣмъ заниматься, но даже ни о чемъ думать, кромѣ только средствъ избавиться отъ сильно вкоренившейся болѣзни. Всѣ тѣ, кои видали меня въ чужихъ краяхъ, могутъ засвидѣтельствовать, что я кромѣ своей болѣзни ни о чемъ не думалъ и не говорилъ. Первое извѣстіе о возмущеніи поразило меня такъ же, какъ и всѣхъ прочихъ русскихъ, которыхъ я тогда видѣлъ въ чужихъ краяхъ; и при семъ извѣстіи мнѣ никакъ не могло придти въ голову, что я впоследствии буду принужденъ оправдываться въ такомъ дѣлѣ! Узнавая болѣе и болѣе подробностей о возмущеніи, я также ни мало не подозрѣвалъ, что замыслъ возмущенія былъ составленъ въ то время, когда и самое возмущеніе было предпринято. Я не буду оправдывать себя тѣмъ, что возмущенія не могутъ быть приписываемы мнѣ тѣми, которые меня знаютъ; ибо къ несчастію вижу, что въ семъ возмущеніи участвовали такіа лица, которыхъ я и самъ никогда не могъ почитать способными къ такимъ дѣламъ. Но вмѣстѣ я долженъ сказать, что между участвовавшими въ возмущеніи я нахожу такихъ людей, съ которыми (судя по ихъ репутаціи, ибо лично я ихъ не зналъ) я никогда не могъ бы имѣть ничего общаго, ни въ чемъ быть съ ними вмѣстѣ.

«Обвиняемыхъ, какъ я вижу по газетамъ, раздѣляютъ на два класса: тѣ, кои участвовали въ возмущеніи, и тѣ, кои, не участвовавъ въ ономъ, принадлежали къ Обществу.

«Тѣ изъ первыхъ, кои, участвовавъ въ возмущеніи, принадлежали къ Обществу, въ допросахъ должны были показать причину своего преступленія. Я полагаю, что единственная причина ихъ дѣяній была ихъ воля. Но сіа причина слишкомъ отвлеченною могла быть для нихъ. Гораздо проще было указать на Общество и существованію сего Общества приписать причину возмущенія, тѣмъ болѣе, что, принадлежавъ къ Обществу, они могли въ разговорахъ своихъ одобрять происшествія сего рода, бывшія въ Гишпаніи и Италіи. Но если бы ихъ спросили: возлагало ли Общество обязанность бунтовать и рѣзать? Кто изъ нихъ могъ бы отвѣчать утвердительно на сей вопросъ? Если же Общество, или уставъ сего Общества, такой обязанности на нихъ не возлагали,

то очевидно, что единственною причиною, единственнымъ источникомъ ихъ дѣяній была собственная ихъ воля. Новымъ доказательствомъ служить и то, что тѣ, кои наиболѣе участвовали въ возмущеніи, къ Обществу не принадлежали, и собственная, индивидуальная воля была и для нихъ единственною побудительною причиною.

«Что касается до тѣхъ, кои, принадлежавъ къ Обществу, не участвовали въ возмущеніи, то они въ показаніяхъ своихъ конечно не могли отрицать, что принадлежали Обществу, они могли также сознаться, что въ совѣщаніяхъ и разговорахъ они произносили слова неосторожныя, неосновательныя. Но отъ мнѣній и рѣчей до дѣяній разстояніе безпредѣльно. И отъ самыхъ сихъ мнѣній или рѣчей они добровольно отказались тѣмъ самымъ, что, бывъ на самомъ мѣстѣ возмущенія, они въ немъ не участвовали. Такое отреченіе отъ прежнихъ мнѣній должно служить для нихъ лучшимъ оправданіемъ, доказывая, что если грѣшили языкомъ, то сердце оставалось всегда невиннымъ. Я не знаю, что они показывали, въ чемъ признавались; но, судя по подробностямъ, напечатаннымъ въ газетахъ, судя по тому, что они не забыли даже фразы, которую я произнесъ за нѣсколько лѣтъ, которую я самъ давно позабылъ и теперь едва могу вспомнить, мнѣ кажется, что они высказали совершенно все съ особенною подробностію. Сіе не позволяетъ сомнѣваться ни въ полнотѣ, ни въ искренности ихъ признанія. Послѣ сего я смѣлъ бы желать, чтобы имъ сдѣлали слѣдующій вопросъ: читали ли они когда-либо Общество вещью серіозною? Имѣли ли они когда-либо ясное понятіе о цѣли Общества, о средствахъ, кои долженствовали вести къ сей цѣли? Я увѣренъ, что на сіе они отвѣчали бы отрицательно. О семъ спросить ихъ нужно, какъ для пользы ихъ собственной, такъ и для убѣжденія правительства, которое не только желаетъ отличить невинныхъ отъ виновныхъ, но конечно не захочетъ лишить себя средствъ удостовѣриться и удостовѣрить свѣтъ, что тайныя общества въ Россіи не имѣли той значительности, которую предполагаютъ по теперешнимъ о нихъ извѣстіямъ. Скажу болѣе: конечно, правительство не захочетъ отвергнуть средствъ объявить, что обвиняемые сего класса лица не столь виновны, какъ, можетъ быть, показываютъ собственныя ихъ признанія.

«Вотъ все, что я могу сказать о возмущеніи. Въ продолженіе всего моего изъясненія, я не называю лицъ по именамъ. Кромѣ того, что я полагаю это бесполезнымъ, ибо всѣ лица сіи уже извѣстны, я опасаясь, исчисляя имена, ошибиться и вмѣсто одного назвать другого. Относительно числа лицъ я могу только сказать, что, принадлежавъ къ Обществу, я видался, можетъ быть въ разныя времена, съ 10 или 15 чело-вѣками, но слыхалъ, что къ Обществу со времени его учрежденія принадлежало около 100 чело-вѣкъ.

«Здѣсь повторяю еще, что всѣ мои объясненія, относительно времени, простираются не далѣе начала 1824 года, когда я выѣхалъ изъ Россіи. Было ли составлено вновь какое-либо Общество, не знаю; былъ ли заговоръ, о которомъ пишутъ, не только не знаю, но и вѣрить теперь сему не могу;—хотя послѣ бывшихъ происшествій всему вѣрить позволительно. Я долженъ сказать также, что говорю только о томъ, что могу теперь вспомнить. Въ послѣднее время я совершенно не думалъ ни о какихъ обществахъ; существованіе того, къ которому принадлежалъ, изгладилось было изъ моей памяти и возобновилось только при видѣ извѣстій о семъ Обществѣ.

«Въ заключеніе моего объясненія да позволено мнѣ будетъ упомянуть объ одномъ обыкновеніи англійскаго уголовного судопроизводства. По изслѣдованіи дѣла, по обнаруженіи вины подсудимаго, судья въ изложеніи существа дѣла присяжнымъ всегда представляетъ имъ прежнюю жизнь подсудимаго, его качества, его поведеніе. Я желалъ бы, чтобы взглянули и на мои занятія, и, положивъ на вѣсы съ одной стороны мое участіе въ Обществѣ, которое я выше описалъ, и мои дѣла, съ другой, рѣшили: могу ли я быть виновенъ въ какомъ-либо содѣйствіи въ происшествіяхъ, покрывшихъ печалію мое отечество?

«Наконецъ я долженъ сдѣлать еще одно признаніе, которое для меня весьма трудно, и именно: мучительна для меня необходимость оправдываться въ дѣлѣ... ребяческомъ, и мучительна потому болѣе, что я и прежде таковымъ почиталъ Общество и всѣ его затѣи. Давно переставъ думать объ Обществѣ, мнѣ казалось, что я простилъ самъ себя,—не скажу мои заблужденія, ибо — по истинѣ—я едва даже и заблуждался; но вѣтренность, съ какою я все слушалъ, все говорилъ,—и сказалъ бы, все дѣлалъ, если бы я что-нибудь дѣлалъ. Теперь будучи въ жестокой необходимости оправдываться въ такомъ ребяческомъ дѣлѣ,—я терплю болѣе, нежели заслужилъ».

Записка эта не удовлетворила слушателей.

— *Cette justification est trop à l'eau de rose* ¹⁾,—сказалъ князь Голицынъ по окончаніи чтенія.

«Князь Голицынъ, прибавляетъ князь Вяземскій ²⁾, былъ человекъ отиѣнно благовольтельный, онъ вообще любилъ и поддерживалъ подчиненныхъ своихъ. Александра Тургенева онъ уважалъ и отличалъ особенно. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ обрадовался бы первой возможности придратъся къ случаю быть защитникомъ любимаго брата, любимаго имъ Александра Тургенева; однако же записка не убѣдила его» ³⁾.

¹⁾ Въ этомъ оправданіи слишкомъ много розовой воды.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1876 г. Т. I, стр. 356.

³⁾ Не имѣя въ своихъ рукахъ показаніе участннковъ тайнаго общества и не зная подробностей, въ чемъ обвиняютъ его, Н. И. Тургеневъ, не могъ

Возвращая записку, князь Голицынъ, конечно, высказалъ свое мнѣніе о ней Александру Тургеневу, но послѣдній, продолжая хлопотать о братѣ, вновь обратился къ государю и писалъ ему ⁴⁾:

«Всемилющійшій государь! Прилагаемое у сего письмо получилъ я сегодня. Любовь къ брату и ужасъ о судьбѣ его объемлютъ всю мою душу. Я увѣренъ, я убѣжденъ въ томъ, что онъ не причастенъ въ злодѣйскихъ замыслахъ.

«Уже теперь, однимъ подозрѣніемъ, наказанъ онъ сверхъ мѣры за то, что участвовалъ въ совѣщаніяхъ Общества, еще не образованнаго, коего проектъ устава ему извѣстный не содержалъ ничего преступнаго. Душа, правила моего брата чужды злодѣйствамъ.

«Его обвиняютъ въ словахъ, въ мнѣніяхъ, но кто обвинитель? кто показываетъ о томъ, что онъ думалъ, говорилъ? Оправданіе его въ рукахъ вашего императорскаго величества. Умоляю васъ—прочеть его и приказать судить безъ предубѣжденія.

«Милосердіе, нѣтъ, самая справедливость сего требуетъ. И здѣсь, въ присутствіи судей, не сказалъ бы онъ ничего болѣе того, что написалъ.

«Болѣзнь его, жестокая и неизлѣчимая, не есть пустое извиненіе; но истинна, и слѣдовательно законная причина для отсутствія. Оно не должно пасть ему въ новое обвиненіе. Слова, ему приписываемыя, коихъ онъ и не помнить, не имѣли, не могли имѣть того ужаснаго, преступнаго значенія, которое придаютъ имъ. Сказанное въ разговорѣ, котораго такъ же, какъ и словъ, онъ и припомнить не можетъ, можетъ ли составить обвиненіе, какъ злодѣяніе, какъ измѣна! Боже мой! Онъ-ли, плававшій и пылающій любовью къ государю, жизнь посвятившій службѣ его, можетъ быть въ семь обвиняемъ! Государь! Прочтите письмо его, прочтите чистоосердечную его исповѣдь къ брату. Такъ ли чувствуетъ, такъ ли говоритъ преступникъ? Простите мнѣ сіи строки. Положеніе мое теперь ужасно. Богъ отнимаетъ у меня не только брата, но и тѣхъ, кои знали его, его службу, его душу. Никакая казнь сравниться не можетъ съ тѣмъ, что чувствую въ сіи минуты! Богъ видитъ наше сердце. Онъ судитъ не по словамъ; слова и мнѣнія—не дѣло, не преступленіе, не измѣна. Слезами омываю руки ваши».

Письмо это осталось, однако же, безъ послѣдствій. Николай Ивановичъ Тургеневъ былъ осужденъ, приговоръ вошелъ въ свою силу, и онъ поселился въ Англій. Тяжела была для него жизнь на чужбинѣ. Убѣжденный въ невиновности своего друга и желая придти къ нему

составить основательнаго оправданія. Впослѣдствіи онъ написалъ то, которое было напечатано въ „Русской Старинѣ“.

⁴⁾ Въ письмѣ отъ 23-го мая 1826 года. Письмо это получено нами отъ П. Н. Тургенева.

на помощь, В. А. Жуковскій упорно ходатайствовалъ за Н. И. Тургенева и старался оправдать его въ глазахъ государя.

Императоръ Николай выслушивалъ Жуковскаго, не препятствовалъ ему быть въ сношеніяхъ съ братьями Тургеневыми, не особенно негодовалъ на Николая ¹⁾, но не считалъ возможнымъ измѣнить приговоръ верховнаго суда. Такъ прошло три года; въ апрѣлѣ 1829 г. Н. И. Тургеневъ прислалъ Жуковскому письмо для представленія его императору.

«Всемилоствѣйшій государь,—писалъ Николай Ивановичъ Тургеневъ. Уже скоро годъ (?) какъ я ношу на себѣ имя измѣнника противъ отечества и государя. Я самъ навлекъ на себя это несчастіе; своею неаякою лишилъ я себя средствъ доказать свою невинность. Не оправдываю себя въ сей настоящей винѣ моей. Но, государь, за сію единственную вину, за которую въ нашихъ законахъ не положено и наказанія, мнѣ назначена казнь выше казни уличенныхъ измѣнниковъ. Носивъ въ продолженіе года въ молчаніи и съ покорностію къ Промыслу на себѣ бремя сего осужденія, смѣю теперь думать, что я заслужилъ право говорить о самомъ себѣ передъ верховнымъ судилищемъ,—передъ государемъ. Смѣю теперь думать, что я получилъ право просить прощенія въ томъ, въ чемъ не могу совершенно оправдать себя; т. е. въ моей неаякѣ, и снѣтъ съ себя ту вину, которой не былъ причастенъ. Сія вина, вовсе мнѣ чуждая, не тяготитъ моей совѣсти, хотя осужденіемъ меня въ оной я и лишенъ на всегда и безвозвратно лучшаго изъ благъ земныхъ: возможности быть на что-либо годнымъ землѣ своей и самаго необходимаго благополучія: жить въ землѣ сей. Чувство чистой совѣсти и обязанности мои, какъ человѣка и христіанина, требуютъ, чтобы я съ твердостію переносилъ несчастія незадолуженныя. Съ помощію Бога Всевышняго и Всевидящаго, я надѣюсь переносить ихъ терпѣливо. Но моя неаяка, сія дѣйствительная вина моя—сильно бременитъ меня, и не смотря на безнадежность моего положенія, я не могу не искать облегченія отъ сего бремени въ великодушія вашего императорскаго величества. Предъ вашимъ императорскимъ величествомъ я виновенъ. Къ вамъ, всемилоствѣйшій государь, и обращаюсь. Снятіе съ меня сего бремени, единственно моею виною причиненнаго, сдѣлаетъ меня совершенно невиннымъ и позволитъ мнѣ жить и умереть, какъ

¹⁾ Князь Вяземскій записалъ, что въ то время рассказывали слѣдующее: вскорѣ по учрежденіи слѣдственной комиссіи по дѣламъ политическихъ обществъ, Жуковскій спрашивалъ государя: нужно ли Николаю Тургеневу возвратиться въ Россію? Государь отвѣчалъ: „Если спрашиваешь меня, какъ императора, скажу: нужно; если спрашиваешь какъ частнаго человѣка, то скажу: лучше ему не возвращаться“ („Рус. Арх.“ 1876 г, Т. I, стр. 254).

жилъ дотолѣ: съ чувствомъ не нарушенныхъ обязанностей ни въ какомъ отношеніи. Что побудило меня не явиться? Скажу откровенно: я былъ въ отдаленіи, не совсѣмъ оправившись отъ продолжительной болѣзни. Характеръ вашего императорскаго величества былъ мнѣ тогда не извѣстенъ. Я зналъ, что противъ меня было сильное предубѣжденіе, основанное на образѣ мыслей моихъ, которыя я никогда не скрывалъ и обнаруживалъ, можетъ быть, съ излишнею рѣзкостію, не щадя ничьяго самолюбія, и тѣмъ самымъ подалъ поводъ къ заключеніямъ на счетъ моихъ правилъ, неблагоприятнымъ даже враждебнымъ, но вообще не справедливымъ; ибо, думая объ одномъ только освобожденіи отъ рабства крестьянъ, занятый исключительно сею мыслию, мыслию любимую и покойнаго государя—я всегда былъ и мнѣніями и поступками врагомъ безпорядка и буйствъ. Но предубѣжденіе сіе существовало, и я не могъ думать, что меня будутъ судить безпристрастно, тѣмъ болѣе, что и самое правительство, прежде нежели судъ рѣшилъ, злодѣи ли я или нѣтъ, уже нѣкоторымъ образомъ признало меня преступникомъ, ибо мнѣ сказано было, именемъ вашего императорскаго величества, что я буду немедленно объявленъ (signalé) государственнымъ измѣнникомъ, если не явлюсь къ отвѣту. Все сіе могло рѣшить меня на поступокъ неизвинительный, котораго не хочу оправдывать. Но, повторяю, не страхъ за преступленіе, коему я не былъ причастенъ, но опасеніе, что меня обвинять по одному предубѣжденію, рѣшило меня не явиться.

«Предъ тѣмъ я послалъ письменное объясненіе: оно не могло быть ни подробно, ни удовлетворительно; ибо я не зналъ всей обширности и важности того ужаснаго дѣла, въ которомъ я оказался замѣшаннымъ, и не могъ отразить тѣхъ обвиненій, коихъ не могъ ни угадывать, ни почитать возможными. Мое объясненіе не было принято въ уваженіе, и я, въ отсутствіи, безъ собственнаго признанія и безъ всякихъ убѣдительныхъ причинъ, осужденъ какъ участникъ въ заговорѣ противъ отечества и жизни государя. Довѣренность къ вашей строгой справедливости, обязанность противъ моего отечества, которому служилъ съ пламенною любовію и съ безкорыстіемъ, обязанность противъ самого себя и особенно благодарность къ тому, который, зная образъ моихъ мыслей, отдавалъ мнѣ справедливость и противъ жизни котораго признанъ я неистовымъ заговорщикомъ,—побудили меня обратить безпристрастный взоръ на прошедшую жизнь мою. Покойному государю извѣстно было, что я въ разное время говорилъ, извѣстно было, къ какому обществу я принадлежалъ. Но онъ все простилъ мнѣ—и мои рѣзкія слова и мои рѣзкія мнѣнія, и принадлежность къ тайному обществу (впрочемъ, не преступному). Онъ не только продолжалъ употреблять меня по дѣламъ службы; но принялъ съ благоволеніемъ проектъ мой «О рабствѣ», велѣлъ благодарить меня за оный, отпустилъ меня за границу, осыпавъ

благодѣяніями, велѣлъ мнѣ сказать только, чтобы я оставилъ мои либеральности. Я принялъ совѣтъ, какъ повелѣніе, и исполнилъ оное свято, и почиталъ себя чуждымъ всего, кромѣ благодарности къ тому, кто открылъ забвеніемъ прошедшее и съ нимъ мои заблужденія. И въ чужихъ краяхъ получилъ я предложеніе по волѣ покойнаго государя принять новое мѣсто; слышалъ, что и не за долго до кончины его, меня поразишей, онъ не переѣхалъ обо мнѣ мнѣніе.

«Приношу, государь, къ вашему трону моему исповѣдь: въ ней все сказано. Если бы съ нею въ рукахъ явился я предъ судомъ, то она опровергнула бы неосновательныя показанія моихъ обвинителей и спасла бы отъ осужденія. Судьи мои, гдѣ, кои могли поставить меня на-ряду съ измѣнниками и убійцами, не примуть ее. Но вы, государь, судья моихъ судей, обратите на нее взглядъ внимательный! Именемъ вашимъ погублена моя честь предъ лицомъ моего отечества. Вы бы спасли ее, когда бы мой голосъ дошелъ до васъ прежде приговора! Но и послѣ приговора этотъ голосъ будетъ до васъ доступенъ. Екатерина сказала: лучше простить десять виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго. Я невиненъ—а вы на престолѣ Екатерины».

Письмо это было представлено императору, при чемъ самъ В. А. Жуковский писалъ ему ¹⁾:

«Всемилоствѣннѣйшій государь, на колѣняхъ прошу ваше императорское величество оказать мнѣ монаршую милость. Увѣренъ, что не прогнѣваю васъ сею просьбою, которой не могу не принести вамъ, ибо не буду имѣть покоя душевнаго, пока не исполню того, что почитаю священнойшею должностію. Государь, снова прошу о Николаѣ Тургеневѣ, но уже не о его оправданіи—если чтеніе бумаги его ²⁾ не произвело надъ вашимъ величествомъ убѣжденія въ пользу его невинности, то уже онъ ничѣмъ оправданъ быть не можетъ. Прошу ваше величество объ одномъ милосердіи, которое достойно вашего сердца и которое въ семъ случаѣ не можетъ быть несправедливостію. Государь, приговоръ, произнесенный надъ Николаемъ Тургеновымъ, былъ убійствененъ не для одного его, но и для его братьевъ. Младшій ³⁾, находившійся по болѣзни въ Италіи, былъ вызванъ къ суду: онъ немедленно покорился вызову и поѣхалъ въ Россію. Въ Дрезденѣ получилъ онъ позволеніе остановиться за границею, ибо на него не было никакихъ показаній (и не могло быть, ибо онъ совершенно ничему непричастенъ). Но

¹⁾ Начало и заключеніе этого письма, впрочемъ недословно, напечатаны въ статьѣ кн. П. А. Вяземскаго „Жуковский, какъ адвокатъ Н. Тургенева передъ императоромъ Николаемъ“ см. „Русскій Арх.“ 1876 г. Т. I, стр. 255 и 256.

²⁾ Оправдательной записки.

³⁾ Сергѣй Ивановичъ Тургеновъ.

вызовъ и, наконецъ, приговоръ брата разстроили его такъ сильно, что онъ потерялъ рассудокъ: онъ умеръ въ Парижѣ на рукахъ у меня и у старшаго брата. Государь, сіе несчастное сумасшествіе, сія преждевременная смерть суть слѣдствія вызова, сдѣланнаго по подозрѣнію, оказавшемуся несправедливымъ: они даютъ мертвому право на милосердіе ваше къ живому осужденному. Онъ боленъ, жизнь въ климатѣ Англіи умертвить его; онъ могъ бы быть спасенъ въ южномъ климатѣ Европы. Прошу не о позволеніи ему жить, гдѣ пожелаетъ—на такое позволеніе онъ права имѣть не можетъ; прошу только о доставленіи ему возможности оставить Англію, не опасаясь никакого преслѣдованія. По волѣ вашей сего преслѣдованія быть не можетъ, но наши иностранныя миссіи обязаны не позволять ему жить свободно въ мѣстахъ, отъ вліянія ихъ зависящихъ.

«Государь, дерзаю въ семь случаѣ просить васъ быть личнымъ моимъ благотворителемъ: я страшусь за бѣднаго его брата, съ которымъ друженъ съ дѣтства и который теперь неразрывно соединилъ судьбу свою съ бѣдственною судьбою осужденнаго. Дайте мнѣ счастье спасти его вашею милостію. Если бы могло быть сообщено подъ рукою повѣлѣніе, хотя англійскому посольству (а оно уже могло бы сообщить его и другимъ отъ себя), чтобы Николаю Тургеневу не препятствовать жить, гдѣ онъ пожелаетъ за границею, то милость ваша была бы неизреченна. Примите въ залогъ мое честное слово, что онъ нигдѣ ни словомъ, ни дѣломъ не навлечетъ на себя никакого нареканія отъ правительства. Государь, не откажите въ сей милости. Съ восхитительнымъ чувствомъ благодарности къ вамъ она прольетъ и ясность и спокойствіе на всю мою жизнь, столь совершенно вамъ преданную.

«Вашего императорскаго величества вѣрноподанный В. Жуковскій» ¹⁾.

Не ограничиваясь этимъ письмомъ и желая ознакомить Бенкендорфа, въ рукахъ котораго находились теперь всѣ дѣла осужденныхъ декабристовъ, со всѣми подробностями о прошломъ и настоящемъ положеніи Николая Тургенева, В. Жуковскій отправилъ ему въ копіи почти всю переписку по этому дѣлу ²⁾. За отсутствіемъ изъ Петербурга Бенкендорфа, онъ писалъ правителю канцеляріи шефа жандармовъ Максиму Яковлевичу Фонъ-Фоку ³⁾:

«Имѣю честь препроводить къ вашему превосходительству тѣ бу-

¹⁾ Сообщено И. А. Бычковымъ, изъ бумагъ его покойнаго отца, академика А. Ѳ. Бычкова.

²⁾ Оправдательную записку Н. Тургенева, напечатанную нами выше; письмо Н. Тургенева; выписки изъ его писемъ къ братьямъ (Письма эти полностью были напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1901 г. № 5) и свое письмо къ государю.

³⁾ Стѣ 30-го іюня 1829 года. Арх. П. Н. Тургенева.

маги, о коихъ я имѣлъ честь говорить съ вами лично. Не прошу васъ ни о чемъ—вѣрряю ихъ вашему благородному сердцу и вашему здравому уму. Прочтите ихъ безъ предубѣжденія и выведите изъ нихъ то заключеніе, которое внушитъ вамъ строгая справедливость и всегда согласное съ нею человѣколюбіе.

«Результатъ, коего на первый случай желаю и коего, по всей справедливости, ожидать можно и должно, есть слѣдующій: исходатайствовать, чтобы государь императоръ благоволилъ сдѣлать милость подъ рукою приказать дать миссіямъ нашимъ не препятствовать свободному пребыванію Николая Тургенева за-границею, тамъ, куда приведетъ его разстроенное здоровье. Если это удастся, то оказана будетъ милость, не противная самой строгой справедливости. Не прошу васъ быть ревностнымъ ходатаемъ за двухъ несчастныхъ ¹⁾, скажу только, что если вы поможете, съ своей стороны, удачѣ сего дѣла, то можете радоваться мыслию, что спасли жизнь двумъ достойнымъ людямъ. И тотъ и другой вамъ извѣстны.

«Я увѣренъ, что вы обратите на нихъ (на бумаги) заботливое вниманіе. Прошу еще объ одномъ: напомните генералу Бенкендорфу (по возвращеніи его) о семъ дѣлѣ; онъ расположенъ благопріятно. Нужно только воспользоваться симъ расположеніемъ и не дать дѣлу заглохнуть».

Повидимому, опасенія Жуковскаго оправдались, и до декабря мѣсяца не было получено никакого рѣшенія. Тогда Александръ Тургеневъ, жившій въ то время въ Парижѣ, рѣшился обратиться самъ съ просьбою къ императору и сообщилъ о томъ Жуковскому.

«Всемиловѣйшій государь,—писалъ А. И. Тургеневъ ²⁾,—вашему императорскому величеству благоугодно было принять въ Берлинѣ милостиво письмо мое, въ коемъ умолялъ я васъ, всемиловѣйшій государь, о безопасности для моего несчастнаго брата жить на континентѣ. Съ преданностію волѣ Божіей и съ вѣрою въ ваше сердце ожидалъ я разрѣшенія судьбы моей, страдая въ терпѣніи. Я не смѣлъ приступить снова къ престолу вашему, особливо въ дни испытанія, когда вмѣстѣ съ Россією и почти со всею Европою, дрожалъ и молился ³⁾. Провидѣніе васъ сохранило: сердце подданныхъ успокоилось.

«Нынѣ снова я рѣшился прибѣгнуть къ милосердію вашему, храня въ благородной душѣ высочайшее соизволеніе, вами въ Берлинѣ изъявленное. Я бы не дерзнулъ прибѣгнуть къ вамъ, всемиловѣйшій государь, но усиливающаяся болѣзнь и опасеніе за жизнь и послѣдняго брата преодолеваютъ силы души, изнемогшей въ бѣдствіяхъ и въ оди-

¹⁾ Александра и Николая Тургеневыхъ.

²⁾ Въ письмѣ изъ Парижа отъ „ „ декабря 1829 (января 1830 г.); числа не проставлены.

³⁾ По случаю пребыванія императора Николая въ Турціи въ 1829 году.

ночествѣ. Я умоляю не о немъ, а о себѣ и для себя. Онъ не хочетъ, чтобы я раздѣлялъ съ нимъ жизнь въ Англіи; а здѣсь живу я съ мыслию, что для облегченія неизлѣчимой болѣзни ему нуженъ южный климатъ и цѣлительныя воды. Умоляю васъ, всемилостивѣйшій государь, о возможности исполнить мою обязанность, умоляю объ одномъ себѣ. Вѣрю себя вашему сердцу неограниченно и буду сносить жизнь не безъ упованія».

Зная, что письмо это не минуетъ рукъ шефа жандармовъ, и, желая подкрѣпить просьбу Тургенева своею, Жуковскій отправился къ нему. При входѣ въ кабинетъ Бенкендорфъ встрѣтилъ его словами:

— Знаю, зачѣмъ вы пришли; но долженъ сказать вамъ нерадостный отвѣтъ. Государь рѣшительно отказалъ. Ему даже было непріятно, что Тургеневъ говоритъ въ письмѣ своемъ объ общаніи, котораго ему никогда дано не было.

Жуковскій напомнилъ Бенкендорфу, что если государь не общалъ въ Берлинѣ ничего рѣшительнаго, то, по его же словамъ, изъявилъ согласіе обратить вниманіе на просьбу Александра Тургенева, спросить Нессельроде и даже пересмотрѣть дѣло Николая Тургенева. Бенкендорфъ не рѣшился доложить объ этомъ государю и отвѣчалъ Александру Тургеневу, что императоръ не можетъ ничего сдѣлать для удовлетворенія его просьбы, такъ какъ братъ его «отрекся отъ своего царя, не предавшись въ свое время великодушію его; что государь уже не считаетъ его своимъ подданнымъ» ¹⁾...

Къ этому Жуковскій прибавлялъ Тургеневу ²⁾: «Въ Берлинѣ государь былъ склоненъ обратить вниманіе на твою просьбу потому, что тогда Бенкендорфъ представилъ твое положеніе, какъ оно есть. Теперь, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онъ представилъ письмо твое, вѣроятно безъ всякаго объясненія, и оно могло показаться государю новымъ требованіемъ. Онъ отказалъ, а Бенкендорфъ не объяснилъ ничего снова».

Такое объясненіе Жуковскій рѣшился сдѣлать самъ и писалъ императору ³⁾:

«Всемилоствѣйшій государь! Смѣю быть увѣренъ, что не навлеку на себя гнѣва вашего императорскаго величества моимъ поступкомъ. Исполняю обязанность, налагаемую на меня дружбою, и тѣмъ только

¹⁾ Письмо Бенкендорфа Алек. Тургеневу 29-го янв. 1830 г. № 415.

²⁾ Черновой отпускъ собственноручнаго письма, доставленный намъ графомъ Н. А. Бревверномъ-де-ля-Гарди.

³⁾ Въ письмѣ отъ 20-го января 1830 г. Изъ бумагъ покойнаго академика А. Ф. Бычкова. Черновой отпускъ въ нѣсколько ивмѣненномъ видѣ доставленъ намъ графомъ Бревверномъ-де-ля-Гарди.

вновь свидѣтельствую мою благоговѣйную довѣренность къ вашему характеру.

«Александръ Тургеневъ снова повергъ всеподданнѣйшую просьбу свою къ стопамъ вашего императорскаго величества. Онъ увѣдомилъ меня объ этомъ черезъ письмо. Я не ходатайствую за него осмѣливаюсь передъ вашимъ величествомъ, ибо на это не имѣю никакого права. Но, всемилостивѣйшій государь, никому, кромѣ меня, здѣсь не извѣстно его бѣдственное положеніе; если оно въ сію минуту не будетъ столько же извѣстно и вамъ, то просьба его должна будетъ показаться вамъ дерзновенною; а дѣло идетъ о судьбѣ цѣлой его жизни. Я счелъ себя обязаннымъ представить всеподданнѣйше вашему величеству нѣкоторыя объясненія.

«Излагаю въ немногихъ словахъ то, что было съ Александромъ Тургеневымъ въ послѣдніе годы. Въ ту минуту, когда узналъ онъ въ Петербургѣ объ осужденіи старшаго своего брата, находившагося тогда въ Лондонѣ, получилъ онъ извѣстіе, что другой его братъ, бывшій въ Дрезденѣ, отъ горя лишился ума; пораженный приговоромъ одного брата, онъ принужденъ былъ спѣшить на помощь къ другому, безумному, прожилъ съ нимъ годъ, но не помогъ ему и наконецъ скоронилъ его. Отъ могилы мертваго переселился онъ къ другому, можно сказать, полумертвому, котораго нашелъ убитаго и потерю брата, и собственнымъ несчастіемъ, и климатомъ. Проведя съ нимъ нѣсколько времени, онъ долженъ былъ и его покинуть, ибо его присутствіе не облегчаетъ, а увеличиваетъ бремя жизни осужденнаго, который въ братѣ своемъ видитъ новую жертву судьбы, его постигшей. Онъ находится теперь въ Парижѣ для того, чтобы быть хотя вблизи брата. И такъ не можетъ быть ни съ нимъ вмѣстѣ, ни разнѣ. Такое состояніе можетъ быть названо мученическимъ, и тѣ, которые видѣли его въ послѣднее время, говорятъ, что онъ самъ, отъ безпрестанной тоски по братѣ, находится въ опасности потерять разумъ. Его состояніе тѣмъ болѣе бѣдственно, что онъ увѣренъ, что братъ его былъ бы совершенно оправданъ, еслибы явился къ суду, и что онъ себя почитаетъ одною изъ главныхъ причинъ его несчастія, ибо, видя, какое невыгодное мнѣніе на счетъ брата распространено было въ Петербургѣ во время производства слѣдствія, онъ самъ уговорилъ его прислать одно письменное оправданіе вмѣсто того, чтобы явиться лично. Но привсемъ полномъ убѣжденіи въ невинности брата, онъ умоляетъ васъ, государь не объ его оправданіи, а только о нѣкоторомъ облегченіи собственной участи, умоляетъ единственно о возможности спасти жизнь брата переселеніемъ его на континентъ. Все было бы сдѣлано для А. Тургенева, если бы дано было секретное повелѣніе нашимъ миссіямъ не тревожить его брата тамъ, гдѣ онъ на континентѣ жить будетъ.

«Государь! Александръ Тургеневъ жертвуетъ братской любви всею своею жизнію, спокойствіемъ, отечествомъ, дѣятельностію, счастіемъ служить вамъ — къ сему мнѣ прибавить нечего. Кто лучше васъ опредѣлитъ цѣну такому братскому самоотверженію? Повергаюсь ко стопамъ вашимъ съ неограниченною преданностію и любовью.

«Вашего императорскаго величества вѣрноподанный Жуковскій».

Въ пятницу 24-го января Жуковскій отнесъ это письмо въ кабинетъ государя и 30-го января писалъ А. И. Тургеневу:

«Вчера я получилъ письмо твое изъ Парижа съ письмомъ къ Бенкендорфу и съ выпискою изъ письма Николая. И то, и другое отдамъ но это будетъ бесполезно. Рѣшительный отвѣтъ сдѣланъ, и ты уже объ этомъ увѣдомленъ мною и, можетъ быть, самимъ Бенкендорфомъ. Теперь увѣдомляю тебя о томъ, что случилось послѣ отправленія послѣдняго письма твоего; во-первыхъ, прочитай приложенную копию съ письма, которое написалъ я къ государю. Оно было написано, но еще не подано, когда я написалъ къ тебѣ — я не хотѣлъ пропустить курьера; а о моемъ намѣреніи не говорилъ потому, что не хотѣлъ напрасно тебя тревожить новою надеждою. На другой день по представленіи письма моего государю, получилъ я отъ него отвѣтъ и получилъ черезъ посредника, который въ этомъ случаѣ представляется мнѣ добрымъ Ангеломъ Хранителемъ — черезъ государыню ¹⁾. Вотъ что сказала она мнѣ именемъ государя: *L'Empereur ne peut rien faire pour A. Tourgueneff dans la cause de son frère, encore moins pour son frère. Mais si ce dernier se trouve innocent, qu'il vienne lui-même se livrer à la générosité de l'Empereur; il saura lui rendre justice* ²⁾. И она прибавила нѣчто весьма трогательное со стороны государя: *mais il ne faut pas qu'il risque à présent le voyage, il pourrait être pris; qu'il vienne au printemps par mer; alors il lui sera possible de parvenir tout droit jusqu'à l'Empereur* ³⁾. Это отвѣтъ рѣшительный. Онъ даетъ то, чего бы я не посмѣлъ требовать и не полагалъ уже возможнымъ. — Я принялъ его съ чувствомъ благодарности къ государю и передаю его тебѣ слово въ слово. — Но совѣта не могу дать никакого. Я не могу дать совѣта, что дѣлать. Объяснимъ только положеніе твоего брата. 1-е. Онъ осужденъ въ

¹⁾ Въ черновомъ наброскѣ написано: „Какъ она была трогательна, говоря со мною просто, съ участіемъ, съ чистымъ чувствомъ человѣчества, которое въ ней такъ всегда ясно сіяетъ“.

²⁾ Императоръ не можетъ ничего сдѣлать для А. Тургенева въ дѣлѣ его брата, а тѣмъ болѣе для его брата; но если этотъ послѣдній невиненъ, то пусть онъ пріѣдетъ и положится на великодушіе императора; онъ съумѣетъ оказать ему справедливость

³⁾ Но ему не слѣдуетъ рисковать ѣхать теперь, онъ могъ бы быть арестованъ! Пусть онъ пріѣдетъ весною моремъ, тогда онъ будетъ имѣть возможность явиться прямо императору.

отсутствіи, неявка его принята за доказательство преступленія, письменное объясненіе его не было принято. Если бы онъ въ то время самъ явился и могъ на очной ставкѣ опровергнуть показанія обвинителей, то совершенно бы оправдался. — 2-е. Уже приговоренный верховнымъ судомъ, онъ прислалъ второе свое объясненіе, руководствуясь донесеніемъ слѣдственной комиссіи. Самъ же явиться болѣе не могъ, ибо не могъ надѣяться, чтобы его послѣ приговора стали судить, и явился бы только для приличія, для принятія опредѣленнаго наказанія. Но его новое объясненіе не было признано удовлетворительнымъ. — 3-е. Теперь снова государь даетъ ему надежду быть судимымъ и ставитъ его въ то положеніе, въ которомъ онъ находился до произнесенія приговора. Онъ можетъ надѣяться быть оправданнымъ, если, ввѣрившись самому государю, представить достаточныя доказательства своей невинности. Не даю никакого совѣта. — Но спрашиваю: можетъ ли братъ надѣяться представить своимъ будущимъ судьямъ сіи достаточныя доказательства своей невинности. — Обвинителей, выслушанныхъ на прежнемъ судѣ, на лицо не будетъ, очныхъ ставокъ дѣлать не съ кѣмъ; то же, что онъ представилъ въ послѣднемъ письменномъ объясненіи, было найдено неудовлетворительнымъ; будетъ ли удовлетворительнѣе это объясненіе, если оно сдѣлано будетъ словесно? Станемъ на мѣсто судей. Могутъ ли они смотрѣть на него нашими глазами? Мнѣ и тебѣ извѣстна вся прошедшая жизнь его, намъ извѣстны и его чувства, правила и характеръ: отъ сего совершеннаго знанія его такимъ, каковъ онъ есть, мы переходимъ къ его приговору и, сличая этотъ приговоръ (произнесенный въ отсутствіи по однимъ показаніямъ, не утвержденнымъ доказательствами) съ нашимъ понятіемъ о немъ и съ его словами (коимъ напередъ вѣримъ), мы оправдываемъ его совершенно. Я съ своей стороны никогда не потеряю вѣры въ его невинность. Но можно ли по справедливости того же ожидать отъ судей его. Они не только не знаютъ и не могутъ знать его такимъ, каковъ онъ есть, но, переходя къ нему отъ его приговора, отъ его неявки, отъ мнѣнія, противъ него говорящаго, должны быть напередъ убѣждены въ его виновности, и нужна совершенная очевидность, чтобы поколебать и уничтожить сіе убѣжденіе; одна его слова не произведутъ нужной очевидности. Ему не только надобно сказать за себя я не виновенъ, но должно сказать и своимъ обвинителямъ: вы не правы; должно имъ это доказать, должно ихъ своими доказательствами принудить отказаться отъ словъ своихъ. Но гдѣ же эти обвинители? Онъ долженъ будетъ говорить одинъ, передъ нимъ не будетъ тѣхъ обвинителей, коихъ показанія подвергли его приговору и коихъ бы онъ своими опроверженіями могъ или убѣдить во лжи или заставить отречься отъ показаній ошибочныхъ. Государь общаетъ ему судъ и правосудіе. Ввѣрив-

писью безусловно великодушію государя, онъ конечно произведетъ бы великое убѣжденіе въ свою пользу. Но государь не можетъ ему обѣщать помилованія, да и самому ему нельзя желать помилованія. Воспользовавшись великодушіемъ государя, онъ необходимо долженъ въ надеждѣ оправданія подвергнуть себя и опасности осужденія въ случаѣ неудовлетворительности его доказательствъ въ пользу своей невинности. И такъ прежде, нежели на что-нибудь рѣшится, ему надобно непременно быть напередъ увѣреннымъ, что онъ можетъ соотвѣтствовать сей готовності государя оказать ему правосудіе, что его доказательства будутъ достаточны, что онъ представитъ судьямъ своимъ и что болѣе убѣдительное, нежели послѣднее его оправданіе. Опять повторяю: не могу дать никакого совѣта. Пускай Николай поступитъ, какъ скажетъ ему его добрый геній. Я съ своей стороны сохранию убѣжденіе въ его невинности и тогда, когда бы онъ нашелся принужденнымъ сказать государю, столь великодушно его призывающему: болѣе тѣхъ доказательствъ, кои мною представлены на бумагахъ, я не имѣю! Если они не достаточны, то не могу быть оправданъ, хотя я невиненъ! Но послѣ такого отзыва судьба его рѣшится навсегда. Государю безъ суда оправдать его не возможно; въ отсутствіи же судить его не будутъ: этого нельзя ни ожидать, ни требовать. Напиши немедленно, на что вы рѣшитесь» ⁴⁾).

Между тѣмъ ободренный словами императрицы и видя въ нихъ, что императоръ Николай не имѣетъ къ осужденнымъ непріязненнаго чувства, а напротивъ относится къ нимъ милостиво, В. А. Жуковскій рѣшился на смѣлый подвигъ, возможный только ему, по близкому положенію къ царскому семейству. — Онъ намѣренъ былъ обратиться къ милости императора и просить объ облегченіи участи всѣхъ осужденныхъ.

«Милостивое вниманіе, — писалъ онъ, — съ какимъ ваше императорское величество благоволили принять послѣднюю просьбу мою, даетъ мнѣ смѣлость наконецъ выразить передъ вами то, что давно у меня на сердцѣ и что уже давно бы излилось передъ вами, если бы я имѣлъ на то случай. Смѣю думать, государь, что вы нѣсколько меня знаете, что вы вѣрите чистотѣ моихъ намѣреній и искренней любви моей къ вамъ. Итакъ не могу бояться, чтобы теперешній поступокъ мой могъ быть изъясненъ неблагопріятно. Думаю даже, что буду виноватъ передъ вами, если побоясь передать душѣ вашей такую мысль, которая кажется мнѣ ея достойною, которая вамъ однимъ и никому, кромѣ васъ, сообщена быть не можетъ.

«Государь! Я осмѣлился просить васъ за Александра Тургенева и

⁴⁾ Письмо это доставлено намъ графомъ Н. А. Бреверномъ-де-ля-Гарди.

упомануть передъ вами о братѣ его; теперь осмѣливаюсь сдѣлать болѣе: говорить о другихъ осужденныхъ ¹⁾).

«Государь! Время строгости для нихъ миновало! Время милости наступило! Пришла пора залѣчить тѣ раны, которыя въ столькихъ сердцахъ болятъ и вѣчно болѣть не перестанутъ. Государь! про из не с и т е а м н и с т і ю! Обрадуйте ваше сердце, Россію и Европу! Я переносусь мысленно къ первой минутѣ вашего царствованія, къ этой удивительной минутѣ, которой нѣтъ примѣра ни въ какой исторіи, въ которую вы, сначала отказавшись отъ короны изъ уваженія къ святости права, потомъ принявъ ее изъ покорности къ Промыслу, явились намъ столь достойнымъ вашего назначенія ²⁾. Въ эту минуту Провидѣніе изъ безумства нѣсколькихъ несчастныхъ произвело для васъ случай вдругъ явиться передъ Россією въ естественномъ ³⁾ вашемъ величіи, вдругъ овладѣть довѣренностію вашихъ подданныхъ и уваженіемъ остальнаго свѣта. Но преступленіе

¹⁾ Первые строки письма были сначала написаны въ двухъ редакціяхъ.

а) Не имѣю словъ, чтобы изъяснить передъ вами то чувство благодарности, которое произвело во мнѣ ваше милостивое вниманіе къ моей просьбѣ и вашъ трогательный, великодушный, истинно царскій отвѣтъ, сообщенный мнѣ государынею императрицею.

б) Милость (з а т ѣ м ѣ и с п р а в л е н о: милостивое вниманіе), съ какою вы благоволили принять просьбу мою, столь трогательная для меня особенно потому, что вижу въ ней личное ваше ко мнѣ благоволеніе, которое такъ для меня драгоценно, даетъ мнѣ смѣлость наконецъ выразить то, что давно у меня на сердцѣ, что я давно бы сказалъ вамъ, если бы имѣлъ на то случай. Не знаю, какъ приступить къ этому изъясненію, ибо можетъ показаться, что я выѣшиваюсь не въ свое дѣло, что хочу себя передъ вами выставить или имѣю гордое (ф р а з а н е о к о н ч е н а). Смѣю думать, что вы, государь нѣсколько меня знаете, что вы вѣрите чистотѣ моихъ намѣреній, что вы вѣрите моей искренней къ вамъ любви. Безъ всякихъ постороннихъ видовъ я принадлежу къ вашему семейству; я знаю сторону вашей жизни, которая менѣе другихъ видна свѣту; я знаю лучше, нежели кто-нибудь изъ окружающихъ васъ, ту душу, которая наиболѣе къ вамъ привязана, душу государыни, и поэтому уже къ вамъ близокъ. Вы видите, чему исключительно посвящена жизнь моя. Главная мысль, которая наполняетъ меня, такая высокая, что никакіе мелкіе, посторонніе виды не могутъ при ней зайти ко мнѣ въ душу. Итакъ не могу бояться, чтобы теперешній поступокъ мой былъ вами неблагопріятно истолкованъ. Мнѣ даже кажется, что буду виноватъ передъ вами, если не подѣлюсь съ вашею душою такою мыслию, которая кажется мнѣ васъ достойною и вамъ однимъ и никому кромѣ васъ сообщена быть не можетъ. Я осмѣлился просить васъ за Тургенева. Теперь осмѣливаюсь сдѣлать болѣе: сказать о другихъ осужденныхъ то, что давно уже порывается къ вамъ изъ глубины моего сердца.

²⁾ Сначала было написано: „къ этой удивительной минутѣ, которой нѣтъ примѣра ни въ древней, ни въ новой исторіи, въ которую вы явились столь покорнымъ Провидѣнію, столь достойнымъ своего назначенія!“

³⁾ Сначала было написано: „во всемъ естественномъ“.

сихъ несчастныхъ есть преступленіе политическое, плодъ заблужденія, произведеннаго и духомъ времени, подъ вліяніемъ котораго образовалась ихъ молодость, и войнами, въ которыя столько пылкихъ, неопытныхъ, невозмужалыхъ умовъ столкнулись съ идеями неуспокоенной Европы, и, смѣю сказать, самимъ государемъ Александромъ ¹⁾, который съ благими намѣреніями возбудилъ столько свободныхъ идей и не далъ имъ надлежащаго направленія ²⁾.

«Вы строго наказали преступленіе ³⁾; виновнѣйшіе, то-есть злодѣи по умыслу и дѣйствию не существуютъ. Всѣ остальные не иное что, какъ жертвы заблужденія! Ни одинъ не зналъ ни чего хотѣлъ, ни что дѣлалъ; всѣ были заражены какою-то умственной чумою ⁴⁾, которая теперь должна казаться неизъяснимою загадкою и для нихъ самихъ, уже исцѣленныхъ несчастіемъ заслуженнымъ ⁵⁾. Твердость, съ какою поразило ихъ ваше царское правосудіе ⁶⁾, положила конецъ всему; увидѣли ⁷⁾, что власть державная досталась рукѣ могучей, и все пришло въ порядокъ. Россія забыла о нихъ, но ихъ несчастныя семейства, по всей Россіи разсыпанныя, покорныя своему жребію, существуютъ, и для нихъ забвенія быть не можетъ. Строгое правосудіе удовлетворено. Милосердіе ждетъ своей очереди. И именно теперь, когда ничто, кромѣ вашего сердца, не можетъ требовать сего милосердія, насладитесь вы, государь ⁸⁾, во всей полнотѣ вашимъ лучшимъ царскимъ правомъ. Вы помилите какъ Богъ ⁹⁾, только по тому, что на то есть ваша воля. Пр изнесите амнистію.

«Иногда, наединѣ самъ съ собою и только мыслию приближаясь къ вамъ, думаю съ восхищеніемъ о томъ дѣйстви, какое произвела бы сія амнистія, никѣмъ не требуемая, никѣмъ не ожидаемая. То была бы другая

¹⁾ Сначала было написано: «и особенно самимъ государемъ Александромъ».

²⁾ Затѣмъ сначала было написано еще слѣдующее: „Смѣю думать, что на него наиболѣе падаетъ отвѣтственность за то, что было необходимымъ послѣдствіемъ его царствованія, въ которомъ лучше всего была прекрасная душа его“.

³⁾ Сначала было написано: „Вы наказали преступленіе, и должны были наказывать его“.

⁴⁾ Сначала было написано: „горячкою“.

⁵⁾ Сначала было написано: «для нихъ самихъ, просвѣщенныхъ уроками несчастія».

⁶⁾ Сначала было написано: „Твердость, съ какою наказала ихъ ваша царская справедливость“.

⁷⁾ Сначала было написано: „Вся Россія почувствовала“.

⁸⁾ Сначала была написана: „Не можетъ понудить васъ быть милосердымъ, можете вы, государь, насладиться“.

⁹⁾ Сначала было написано: „Какъ Богъ творящій добро, ибо Онъ всемогущій, можете вы помиловать“.

истинно великая минута вашего царствованія, столь уже богатаго славою. Въ первую минуту вы явились намъ мужественнымъ царемъ—мы были изумлены вашимъ твердымъ характеромъ. Въ сію другую ¹⁾ вы явитесь ангеломъ милости—всѣ сердца полетятъ къ вамъ съ благодарностію и любовью, и ваша благость сниметъ единственный упрекъ ²⁾, лежащій на драгоценной памяти Александра. И сколько сердець, теперь безнадежныхъ, подымутъ крикъ молитвы за васъ и за дѣтей вашихъ къ небу. И что скажетъ Европа! И что скажете ³⁾ вы сами вашимъ подданнымъ въ томъ манифестѣ, который обнародуетъ всепрощеніе. Какъ будутъ наставительны слова, провознесенныя съ высоты престола царскою душею, оживляющею безнадежныхъ и воскрешающею мертвыхъ ⁴⁾.

«Но мнѣ должно объяснить, какой смыслъ соединяю я съ словомъ амнистія ⁵⁾. Я разумѣю подъ нимъ не возстановленіе осужденныхъ въ первобытномъ ихъ состояніи. Нѣтъ! Приговоръ, лишившій ихъ политическаго бытія, навсегда разлучилъ ихъ съ тѣмъ обществомъ, коего членами были они прежде. На мѣсто, посрамленное ихъ преступленіемъ, они уже никогда не могутъ и не должны возвращаться. Изъ своего изгнанія привесли бы они воспоминаніе прошедшаго, которое сдѣлало бы ихъ совершенно бесполезными для настоящаго ⁶⁾.

«Амнистія не можетъ имъ возвратити ихъ прежняго отечества; она должна создать для нихъ отечество новое, тамъ, гдѣ они теперь; отечество, въ которомъ не будетъ для нихъ воспоминаній оскорбительныхъ, а будутъ цѣлительныя надежды. Тамъ могутъ они сдѣлаться гражданами дѣятельными и полезными. Всѣ они болѣе или менѣе образованы; а несчастіе остепенило ихъ характеръ и, безъ сомнѣнія, исправило ихъ мысли.

«Сибирь—безлюдная пустыня или хуже, чѣмъ безлюдная пустыня; до сихъ поръ она была населяема преступниками, испорченными цѣлою жизнію низкихъ пороковъ. Это не поселенцы, способные образовать населенную ими страну; это разбойники, загнанные въ дѣсь безъ оружія.

¹⁾ Сначала было написано: „Въ эту другую“.

²⁾ Сначала было написано: „Сниметъ упрекъ“.

³⁾ Сначала было написано: „И что можете сказать“.

⁴⁾ Затѣмъ были написаны слѣдующія строки: «О какое было бы для меня счастье написать этотъ манифестъ, въ которомъ бы выразилъ всю знакомую мнѣ душу несравненнаго моего государя и передать ее Россіи такою, какою Богъ ее создалъ“.

⁵⁾ Сначала было написано: „Я долженъ теперь объяснить, что разумѣю подъ словомъ амнистія“.

⁶⁾ Сначала было написано: „Воспоминаніе прошедшаго, которое испортило бы ихъ настоящее и, раздражая ихъ, могло бы сдѣлать бесполезными если не опасными“.

«Осужденные, о которыхъ говорю, не принадлежать къ сей ужасной категоріи: они жертвы заблужденія, смутившаго разсудокъ, поколебавшаго самую волю, но весьма далекаго отъ низости и неизлѣчимости порока. Въ другихъ обстоятельствахъ они были бы гражданами полезными; многими даже могло бы гордиться отечество. Что же? Однимъ дѣйствіемъ царской благодати (отъ которой по всей Россіи затрепетали бы сердца благодарностію и любовью къ царю и столько бы страждущихъ сердець вдругъ исцѣлились)—однимъ дѣйствіемъ царской благодати толпа несчастныхъ, теперь униженныхъ, лишенныхъ надежды ¹⁾, бесполезныхъ отечеству, погибшихъ для настоящей жизни и, можетъ быть, гибнущихъ для будущей—вдругъ превратилась бы въ колонію смиренныхъ гражданъ, полезныхъ той землѣ, которую теперь бременять безъ пользы, ободренныхъ, ожившихъ, облагороженныхъ и тѣмъ болѣе дѣятельныхъ для добра, что благодарность и чувство достоинства человеческого, имъ возвращеннаго, обратились бы для нихъ въ необходимость изгладить остаткомъ жизни посрамительное пятно ея начала. Сибирь имѣетъ нужду въ людяхъ, чтобъ быть разработанною для просвѣщенія: вѣчно ли ей быть пустынею или вертепомъ разбойниковъ, смиренныхъ отъ безсилія? Но гдѣ найти людей для населенія Сябири? ²⁾ Кто захочетъ пожертвовать своимъ отечествомъ для будущаго невѣрнаго благоденствія чуждой ему пустыни! Ссыланные преступники не поселенцы: они жильцы острога; тѣ же, которыхъ ³⁾ бросаетъ въ ту сторону необходимость, бывають минутными гостями, приходящими, чтобъ удалиться. Но Провидѣніе бѣдствіемъ одной стороны хочетъ пролить добро на другую. Люди сіи, могущіе положить основаніе общественной образованности ⁴⁾ въ глубинѣ Сибири, теперь существуютъ въ ней, и во множествѣ ⁵⁾. Надобно только воспользоваться ими заблаговременно, пока ихъ нравственныя силы еще не раздроблены несчастіемъ. До сихъ поръ несчастіе имъ учитель; скоро оно можетъ сдѣлаться ихъ убійцею. Теперь еще они люди, скоро будутъ дышущіе ⁶⁾ трупы.

«Пусть же мѣсто ссылки обратится для нихъ въ отечество со всѣми выгодами, какія всякое отечество представляетъ дѣтямъ своимъ, и они воскреснутъ. Со многими теперь ихъ жены, трогательныя своимъ героическимъ самоотверженіемъ; у нѣсколькихъ есть уже тамъ дѣти; нѣкто-

¹⁾ Сначала было написано: „безнадежныхъ“.

²⁾ Сначала было написано: „для ея населенія“.

³⁾ Сначала было написано: „кого“.

⁴⁾ Въ мѣсто „общественной образованности“ сначала было написано: „цивилизаціи“.

⁵⁾ Затѣмъ было написано, но потомъ зачеркнуто: „Не надобно только имъ дать погибнуть нравственно“.

⁶⁾ Сначала стояло: „живые“.

рые оставили своихъ женъ и дѣтей здѣсь, не смѣя ихъ приковать къ своей бѣдственной участи: они призываютъ ихъ къ себѣ, какъ скоро будетъ что подѣлать съ ними; многіе могутъ жениться тамъ и также имѣть дѣтей; отъ отцовъ, исправленныхъ несчастіемъ, и отъ матерей, великодушно пожертвовавшихъ счастіемъ долгу, дѣти получаютъ воспитаніе нравственное; новое невинное поколѣніе возрастетъ посреди прежняго, облагороженнаго, очищеннаго искупленіемъ царскаго милосердія. Однимъ словомъ, въ этой божественной милости вижу одно счастье для настоящаго и обширную пользу для будущаго. Пройдетъ вѣкъ, и многочисленныя потомки помилованныхъ изгнанниковъ будутъ посреди разработанныхъ цвѣтущихъ полей прославлять святое милосердіе, обрадовавшее въ наше время Россію.

«Одно только необходимо: чтобы въ самомъ началѣ положены были основанія твердыя, чтобы съ самаго начала дано было полное счастье гражданское, чтобы исполненіе благаго намѣренія было поручено людямъ, способнымъ постигнуть его и исполнить съ совершеннымъ забвеніемъ личной корысти. Такіе надежныя люди есть; назову: Адлерберга ¹⁾, Василя Перовскаго ²⁾, Сергѣя Строганова ³⁾ и еще одного, который бы могъ тамъ и остаться, который есть воплощенная честность и здравый смыслъ, статскаго или дѣйствительнаго (татскаго) (овѣтника) Тургенева ⁴⁾, служившаго при министрѣ (внутреннихъ) дѣлъ, теперь взявшаго отставку. Онъ былъ въ Сибири, знаетъ всю Россію, знакомъ со всѣми состояніями и всѣми ихъ нуждами и занималъ такія должности, въ коихъ легко бы могъ нажитья, но совершенно бѣденъ и теперь былъ бы безъ куска хлѣба, если бы вы же сами о немъ не позаботились.

«Что же было (бы) слѣдствіемъ?—Теперь эти несчастныя гибнутъ безъ пользы для края, который служитъ для нихъ темницей. И самому правосудію уже не нужно ихъ страданіе, ибо они навсегда отрѣзаны отъ отечества ⁵⁾. Но что послѣ нихъ останется, если не измѣнится судьба ихъ? Кости и гробы! А пока они живы, хотя Россія вообще и забыла (о) нихъ, все (же) иногда ихъ печальная участь будетъ тревожить умы, какъ страшное сновидѣніе.

«Перемѣните ихъ участь теперь, пока еще они въ силахъ жизни, пока еще могутъ быть людьми для блага будущихъ временъ, и мы уви-

¹⁾ Владиміра Фѣдоровича (вслѣдствіи графа).

²⁾ Василя Алексѣевича Перовскаго (вслѣдствіи графа).

³⁾ Графа Сергѣя Григорьевича Строганова.

⁴⁾ Затѣмъ было написано, но потомъ зачеркнуто: „бывшаго губернатора въ Сибири“. Александръ Михайловичъ Тургеневъ (авторъ извѣстныхъ „Записокъ“) былъ тобольскимъ губернаторомъ съ конца 1823 по мартъ 1825 г.

⁵⁾ Затѣмъ было написано, но зачеркнуто: „и все для нихъ кончилось“.

димъ прекрасное созданіе благодти. Другаго подобнаго случая уже не представится! Провидѣніе, двинувшее ихъ туда цѣлою толпою, говорить царю: твори добро постоянное изъ бѣдствія минувшаго» ¹⁾).

Письма этого Жуковскій подать не рѣшился въ виду неблагоприятно сложившихся для него обстоятельствъ. Упорное его ходатайство за братьевъ Тургеневыхъ навлекло неприязнь и нерасположеніе къ нему въ высшихъ сферахъ. На него стали клеветать, старались очернить его въ глазахъ государя и представить его главою партіи враждебной правительству. Узнавъ объ этомъ, Жуковскій написалъ письмо императору, въ которомъ объяснялъ, что хотя его чернятъ, «но взглядъ, писалъ онъ, на мою прошедшую и настоящую жизнь, даетъ мнѣ право не бояться никакихъ обвиненій тайныхъ». Онъ просилъ объясненій.

«Мое письмо, записалъ онъ 1-го апрѣля, повидимому, производитъ свое дѣйствіе: *on est gêné avec moi. — Enfin on m'assigne une entrevue* ²⁾. Это свиданіе было не объясненіе, а родъ головнойки, въ которой мнѣ нельзя было помѣстить почти ни одного слова».

— Что ты это написалъ ко мнѣ?—спросилъ Жуковского императоръ Николай.

— Вы знаете,—отвѣчалъ онъ,—или по крайней мѣрѣ должны знать, что я къ вамъ привязанъ.—А меня Богъ знаетъ кто очернилъ въ нашемъ мнѣніи.

— Слушай! Знаешь ли пословицу: *dis moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es* ³⁾. Ее можно примѣнить къ тебѣ. Не смотря на то, что Тургеневъ осужденъ и я тебѣ говорилъ о немъ, что ты знаешь, что доказательство существуетъ противъ него, ты безпрестанно за него вступаешься и не только мнѣ, но и вездѣ говорилъ, что считаешь его невиновнымъ.

— Да я вѣдь зналъ его прежде и знаю о немъ то, чего правительство не знаетъ. Когда вы мнѣ сказали....

— Слушай!—перебилъ его государь.—Ты имѣлъ связь съ Вяземскимъ, который дѣлалъ множество не позволенныхъ поступковъ, лгалъ самъ, подбивалъ лгать и дѣйствовать другихъ, былъ настоящій *boute-feu* (зажигатель). До вчерашняго дня былъ онъ таковъ. Теперь я и самъ позволю тебѣ его обнять—можно. Я все, все скажу ему самъ, когда увижу его: теперь онъ все сгладилъ своимъ раскаяніемъ! ⁴⁾ Онъ поступилъ такъ,

¹⁾ Письмо это находится въ бумагахъ покойнаго академика А. Ф. Бичкова; черновой же набросокъ принадлежитъ графу Н. А. Бреверну-де-ла-Гарди.

²⁾ Со мною стѣсняются.—Наконецъ мнѣ назначено свиданіе.

³⁾ Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, я скажу тебѣ, кто ты.

⁴⁾ См. объ этомъ раскаяніи сочиненія кн. Вяземскаго, т. II, стр. 84—111; т. IX стр. 106 и „Русскій Арх.“ 1890 г. кн. II, стр. 279.

какъ очень рѣдко поступаютъ, смирился, писалъ къ великому князю. Если бы онъ за четыре года сдѣлалъ это съ покойнымъ императоромъ, то получилъ бы тоже прощеніе и тотъ открылъ бы ему объятія; теперь все забыто. Но ты навлекъ на себя нареканія. Тебя называютъ главою партіи, защитникомъ воѣхъ тѣхъ, кто только худъ съ правительствомъ.

— Да кто называетъ? Я никого незнаю и знать не хочу; живу у себя, дѣлаю свое дѣло и ни о чемъ постороннемъ не забочусь.—Моя забота въ томъ, чтобы вы имѣли обо мнѣ хорошее мнѣніе, и вы должны почерпать его изъ моей жизни, а не изъ того, что другіе говорятъ обо мнѣ.

— Нѣтъ, ты долженъ объ этомъ заботиться.—Ты при моемъ сынѣ. Какъ же тебѣ слыть сообщникомъ людей безпорядочныхъ или осужденныхъ за преступленія?

На этомъ разговоръ окончился и хотя императоръ не допустилъ Жуковскаго высказать всего, что лежало на его чистой душѣ, тѣмъ не менѣе онъ записалъ: «вообще результатомъ я доволенъ; онъ произвелъ миръ, но заставилъ меня о многомъ переимѣнить мнѣніе и многого страшиться въ будущемъ.

«Если бы я имѣлъ возможность говорить,—вотъ что бы я отвѣчалъ и сдѣлалъ бы хорошо, но вѣрно бы повредилъ себѣ; и такъ невозможность говорить нѣкоторымъ образомъ послужила мнѣ къ добру.—Я сказалъ бы: то, что могло подать вамъ поводъ быть мною недовольнымъ, должно было напротивъ дать вамъ лучшее мнѣніе обо мнѣ. Я защищаю тѣхъ, кто вами осужденъ или обвиненъ передъ вами; но это служить только доказательствомъ моей довѣренности къ вашему характеру. Развѣ вы не можете ошибаться? Развѣ правосудіе (особливо у насъ) безошибочно? Развѣ донесенія вамъ людей, которые основываютъ ихъ на тайныхъ презрѣнныхъ доносахъ, суть для васъ рѣшительные приговоры Божиі? *) Развѣ вы можете осуждать, не выслушавъ оправданія? Развѣ я могу знать объ этихъ доносахъ? И, зная о нихъ, долженъ я ихъ потому уже признавать истинными, что они доносы, тайные доносы, сдѣланные вамъ и обвинившіе предъ вами безответныхъ! И развѣ могу, не утративъ собственнаго къ себѣ уваженія и вашего, жертвовать связями цѣлой моей жизни. Итакъ правиломъ моей жизни должна быть не совѣсть, а все то, что какому-нибудь низкому наушнику вздумается донести на меня, по личной злобѣ, Бенкендорфу, и противъ такихъ презрѣнныхъ клеветъ не можетъ устоять то, что одно только должно быть принято за правило, когда судишь о человѣкѣ: его видимыя дѣла, его характеръ, его собственный образъ мыслей. Я не

*) Сначала было написано: „Развѣ человѣкъ, обвиненный передъ вами тѣми, кто вамъ доносятъ и которые основываютъ доносы свои на тайныхъ показаніяхъ, слѣдственно презрѣнныхъ показаніяхъ, виноватъ безответно? И могу ли я соглашать связи мои съ тѣми“.

могу бѣгать по улицамъ и спрашивать у всѣхъ возможныхъ на меня доносчиковъ, что мнѣ думать, что мнѣ дѣлать и кого любить. Если эти доносчики могутъ быть доступны до васъ, то это ваше и наше несчастіе, ибо въ такомъ случаѣ вы безпрестанно будете осуждать несправедливо, и мы никогда не можемъ быть правыми. Поэтому въ Россіи одинъ человѣкъ добродѣтельный: это Бенкендорфъ! Всѣ прочіе должны смотрѣть на него въ поступкахъ своихъ, какъ на флигельмана. Что онъ назоветъ хорошимъ, то и для нихъ должно быть хорошо; что онъ осудитъ, то и они должны осудить. А онъ произноситъ свои осужденія по доносамъ, слѣдственно нравственность наша теперь вся предана на произволь доносчиковъ: нѣтъ никого правыхъ!.. Но это гибель всего! Презрѣніе ко всему и ко всѣмъ укоренится въ душѣ вашей! Около васъ будутъ жить только тѣ, кои живутъ предательствомъ. Изъ остальныхъ одни, меньшая часть, то-есть вамъ преданные и честные, будутъ вамъ чужды, будутъ молчать съ горемъ и лишены возможности быть вамъ полезными. Между царемъ и Россіею будетъ бездна, огороженная заборомъ изъ наушниковъ.

«Я съ своей стороны буду продолжать жить, какъ я жилъ. Не могу покорить себя ни Булгаринимъ, ни даже Бенкендорфу: у меня есть другой вожатый—моя совѣсть, моя вѣрность къ государю.

«Во всемъ прочемъ надо отдать себя на волю Провидѣнія, которое спасаетъ добрыхъ, или губитъ ихъ для ихъ же добра. Въ этой одной мысли спасенье. Буду осторожнѣе, вступаясь за тѣхъ, кто въ ссорѣ съ правительствомъ, ибо тамъ, гдѣ нельзя ничего сдѣлать, а можно только погубить себя, благоразуміе велитъ думать о себѣ; это не будетъ эгоизмъ... Вотъ бѣдствія, происходящія отъ невѣжества.

«Мало того, чтобы имѣть чистую совѣсть, надобно имѣть и понятія, принадлежащія времени, въ коемъ живемъ. Ихъ даетъ одно просвѣщеніе. Просвѣщеніе для ума есть то же, что чистая религія для совѣсти. Тамъ, гдѣ нѣтъ просвѣщенія, каждый имѣетъ свой собственный умъ, умъ своего мѣста, своей партіи, и всѣ они въ противорѣчьи, въ безпрестанной битвѣ»...

Эти строки, написанныя на листочкѣ бумаги, подъ влияніемъ огорченія, не сдѣлали В. А. Жуковского ни эгоистомъ, ни осторожнымъ, какимъ онъ обѣщалъ себѣ быть.

Увлеченный желаніемъ облегчить участь осужденныхъ, онъ рѣшилъ передать свои мысли «Ангелу хранителю», какъ онъ называлъ императрицу Александру Феодоровну, вполнѣ увѣренный, что мысли эти дойдутъ до государя и, быть можетъ, окажутъ свое дѣйствіе. Вскорѣ послѣ разговора съ императоромъ и данной ему «головнойки» Жуковскій писалъ императрицѣ:

«Je crois devoir présenter à Votre Majesté Impériale ma lettre à

Alexandre Tourgueneff telle que je l'ai écrite d'abord, après avoir reçu par votre bouche la réponse magnanime de Sa Majesté l'Empereur. Elle a été jetée sur le papier dans la première chaleur de ma reconnaissance et de mon admiration. Mais je ne l'ai pas envoyée par deux raisons. La première est que j'exprime trop dans cette lettre ma propre façon de penser sur ce que j'aurais fait moi-même à la place de Nicolas Tourgueneff; j'ai pensé ensuite que je ne devais pas l'influencer sur sa conduite et que surtout je ne devais pas prendre sur ma conscience la responsabilité de ce qui en pourrait être le résultat. J'ai donc écrit une autre lettre, dans laquelle, après avoir omis toute cette partie de la première, j'ai appuyé au contraire sur tout ce qui pouvait être de dangereux dans la démarche, à laquelle il devait se décider¹⁾. La seconde raison qui m'a empêché d'envoyer ma première lettre est le contenu de sa conclusion. Emporté par le moment, j'y ai exprimé une idée qui depuis longtemps germe dans mon âme. Mais j'ai pensé ensuite qu'une telle idée ne pouvait, ni ne devait être communiquée à personne, hors l'Empereur lui-même; et j'ai exprimé cette idée plus en détail en russe, dans l'espérance de la présenter à Sa Majesté dans un moment favorable. Et je l'aurais déjà fait (après avoir toutefois demandé préalablement sa permission); mais la dernière conversation que j'ai eu l'honneur d'avoir avec Sa Majesté m'a persuadé que j'ai bien fait de m'en être abstenu. J'ai vu que Sa Majesté n'approuvait pas mes relations avec Tourgueneff: en lui parlant sur un objet qui m'est tout-à-fait étranger, j'aurais pu m'attirer encore plus le malheur de sa désapprobation. Je continue pourtant de croire que la franchise de ma conduite m'absoudra toujours devant son noble cœur: que prouve-t-elle autre chose, sinon mon estime profonde pour son beau caractère? Il est probable qu'avec un autre j'aurais été plus craintif; mais avec lui peut-on craindre d'être franchement ce qu'on est, si on a les intentions pures? Je vous donne donc mes deux lettres telles que je les ai écrites et c'est uniquement pour n'avoir rien de caché dans cette affaire, dans laquelle le courant des circonstances m'a entraîné insensiblement. Faites en, Madame, ce que vous jugerez à propos²⁾.

¹⁾ Жуковскій представилъ императрицѣ два письма къ А. И. Тургеневу. Первое отъ 26-го января (7-го февраля) 1830 г. не было отправлено и состояло изъ двухъ частей: первая составила дословное письмо отъ 30-го января, помѣщенное нами выше (см. стр. 71), а вторая часть письма отъ 26-го января дословно вошла во всеподданнѣйшее письмо Жуковскаго приведенное нами выше, но которое онъ представить не рѣшился (см. стр. 73. Письмо 26-го января обязательно сообщено намъ графомъ Н. А. Бреверномъ-де-ля-Гарди.

²⁾ Считаю долгомъ представить вашему императорскому величеству мое письмо къ Александру Тургеневу въ томъ видѣ, какъ оно было написано

Между тѣмъ письмо Жуковскаго, отъ 30-го января, было получено А. И. Тургеневымъ только вечеромъ 29-го марта. Копія съ него была тотчасъ же отправлена къ Н. И. Тургеневу въ Чельтенгамъ, но не застала его тамъ и была послана къ нему въ Батъ. Во вторникъ, 6-го апрѣля, Николай Тургеневъ писалъ брату въ Парижъ:

«Si ce dernier se trouve innocent, qu'il vienne lui-même se livrer à la générosité de l'Empereur! Il saura lui rendre justice!» ¹⁾.

«Je me croirais déshonoré, si j'hésitais un moment d'accepter une telle proposition ²⁾. Вотъ мой короткій отвѣтъ. Я не думаю, не желаю думать о послѣдствіяхъ такого отвѣта. Не знаю, что со мною будетъ. Не имѣю никакой надежды на судей, не могу имѣть сей надежды, ибо

первоначально, по полученіи изъ вашихъ устъ великодушнаго отвѣта его императорскаго величества. Оно было набросано въ первомъ порывѣ благодарности и восторга, но не было послано мною по двумъ причинамъ. Первая та, что я слишкомъ подробно высказываю въ этомъ письмѣ мои собственныя мысли по поводу того, какъ я поступилъ бы на мѣстѣ Николая Тургенева. Я подумалъ, что мнѣ не слѣдуетъ его винить за его образъ дѣйствій и въ особенности, что я не долженъ брать на свою совѣсть отвѣтственность могущее проивойти изъ этого; потому я написалъ другое письмо, въ которомъ опустивъ всю эту часть перваго письма, распространился напротивъ о томъ, что могло быть опаснаго въ этомъ шагѣ, на который ему приходилось рѣшиться. Второе соображеніе, удержавшее меня отъ послыки перваго письма, относится къ заключительной части письма. Увлеченный моментомъ, я высказалъ въ немъ мысль, которая давно уже назрѣвала въ моемъ умѣ, но я подумалъ, что подобная мысль не можетъ и не должна быть никому высказана, кромѣ какъ самому императору; я изложилъ ее подробно по-русски, рассчитывая представить ее его величеству при удобномъ случаѣ. И я уже сдѣлалъ бы это (испросивъ однако предварительно на то его разрѣшеніе), по послѣдній разговоръ, котораго его величество удостоилъ меня, убѣдилъ меня въ томъ, что я хорошо сдѣлалъ, воздержавшись отъ этого намѣренія. Я увидѣлъ, что его величество не одобряетъ мои сношенія съ Тургеневымъ. Если бы я сталъ говорить съ его величествомъ о предметѣ, для меня совершенно постороннемъ, я, къ прискорбію, еще скорѣе могъ бы навлечь на себя его неодобреніе. Но я вѣрю по-прежнему, что чистосердечіе моего поведенія всегда послужитъ мнѣ оправданіемъ передъ его благороднымъ сердцемъ: ибо оно свидѣтельствуетъ только о моемъ глубокомъ уваженіи къ его рыцарскому характеру. Весьма вѣроятно, что съ другимъ я былъ бы болѣе робокъ. Но можно ли бояться откровенно показаться передъ нимъ такимъ, каковъ человѣкъ есть на дѣлѣ, если его намѣренія чисты? Поэтому я вручаю вамъ мое письмо въ томъ видѣ, какъ они были написаны, и единственно для того, чтобы у меня не было ничего скрытаго въ этомъ дѣлѣ, въ которое стеченіе обстоятельствъ незамѣтно увлекло меня; поступите съ ними, ваше величество, такъ, какъ вы признаете за благо.

¹⁾ „Если послѣдній невиненъ, то пусть онъ пріѣдетъ и положится на великодушіе императора! Онъ сумѣетъ оказать ему справедливость.“

²⁾ Я счелъ бы себя опозореннымъ, если бы я колебался хотя одну минуту принять подобное предложеніе.

*

судьи однажды осудили меня въ такихъ преступленіяхъ, въ коихъ я не былъ и обвиняемъ. Но государь произнесъ, что *Il saura me rendre justice* ¹⁾. Этого довольно. Никакой государь не можетъ сдѣлать болѣе. Я знаю, что я невиненъ. Я знаю также, что и по законамъ я невиненъ. Слѣдовательно, я не могу и не долженъ отказать того, что мнѣ предлагается. Я исполню свой долгъ. Пусть другіе исполняютъ свой съ ихъ стороны. Доказательствъ новыхъ моей невинности я не имѣю. Но думаю, что мое защищеніе лучше изложено въ моихъ французскихъ нотахъ, на случай моей смерти написанныхъ ²⁾, нежели въ прежнихъ моихъ запискахъ. Съ этими нотами и съ словесными изъясненіями я не могу бояться никакихъ судей на свѣтѣ, кромѣ тѣхъ, кои осудили меня частію за то, въ чемъ меня не обвиняли. Этихъ судей я и теперь боюсь: этого не скрываю. Но для меня нѣтъ выбора: Государь говоритъ, что если я невиненъ, то онъ дастъ мнѣ правосудіе. Я невиненъ, и, безъ безчестія и гнусности, не могу отказать отъ предлагаемой мнѣ милости. Я обязанъ былъ бы уже принять ее и для тѣхъ, кои никогда не сомнѣвались въ моей невинности и заплатитъ имъ такимъ знакомъ признательности за доброе о мнѣ мнѣніе. И такъ мнѣ остается только ожидать: куда и когда государь велитъ мнѣ явиться. Я поѣхалъ бы съ первымъ пароходомъ. Но онъ не начинаетъ ходить прежде конца мая, или іюня. А тогда государь не будетъ въ Петербургѣ. Я же надѣюсь и во время суда быть на свободѣ. Этого мнѣ конечно не откажутъ.

«Вотъ отгнѣтъ мой на вашъ № 58, который получилъ я вчера въ Батъ, садясь въ карету, чтобы возвратиться сюда. Я случайно зашелъ на почту и прочелъ ваше письмо дорогою. Я полагаю, что вы согласитесь со мною *sur la manière de voir la chose* ³⁾. И дуэль нельзя отказать безъ безчестія, какъ же могу я отказать т а к о е предложеніе государя? Какое право имѣю я сомнѣваться, что доказательство невинности будетъ и для него пріятнѣе, нежели доказательство виновности? Еслибъ я отказалъ, то отказомъ я оказалъ бы такое сомнѣніе. И тогда было бы болѣе справедливо обвинять меня въ *lèse-Majesté* ⁴⁾, нежели тогда, когда меня приговаривали къ смерти за республиканскіе умыслы! Конечно, я не имѣю никакихъ новыхъ доказательствъ сверхъ тѣхъ, кои уже найдены были неудовлетворительными. Но, не имѣя новыхъ доказательствъ, я буду имѣть новаго судью: государя. Мнѣ обѣщаютъ къ нему доступъ. Отъѣвъ его теперешній поселилъ во мнѣ къ нему такое

¹⁾ Онъ сдумаетъ оказать мнѣ справедливость.

²⁾ Ноты эти надъ заглавіемъ „Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи“ напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1900 г. № 8—12.

³⁾ Согласитесь съ тѣмъ, какъ я смотрю на вещи.

⁴⁾ Въ оскорбленіи величества.

чувство, что я увѣренъ, что въ полчаса, выслушавъ меня, онъ убѣдится въ моей невинности. Еслибы я въ этомъ не былъ увѣренъ, я все бы явился, но сказалъ бы напередъ, что являюсь совершенно безъ надежды. Теперь я имѣю полную надежду на самого государя и не могу имѣть ее только на судей. Они люди и захотятъ поддержать прежнее рѣшеніе. Къ тому же у насъ не привыкли каждое слово приговора основывать на законѣ, а излагать заключенія въ общихъ разсужденіяхъ. Я слишкомъ долго самъ производилъ уголовныя дѣла въ Россіи, чтобы знать, съ какою легкостію они тамъ производятся. Я привожу одинъ примѣръ такой легкости въ моихъ нотахъ.

«Я писалъ вамъ изъ Бата о моихъ намѣреніяхъ: предложеніе было сдѣлано и имѣло такой же успѣхъ, какъ и другія предложенія, другими прежде дѣланныя: отказъ. Но главная причина отказа была въ моемъ качествѣ иностранца: отецъ не любитъ ничего иностраннаго; особливо съ тѣхъ поръ, какъ одна дочь его вышла за итальянца (съ ними мы туда и ѣздили). Можетъ быть, это препятствіе было бы не непреодолимо со временемъ. Но вотъ ein Strich durch die Rechnung! ¹⁾—ваше письмо и мой отвѣтъ! Обстоятельства, въ которыя я былъ поставленъ въ Батѣ, конечно, не облегчили для меня сего отвѣта. Еслибъ это знали, то готовность моя явиться могла бы имѣть un mérite tout particulier ²⁾.

«Еслибъ я думалъ только о позитивныхъ выгодахъ ежедневной жизни, то я бы не такъ легко рѣшился. Le mal est fait ³⁾. Я опубликованъ былъ въ Европѣ заговорщикомъ. Мнѣ за 40 лѣтъ. Плановъ на будущность не имѣю и имѣть не могу. Къ свѣтской жизни не расположенъ и не способенъ. Путешествовать и охоты нѣтъ и здоровье не позволяетъ. Могъ бы остальную треть жизни (les farces n'étant qu'en trois actes) ⁴⁾ въ мирѣ и тишинѣ прожить въ какомъ-нибудь трактирѣ. Позитивныхъ или матеріальныхъ выгодъ оправданіе мнѣ не дастъ. А невыгодъ куча и до оправданія. Весьма легко можетъ случиться, что меня арестуютъ сейчасъ по приѣздѣ въ Россію, хотя, кажется, оводно являющагося къ суду и можно бы безъ опасенія оставить на оводнѣ. Статься можетъ, что и государю представятъ, что приличіе требуетъ моего осужденія, ссылки и пр. и пр. Не смотря на все это, я ѣду на вѣрную гибель или бѣду. 20 лѣтъ житья въ Англіи для меня легче 20 дней сидѣнія въ крѣпости. Нельзя ли представить, чтобы мнѣ позволили приѣхать туда, гдѣ будетъ государь, напр. въ Эмсъ? Тамъ бы я могъ, если не лично государю, то кому-либо по его приказанію изяснить

¹⁾ Но вотъ чтó разстраиваетъ мои планы.

²⁾ Совершенно особую заслугу.

³⁾ Зло сдѣлано.

⁴⁾ Такъ какъ фарсы бывають только въ трехъ дѣйствіяхъ.

мое дѣло, и показать, что и безъ суда можно обойтись и что даже безъ суда было бы лучше и для дѣла, не говоря уже о мнѣ самомъ. Еслибы мои объясненія найдены были неудовлетворительными, тогда я поѣхалъ бы туда, куда государь велитъ.

«Такъ какъ Жуковскій требуетъ отъ васъ отвѣта, то сообщите ему мой отзывъ. А если получите что-нибудь официальнаго отъ Бенкендорфа или кого бы то ни было, то и ему сообщите тоже; разрѣшеніе они могутъ прислать къ вамъ, или въ Лондонскую миссію, которая меня всегда отыскать можетъ.

«Я вижу, что ошибкою оставилъ одну страницу не написанною. Не подумайте, чтобы это было отъ какой-нибудь ажитации. Конечно, дѣло серьезное. «Бойся судей, а не суда», говоритъ пословица. Къ несчастію, я имѣю довольно доказательствъ, что и невинные должны бояться русскихъ судей. Пословицы суть разумъ народа и всегда основаны на опытѣ; и въ словахъ, часто рѣзкихъ, изъясняютъ не болѣе, какъ простую справедливость. Я будущихъ судей моихъ конечно страшусь. Но обѣщаніе государя *de me rendre justice* ¹⁾ и еще болѣе благородство, великодушіе, которое онъ оказалъ въ семь отзывовъ, не позволили мнѣ ни на минуту остановиться въ моемъ отвѣтѣ».

Посылая это письмо Жуковскому, Александръ Ивановичъ Тургеневъ прибавлялъ ²⁾: «Я могъ только плакать и потомъ молиться, когда прочелъ письмо брата, молиться и благодарить Бога за такого брата. Страшусь, какъ и онъ, судей, но изъ записокъ его, на случай смерти писанныхъ, еще яснѣе вижу всю его невинность и надѣюсь. Полагаю упованіе на Бога. Не могу и самому себѣ дать отчета въ томъ, что теперь со мною. Надѣюсь, что современемъ буду спокойнѣе. Я бы не такъ страшился и Россіи, если бы не боялся, что пріѣздъ въ Россію разрушитъ всѣ мои старанія скрыть отъ него болѣзнь Сережи: онъ знаетъ о смерти, познакомился съ сею мыслью, но не подозрѣваетъ рода болѣзни. Опасаюсь, чтобы, узнавъ о ней въ Петербургѣ, онъ не сталъ упрекать себя въ причинѣ сей болѣзни. Вынесетъ ли онъ такіе упреки? Онъ все легче перенесетъ, нежели мысль о сей болѣзни Сережи, а какъ скрыть отъ него то, что всѣ знаютъ: онъ уже не объ одномъ оправданіи будетъ думать. Я все надѣялся, что здѣсь, или въ Германіи, легче было бы мнѣ долѣе скрывать отъ него сію тайну, вотъ почему и я желалъ бы, чтобы онъ долѣе не былъ въ Россіи и могъ представить въ другомъ мѣстѣ объясненія свои, напр., въ Эмсѣ! Государь тамъ будетъ: пусть, выслушавъ его, скажетъ одно слово, и братъ свято испол-

¹⁾ Оказать мнѣ справедливость.

²⁾ Въ письмѣ отъ 12-го апрѣля 1830 г. Получено нами отъ графа Н. А. Бреверна-де-ля-Гарди.

нить повелѣніе и самъ явится, куда укажутъ. Я имѣю довольно силы написать слова сіи и отвѣчаю, что братъ не измѣнитъ ни слову, ни чести. Чувство, его одушевляющее, исполнило и меня. Зная болѣзнь брата, которая не терпитъ сидячей жизни, я не могъ ожидать, чтобы братъ рѣшился явиться особливо теперь, когда лѣченіе ему необходимо. Онъ все бросаетъ, даже дѣло важнѣйшее въ жизни, послѣ оправданія. Я не вымаралъ и строкъ, гдѣ онъ говоритъ о семъ дѣлѣ, дабы и тѣни подозрѣнія не подать. Вѣрю все государю и вашей тайнѣ, вашему уваженію къ фамилнымъ тайнамъ. Государь, именемъ его Ангела и нашего Ангела-хранителя общаетъ брату доступъ.

«Онъ прочтетъ невинность въ глазахъ его, убѣдится въ ней, разсмотрѣвъ бумаги, выслушавъ его объясненіе. Ноты (оправданіе) брата написаны на случай смерти. Онѣ яснѣе показываютъ все дѣло, ибо братъ многое узналъ и вспомнилъ, чего не могъ знать за три года, когда писалъ послѣднее оправданіе.

«Опасаясь ареста для его физическихъ силъ; арестъ и тюрьма до рѣшенія дѣла, кажутся, излишни и были бы для насъ тяжелымъ унижательнымъ бѣдствіемъ. Лишаютъ людей до суда свободы только за тѣмъ, чтобы воспрепятствовать имъ уйти; а онъ самъ свободно является, повинувся данному слову государя и своей совѣсти. Будетъ время арестовать, но я не могу думать о семъ несчастіи, думая о государѣ. Нѣтъ причины лишать свободы брата во время суда. Онъ теперь рискуетъ всею жизнію,—и моею, для приговора суда, а не для производства суда.

«Какъ ни скоро отвѣчалъ братъ, какъ ни спѣшу я отправить его письмо къ тебѣ; но все оно придетъ, вѣроятно, уже по отъѣздѣ государя въ Варшаву или въ Эмсъ, не знаю еще куда. Если брату велѣтъ пріѣхать въ Петербургъ, то согласно изъявленному самимъ государемъ опасенію, брату безъ ареста на континентѣ нельзя пріѣхать въ Петербургъ прежде іюля или августа на пароходѣ, а мы не знаемъ, когда государь возвратится въ Петербургъ: и это обстоятельство заставляетъ меня желать, чтобы брату позволено было пріѣхать въ Эмсъ. Въ августѣ братъ еще можетъ пріѣхать на пароходѣ, позже нельзя и тогда, согласно же волѣ государя надобно будетъ отложить поѣздку до весны. Зимой былъ бы онъ арестованъ вездѣ: этого и государь не хочетъ и потому и даетъ совѣтъ ѣхать весною. Надобно бы брату велѣтъ не ѣздить, иначе онъ поѣдетъ, какъ бы то ни было.

«Надобно бы также, чтобы братъ явился въ Петербургъ въ такое время, когда тамъ государь. Но я все надѣюсь, что не захотятъ отлагать актъ повиновенія безусловнаго моего брата и не найдутъ неудобства позволить ему пріѣхать и въ Эмсъ: характеръ государя не потерпитъ отъ сего въ глазахъ другихъ, когда увидятъ, съ какою довѣрен-

ностию на его судъ ему отдаются.—А для меня главное было бы: скрыть отъ брата болѣзнь другаго.

«Что касается до новыхъ доказательствъ, то братъ ихъ не имѣетъ, но онъ чувствуетъ и знаетъ себя невиннымъ и, зная судей, полагаетъ однакожь полную, не ограниченную довѣренность на правосудіе государя и увѣренъ, что, для спасенія репутаціи судей, онъ не захочетъ имъ пожертвовать, впрочемъ онъ исполняетъ обязанность и надѣется, что государь выше мелкостей его сенаторовъ. Въ этомъ мы увѣрены, и я спокойнѣе съ тѣхъ поръ, какъ раздѣляю сіе мнѣніе съ братомъ.

«Отъ 8-го апрѣля, братъ оканчиваетъ письмо свое слѣдующими строками: «Еще повторяю, въ отвѣтъ на слова Жуковскаго, что я совершенно увѣренъ, что я могу соотвѣтствовать великодушной готовности государя оказать мнѣ правосудіе, что мои доказательства будутъ совершенно удовлетворительны для государя. Но для судей, какъ говоритъ Жуковскій, я въ томъ же не увѣренъ. «Нѣчто болѣе удовлетворительное» — это нѣчто я не имѣю. Но увѣренъ, что съ моими французскими нотами (на случай смерти написанными) я совершенно оправдаюсь передъ государемъ. Вотъ, что внушилъ мнѣ мой добрый геній. Отвѣтъ, на который намекаетъ Жуковскій, въ случаѣ еслибъ я не согласился явиться, былъ бы съ моей стороны не что иное, какъ *une lâcheté*» (подлость).

«Я не умѣю и не могу ничего прибавить къ словамъ брата, особливо теперь, когда сердце полно упованіемъ, а душа молитвою. Я слишкомъ встревоженъ. Думаю ѣхать навстрѣчу къ государю съ копіею письма брата, въ случаѣ, если письмо сіе не найдетъ уже государя въ Петербургѣ. Братъ, несущій предъ него всю судьбу брата—о моей бѣдной жизни я не горюю и, право, не думаю—не можетъ быть противенъ тому, коего слова были и обвиненному: «*Je saurai lui rendre justice*»¹⁾. Прости, мой милый другъ. Не знаю, съ курьеромъ ли или по почтѣ пошлю это письмо, разсчитавъ какъ лучше. Не узнаю ли отъ тебя, куда мнѣ лучше и когда ѣхать?»

Три дня спустя А. И. Тургеневъ писалъ В. А. Жуковскому²⁾:

«Вчера отправилъ къ тебѣ оригинальное письмо брата о пріѣздѣ его туда, куда государь велитъ, съ моею копіею съ онаго и съ моимъ письмомъ къ тебѣ. Всѣ сіи письма посланы съ курьеромъ нашимъ, который вчера долженъ былъ отправиться.

«Сейчасъ получаю новое письмо отъ брата и выписываю, что успѣю о главномъ: ты увидишь, съ какою рѣшительностью и съ какою довѣренностію онъ исполняетъ то, что почитаетъ своею обязанностію, даже

¹⁾ Я съумѣю оказать ему справедливость.

²⁾ Въ письмѣ отъ 15-го апрѣля 1830 г. изъ Парижа.

и по полученіи перваго письма твоего послѣ втораго, нами полученнаго.

«Челътенгамъ 9-го апрѣля. Я получалъ вашъ № 59, вы имѣете уже мой отвѣтъ на вашъ № 58. Чѣмъ больше думаю о моемъ положеніи, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что мнѣ не возможно было отказать такое предложеніе, какое мнѣ было сдѣлано, и если бы въ отвѣтѣ государя не было намека не пріѣзжать зимою, а весною, то мнѣ надлежало бы ѣхать немедленно въ Петербургъ, дабы дать болѣе официальности моему отвѣту и болѣе ясности моей готовности отвѣтствовать на отзывъ государя. Я хочу написать официальное письмо къ Ливену, сказавъ, чтобы онъ донесъ государю, что я готовъ явиться и только ожидаю приказанія, куда и когда».

«Болѣе отъ себя ничего не прибавляю; ибо вижу, что всѣ мои хлопоты только вредятъ брату: и онъ это знаетъ, и только изъ деликатности не упрекаетъ мнѣ въ томъ. Напримѣръ, я хлопоталъ о континентѣ, расположилъ противъ себя государя, а братъ никогда не думалъ о континентѣ, никогда не поручалъ мнѣ хлопотать о семъ. Я страшусь послѣдствій, кои сіи хлопоты произвели въ умѣ государя, и умоляю его забыть о нихъ. И ты знаешь и Богъ видитъ, что всѣ сіи хлопоты были безъ участія брата. Для моего успокоенія il me laissait faire (онъ не мѣшалъ мнѣ). Когда услышалъ слова государя—онъ увидѣлъ долгъ свой, обязанность невиннаго, обязанность подданнаго и русскаго и—является. Является, не смотря на мое безпокойство, на мои страданія за него, вопреки моимъ опасеніямъ. Все прежнее должно пасть на мою совѣсть. И тебя утомилъ я хлопотами за насъ. И на тебя, можетъ быть, навлекъ неудовольствіе.—Но вспомни о моемъ положеніи, вспомни, какою болѣзнію я потерялъ другаго брата, вспомни, что я былъ тогда и какія впечатлѣнія болѣзнь и смерть его произвели на меня! И теперь еще главный страхъ мой за брата—отъ болѣзни сердца.

«Николай Тургеневъ не зналъ, что братъ его умеръ въ сумасшествіи и отчего произошло это сумасшествіе. Онъ узнаетъ о ней въ Россіи. Не смѣю просить о позволеніи ему пріѣхать въ Эмсъ, но это позволеніе спасло бы ему ужасную горестъ. Да будетъ,—что Богу угодно.

«Братъ, сколько я вижу изъ его писемъ, готовить отвѣты свои на рапортъ ¹⁾ комиссіи, на немъ онъ все основываетъ. Кажется, что справедливость требовала бы по сему акту, по коему братъ обвиненъ былъ, и теперь судить его; но я ничего не хочу позволять себѣ, ни совѣтовать, ни просить, знаю, однакожь, что опредѣленіе сего пункта весьма важно для насъ. Новаго слѣдствія сдѣлать не возможно, всѣ обвиненія

¹⁾ На донесеніе слѣдственной комиссіи.

можно основывать токмо на старомъ слѣдствіи. Чего не найдено слѣдственной комиссіею, того нельзя вновь искать. Остается судить и рѣшить, можно ли брата признать виновнымъ по тому, что о немъ сказано въ рапортѣ слѣдственной комиссіи. Предубѣжденіе публики и судей, конечно, утихнется, когда увидать его передъ судомъ, другаго въ могилѣ. Судья будутъ знать, имѣя рапортъ предъ глазами, въ чемъ судить, братъ будетъ знать, въ чемъ защищаться, и это для него весьма важно».

Исполняя обѣщаніе, данное брату, Николай Ивановичъ Тургеневъ писалъ князю Ливену:

«Monseigneur,

Dans le moment où un jugement erroné m'a condamné à passer ma vie dans l'exil, j'ai vécu dans l'obscurité et la retraite en Angleterre, dédaignant de jouir de la faveur que la notoriété d'une accusation politique procure auprès de certains hommes dans ce pays, et ne cherchant non plus auprès d'autres la dernière consolation du malheur: celle de leur exposer mon innocence et la dureté de mon sort. Dans ce refuge tranquille et assuré, pour n'être à la charge de personne pour les besoins de mon existence, refusant la société de ceux qui me recherchaient et ne recherchant de mon côté aucune, je n'avais pour consolation que le sentiment profond de mon innocence et la persuasion que ce sentiment me rendait digne de la sécurité que la providence m'avait offerte pour le reste de mes jours. J'ose croire que si votre Altesse Sérénissime veut bien prendre des informations sur la manière dont j'ai passé les dernières quatre années, Elle rendra témoignage de la vérité de ce que j'avance. Quelques amis, à mon insu, crurent qu'il serait utile à ma santé d'avoir la faculté de passer sur le continent, nommément en France ou en Italie, et firent des démarches en conséquence auprès de S. M. L'Empereur. On m'a fait connaître, que S. M. répondit qu'elle ne pouvait et ne voulait autre chose en ma faveur que me rendre justice, si je me croyais innocent et si je me présentais volontairement pour l'obtenir. Cette gracieuse détermination de mon Souverain ne me laisse plus, monseigneur, la faculté de jouir paisiblement de ma retraite en Angleterre. Je dois à mes amis, à moi-même et surtout à Sa Majesté l'Empereur, de me livrer à sa justice. Dès que cette magnanime détermination de S. M. m'a été connue, j'ai répondu que je l'embrassais avec reconnaissance et que je suis prêt à me rendre dans l'endroit qu'il plaira à Sa Majesté d'indiquer.

Ayant donc directement répondu à cette communication j'ai, aussi recours à V. Altesse Sérénissime pour la supplier de faire parvenir au pied du trône la résolution que je viens de prendre, de demander des ordres à

cet égard et me donner, Monseigneur, en son temps vos directions pour mon embarcation. Je suis etc ¹⁾...»

«Я не въ силахъ ничего прибавить,—писалъ при этомъ А. М. Тургеневъ Жуковскому ²⁾, долженъ только засвидѣтельствовать истину словъ его, что онъ, не смотря на мои убѣжденія хотя заглядывать иногда въ общество для моего успокоенія—оставался всегда и вездѣ одинъ въ своей мрачной комнатѣ, отклонялъ всѣ приглашенія, но спокойный, какъ невинность.

«О континентѣ также никогда не думалъ и не воспользовался бы и позволеніемъ: ты это уже давно знаешь. Никакіе пріятели не хлопотали: одинъ я—одинъ я навлекъ на него и на себя и сіе можетъ быть неудовольствіе государя.

«Слышу, что въ Эмсѣ государь не будетъ: это еще болѣе усиливаетъ мое безпокойство.

¹⁾ Ваше сіятельство. Съ тѣхъ поръ какъ я осужденъ несправедливымъ приговоромъ обрѣтаться въ изгнаніи, я жилъ въ безвѣстности и уединеніи въ Англіи, гнушаясь пользоваться тѣми преимуществами, какія можно приобрѣсть въ этой странѣ у нѣкоторыхъ лицъ, имѣя славу человѣка, обвиненнаго за политическое преступленіе, и не стараясь также искать у другихъ лицъ послѣднее утѣшеніе въ несчастіи: объяснить имъ мою невинность и жестокость моей судьбы. Чтобы, живя въ этомъ спокойномъ и надежномъ убѣжищѣ, не быть никому въ тягость относительно средствъ къ жизни, я уклонился отъ общества людей, искавшихъ сближенія со мною, и со своей стороны не искалъ ничьего общества; единственнымъ моимъ утѣшеніемъ было глубокое сознаніе въ моей невинности и убѣжденіе въ томъ, что это сознаніе дѣлаетъ меня достойнымъ той безопасности, какую Провидѣніе предоставило мнѣ на остаткѣ дней моихъ. Силью думать, что если в. с-во пожелали бы навести справки о томъ, какъ я провелъ послѣдніе четыре года жизни, то вы признали бы справедливость всего сказаннаго мною. Нѣкоторые изъ моихъ пріятелей, полагая, что для моего здоровья было бы полезно переѣхать на континентъ, а именно во Францію или Италію, согласно съ этимъ стали, безъ моего вѣдома, хлопотать о томъ у его императорскаго величества. Меня извѣстили, что его величество отвѣтилъ, что онъ не можетъ и не хочетъ сдѣлать въ мою пользу ничего инаго, какъ оказать мнѣ правосудіе, если я считаю себя невиннымъ и если я явлюсь добровольно, чтобы получить его. Это милостивое рѣшеніе императора не позволяетъ мнѣ, в. с-во, пользоваться долѣе моимъ убѣжищемъ въ Англіи. Я обязанъ передъ своими друзьями, передъ самимъ собою и въ особенности передъ его величествомъ отдать себя въ руки правосудія. Какъ только я узналъ объ этомъ великодушномъ рѣшеніи его величества, я отвѣтилъ, что я принимаю его съ благодарностью и что я готовъ отправиться туда, куда его величества мнѣ укажутъ.

Отвѣтивъ такимъ образомъ на сдѣланное мнѣ сообщеніе, я прибѣгаю къ в. с-ву съ просьбою повергнуть къ подножію престола рѣшеніе, принятое мною, испросить приказаній на этотъ счетъ и дать мнѣ своевременно указанія относительно того, когда я долженъ отплыть отсюда.

²⁾ Въ письмѣ отъ 22-го апрѣля 1830 г.

«Я почти не пишу къ брату: что могу, что долженъ я говорить ему? Онъ дѣйствуетъ самъ собою, и мои хлопоты всегда и вездѣ только вредятъ ему.—Безъ всякихъ видовъ, только съ надеждою на справедливость государя, а не судей, отдается онъ въ руки его, подъ щитъ его. Что кромѣ чувства невинности и довѣренности къ государю—что могло рѣшить его на сей поступокъ, зная, что одно производство дѣла будетъ для меня и для него бѣдствіемъ?

«Онъ былъ такъ спокоенъ въ Англіи, въ уголку своемъ! Онъ ищетъ одного правосудія въ Россіи, отъ одного государя, его надѣется: все остальное для остальной жизни имѣетъ онъ въ Англіи. Я и самъ не замѣчалъ въ немъ всей силы его желанія, сего чувства и тяжести неоправданной невинности.—Перечитываю его письма, молюсь и надѣюсь.

«Пишу на почтѣ, она отходитъ. Прости, мой милый».

По полученіи всеподданнѣйшаго письма Николая Тургенева и двухъ первыхъ писемъ А. И. Тургенева, Жуковскій писалъ государю:

«Представляя при семъ въ оригиналѣ и въ копіи письмо Николая Тургенева, писанное къ брату его тотчасъ по сообщеніи ему словъ вашего императорскаго величества, переданныхъ мнѣ отъ вашего имени государынею императрицею, почитаю необходимымъ изъяснить, почему такъ долго не было получено мною сего отвѣта.

«Письмо мое къ Александру Тургеневу въ Парижъ, въ коемъ я сообщилъ ему слова вашего величества, было отъ 30-го генваря, но я послалъ его не прежде, какъ 27-го февраля, ибо не желалъ, чтобы оно шло по почтѣ, и дожидалъ курьера. Александръ Тургеневъ получилъ его 29-го марта и на другой же день отправилъ къ брату въ Чельтенгамъ; но письмо не нашло его въ Чельтенгамѣ, онъ былъ въ Батѣ, туда и было оно послано, и тамъ застало его въ самую минуту обратнаго его отъѣзда въ Чельтенгамъ. Все это произвело замедленіе, но по выставленному на оригиналѣ письма числу ваше величество увидите, что его отвѣтъ послѣдовалъ немедленно по полученіи письма и что онъ насколько не поколебался своимъ отвѣтомъ.

«Для объясненія сего отвѣта я долженъ представить вашему величеству, тѣ строки изъ письма моего, къ коимъ онъ относится. Вотъ, что было мною написано: (Далѣе должна была слѣдовать выписка изъ письма Жуковскаго къ А. Н. Тургеневу отъ 30-го января).

«Вотъ, что я написалъ. (Эти строки я сообщилъ тогда же государынѣ и она благоволила ихъ одобрить), полагая, что Николай Тургеневъ, не имѣя въ доказательство своей невинности ничего, кромѣ того, что было уже имъ написано и что уже не показалось самимъ вамъ удовлетворительнымъ, поколеблется. Но вижу, что я зналъ его худо. Онъ не поколебался.

«Не позволяю себѣ дѣлать никакихъ замѣчаній на письмо его. Осмѣ-

люсь только обратить вниманіе вашего неличества на слѣдующее. Николай Тургеневъ имѣлъ несчастіе не явиться по первому вызову въ такое время, когда еще приговоръ не былъ произнесенъ надъ нимъ: въ этой неявкѣ видна одна недовѣрчивость (которой и извинить нельзя) къ судьямъ. Но она изъясняется его тогдашнимъ отдаленіемъ отъ Петербурга, его болѣзнію, письмами брата, который, страшась за жизнь его, убѣждалъ его прислать объясненіе письменное, и наконецъ тѣмъ, что онъ зналъ, какое предубѣжденіе на счетъ его распространено было въ обществѣ и въ самыхъ его судьяхъ. Если не явился онъ послѣ, а представилъ одно письменное подробное объясненіе, то онъ уже не могъ явиться, ибо приговоръ былъ произнесенъ, и онъ не имѣлъ никакого права надѣяться, чтобы онъ былъ допущенъ къ суду: если бы онъ явился, то по всей справедливости онъ былъ бы просто преданъ наказанію, какъ преступникъ уже осужденный. Теперь по одному царскому слову, уже приговоренный, не страшась прежнихъ судей свои(хъ), но зная своего верховнаго судью, котораго четыре года царствованія познакомили коротко съ Европою и Россією, онъ готовъ явиться безусловно, когда и куда повелитъ сей судья великодушный. Письмо его было писано къ брату съ тѣмъ, чтобы онъ доставилъ ко мнѣ одну выписку; а братъ доставилъ все письмо въ оригиналѣ. Благоволите обратить вниманіе на отмѣченные мн(о)ю строки. Изъ нихъ увидите, какую имѣлъ онъ надежду и что для себя готовить. (Эта семейная тайна ввѣряется вамъ, государь). И онъ все покидаетъ; онъ предаетъ себя вамъ. Что повелите, то и будетъ. Благоволите же, всемилостивѣйшій государь, изъяснить, что долженъ я отвѣчать его брату» ¹⁾.

Указанія императора намъ, пока, въ точности неизвѣстны, но во всякомъ случаѣ были неблагопріятны, какъ видно изъ ниже слѣдующаго письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу:

«Спѣшу извѣстить тебя о томъ, что случилось. Все рѣшено для брата. Ты и онъ будете обвинять меня въ опрометчивости — винюсь съ сокрушеннымъ сердцемъ! Меня мучитъ мысль, что я произвелъ (въ) васъ новую надежду со всѣми ея волненіями ²⁾. Я не понялъ словъ государя, переданныхъ мнѣ императрицею, и далъ имъ слишкомъ обширное значеніе. Въ нихъ не заключалось никакого вызова на судъ и

¹⁾ Печатается съ черноваго отпуса, принадлежащаго графу Н. А. Бреверну-де-ля-Гарди.

²⁾ Первоначально было написано: „Ты и онъ будете обвинять меня въ опрометчивости [въ томъ, что я возбудилъ въ васъ новую надежду, привелъ васъ въ новое волненіе. Что жъ дѣлать! Это меня мучитъ, но исправить не могу“].

на оправданіе, ибо ¹⁾ въ этомъ отношеніи для брата все кончено, и онъ новаго суда ни ожидать, ни требовать не въ правѣ, и государь его ему не дастъ. Если бы братъ явился и безусловно предаль себя великодушію государя, то его величество рѣшилъ бы тогда самъ, какое существованіе могло бы быть дано ему, осужденному въ Россіи безъ уничтоженія осудившаго его приговора. Таковъ былъ истинный смыслъ сказаннаго мнѣ отвѣта. И такъ повторяю: ему обѣщанъ былъ не судъ, а одно только измѣненіе его участи безъ оправданія. Я виноватъ передъ братомъ, что своею поспѣшностію вовлекъ его въ заблужденіе; виноватъ и передъ государемъ императоромъ, и страшусь, не навлекъ ли на себя неблаговоленіе его величества. Я поступилъ весьма опрометчиво и неосторожно, тѣмъ болѣе, что уже и самъ государь лично изъявилъ мнѣ за нѣсколько дней передъ симъ свое неудовольствіе за то, что я вмѣшиваюсь въ дѣло, до меня не принадлежащее. Могу быть извиненъ ²⁾ одною только чистотою намѣренія. Благодарю Бога, что Онъ избавилъ меня отъ горькаго раскаянія въ чемъ-нибудь болѣе. Теперь вы все знаете ³⁾.

«Остается мнѣ дать или, лучше сказать, повторить тебѣ особенно прежній совѣтъ свой: не тревожь Николая. Безъ тебя давно бы уже онъ смотрѣлъ на судьбу свою глазами твердыми и покорился бы ея могуществу. Ты долженъ быть ему помощникомъ и утѣшителемъ, а не обременителемъ его жребія. Теперешній случай долженъ рѣшительно объяснить для тебя твою должность. Прости».

Прошло много лѣтъ прежде, чѣмъ Н. Тургеневу было разрѣшено жить на континентѣ, и онъ поселился тогда въ Парижѣ.

III.

В. А. Жуковскій и В. Н. Кюхельбекеръ.

Въ 1837 году В. А. Жуковскій сопровождалъ великаго князя Александра Николаевича, тогда наслѣдника престола, въ его путешествіи

¹⁾ Первоначально было написано: «Въ нихъ не заключалось никакого обѣщанія суда, и братъ вызывался не къ оправданію, котораго онъ уже получить никогда не можетъ, но просто».

²⁾ Свачала было написано: „Могу быть оправданъ и передъ нимъ и передъ вами“.

³⁾ Затѣмъ зачеркнуто: «Прости» и еще слѣдующее: „Но я винюсь передъ однимъ Николаемъ, а не передъ тобою. Ты своими тревогами доселѣ нарушалъ и послѣдній остатокъ спокойствія, возможнаго въ его положеніи. Ты искалъ для него того, о чемъ онъ и не думалъ. Мои объ этомъ старанія, никому не полезныя, а мнѣ только одному вредныя довели.....“

по Сибири, гдѣ они видѣли многихъ декабристовъ. Положеніе ихъ какъ нравственное, такъ и матеріальное было весьма тяжелое. Оторванные отъ семействъ, поставленные въ совершенно инныя условія жизни, они были лишены всякихъ сношеній съ родными и друзьями. Переписка съ ними навлекала подозрѣніе правительства, и потому многіе избѣгали ея. Такъ, когда, въ 1836 году, А. С. Пушкинъ получилъ письмо отъ Кюхельбекера, онъ немедленно представилъ его въ III отдѣленіе и при этомъ писалъ 28-го апрѣля 1839 г. статсъ-секретарю Александру Николаевичу Мордвинову ¹⁾:

«Спѣшу препроводить къ вашему превосходительству полученное мною письмо. Мнѣ вручено оно съ недѣлю, по моему возвращенію съ прогулки; оно было просто отдано моимъ людямъ безо всякаго словеснаго порученія неизвѣстно кѣмъ. Я полагалъ, что письмо доставлено мнѣ съ вашего вѣдома. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть» и проч.

Письмо это было возвращено Пушкину, какъ не заключающее въ себѣ ничего не позволительнаго ²⁾, но за то второе письмо Кюхельбекера, приводимое нами ниже, не было передано по назначенію и оставлено въ дѣлахъ.

«Ты хочешь,—писалъ В. К. Кюхельбекеръ А. С. Пушкину ³⁾,—чтобы я тебѣ говорилъ о самомъ себѣ. Нынѣ это мнѣ еще совершенно невозможно: въ судьбѣ моей жизни произошла такая огромная перемѣна, что и нынѣ душа не устоялась. Дышу чистымъ, свѣжимъ воздухомъ, иду, куда хочу, не вижу ни ружей, ни конвоя, не слышу ни скрипа замковъ, ни шопота часовымъ при смѣнѣ ⁴⁾. Все это прекрасно, а между тѣмъ говорить ли? порою жалко о своемъ уединеніи. Тамъ я былъ ближе къ вѣрѣ, къ поэзіи, къ идеалу. Здѣсь все не такъ, какъ ожидалъ даже я, порядочно, кажись, разочарованный на счетъ людей и того, чего можно отъ нихъ требовать. Впрочемъ *le goût me viendra en mangeant*,—вотъ на примѣръ какъ вчера въ лѣсу, когда предложили мнѣ вмѣсто обѣда соленыхъ омулей, нѣсколько, какъ говорятъ здѣсь в о н ѣ к и х ѣ, отъ нихъ чуть было не сорвало съ души. Но, протаскавъ цѣлое утро бревна и доски, я усталъ, проголодался и вообрази: съѣлъ цѣлаго омуля. Такъ-то наконецъ и нравы здѣшніе придутся же мнѣ по зубамъ. Еще одно: когда

¹⁾ Управлявшему III отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи.

²⁾ Отношеніе статсъ-секретаря Мордвинова А. С. Пушкину отъ 30-го апрѣля 1836 г. № 1416.

³⁾ Въ письмѣ отъ 3-го августа 1836 года изъ Баргузина.

⁴⁾ Кюхельбекеръ долгое время содержался въ Динабургской крѣпости. По случаю польскаго мятежа онъ былъ, въ апрѣлѣ 1831 г., отправленъ въ Ревель, 7-го октября перевезенъ въ Свеаборгъ, а затѣмъ отправленъ въ Сибирь и поселенъ въ Баргузинѣ.

я началъ дневникъ свой, я именно положилъ, чтобы онъ отнюдь не былъ исповѣдью, а вышло напротивъ: проговариваюсь и довольно часто. Иначе и быть не можетъ. Есть случаи, гдѣ «всякъ человѣкъ ложь»; но есть и такіе, гдѣ всякъ человѣкъ—истина. Писать къ тебѣ о самомъ себѣ, какъ не высказать того, что во мнѣ бродитъ. А это еще рано.

«Ты, другъ, Александръ Сергѣевичъ, полагаешь, что я получалъ въ крѣпости много литературныхъ новостей,—ошибаешься. Французскихъ и нѣмецкихъ мнѣ давали очень немного; изъ русскихъ только въ послѣднее время попадались мнѣ не совсѣмъ еще старыя».

Освобожденіе изъ крѣпости и поселеніе въ Баргузинѣ ухудшили положеніе Кюхельбекера. Вообще облегченія участи сосланныхъ были дѣлаемы весьма рѣдко и въ размѣрахъ самыхъ ограниченныхъ. Сначала имъ сокращались сроки, назначенныя для бытности въ каторжной работѣ, потомъ они, находясь на поселеніи, всякій разъ по просьбамъ ихъ и по ходатайству мѣстнаго начальства, были переводимы изъ суровыхъ мѣстъ въ болѣе умѣренныя, или изъ селеній въ города, но не иначе, какъ въ предѣлахъ Сибири. Многіе изъ нихъ, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, принуждены были пропитывать себя тяжелымъ трудомъ хлѣбопашца. Трудъ этотъ былъ для нѣкоторыхъ и не по характеру и не по силамъ, и заставлялъ стремиться къ выходу изъ такого положенія.

«Я подалъ просьбу, писалъ—В. К. Кюхельбекеръ графу Бенкендорфу¹⁾),—о дозволеніи мнѣ жениться на любимой мною дѣвушкѣ. Я долженъ буду содержать жену, но слѣдуетъ вопросъ: какимъ образомъ? Рана пулею въ лѣвое плечо и недостатокъ тѣлесныхъ силъ будутъ мнѣ всегдашнимъ препятствіемъ къ снискиванію пропитанія хлѣбопашествомъ или какимъ-либо рукодѣліемъ.

«Осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вашему сіятельству съ просьбою оказать милость исходатайствованіемъ мнѣ у государя императора дозволенія питаться литературными трудами, не выставляя на нихъ моего имени. Мнѣ не нужно говорить вашему сіятельству, что благодарность моя за эту милость будетъ безпредѣльна; благодарность эту я могу доказать одною лишь молитвою предъ Богомъ о благоденствіи моего государя, милосердаго и человѣколюбиваго даже въ наказаніяхъ, и о благѣ того, который за меня будетъ ходатайствовать при его высокой особѣ. Но я увѣренъ, что ни великодушный монархъ, ни ваше сіятельство не отвергнете моего моленія. Я оканчиваю; сердце мое слишкомъ полно и не даетъ мнѣ писать болѣе. Съ чувствомъ страха, которое ваше сіятельство мнѣ вѣрно простите, какъ послѣдствіе столь многихъ не сбывшихся надеждъ, но и съ совершенною увѣренностію въ милосердіе того,

¹⁾ Огъ 9-го октября 1836 г. изъ Баргузина.

че великое сердце въ рудѣ Божіей, и въ благородное стремленіе ваше по возможности способствовать облегченію нашей участи».

Разрѣшенія не послѣдовало, и на просьбѣ было написано «не лѣзя».

Отказъ, конечно, произвелъ на Кюхельбекера тяжелое, удручающее впечатлѣніе, но скоро блеснула лучъ надежны, когда въ Сибири узнали о предстоящемъ посѣщеніи ея наслѣдникомъ престола. Всѣ оживились и съ нетерпѣніемъ ожидали гостя. Сибиряки были въ восторгѣ; въ восторгѣ былъ и высокій путешественникъ.

«Начну съ того,—писалъ онъ отцу, императору Николаю ¹⁾),—чтобы благодарить тебя за мысль твою послать меня въ этотъ отдаленный, любопытный край, который никого изъ насъ еще не видѣлъ и въ настоящемъ случаѣ чувствуетъ съ благодарностью высокое вниманіе своего государя, котораго сибиряки настояще (коренные) умѣютъ любить.

«Восторгъ, съ которымъ меня здѣсь вездѣ принимали, меня точно поразилъ, радость была искренняя, во всѣхъ лицахъ видно было чувство благодарности своему государю за то, что онъ не забылъ своихъ отдаленныхъ подданныхъ, душевно ему привязанныхъ, и прислалъ къ нимъ сына своего, который также умѣетъ цѣнить счастіе дѣлать счастливыми и другихъ. Я точно не знаю, какъ благодарить тебя, милый папа, за то, что ты меня прислалъ сюда, ибо пребываніе мое здѣсь принесло и жителямъ и мнѣ душевную радость. Они говорятъ, что доселѣ Сибирь была особенная страна, а теперь сдѣлалась Россіей.

«Сибирскій край чрезвычайно любопытный, и мнѣ очень жаль, что въ этотъ разъ не удалось далѣе съѣздить, надѣюсь при томъ, что если Богъ дастъ, современемъ и туда попасть. Я видѣлъ многихъ пріѣзжихъ оттуда, и всѣ очень сожалѣютъ, что я не могу къ нимъ заѣхать. Здѣшнее населеніе надобно раздѣлить совершенно на (двѣ) отдѣльныя части: старожилы или коренные сибиряки, народъ чисто русскій, привязанный къ своему государю и ко всей нашей семьѣ, нравственные, живущіе спокойно и во благоденствіи, ибо земля у нихъ удивительная,—все черноземъ; народъ собою видный.

«Другая же часть населенія Сибири совершенно другаго рода и пагубная для сего края,—это суть поселенцы или сосланные на поселеніе, которые больше ничего не дѣлаютъ, какъ бродятъ по большимъ дорогамъ, грабятъ, обижаютъ жителей и для нихъ настоящее бремя. Присмотръ за ними невозможенъ. Мы заходили въ нѣсколько избъ, и крестьяне намъ говорили, что когда они на работу уходятъ, то ставятъ на окошки хлѣбъ, соль и квасъ для бродягъ ссыльныхъ, а не то зажгутъ имъ деревню или разграбятъ домъ. Нечего сказать, незавидное положеніе, которому однако весьма трудно пособить.

¹⁾ Отъ 3-го іюня 1837 года изъ Тобольска.

«Горчаковъ ¹⁾), пользуясь моимъ прибытіемъ сюда, осмѣливается ходатайствовать за испрошеніе прощенія нѣкоторымъ несчастнымъ, того истинно заслуживающимъ; онъ вѣрно за недостойныхъ не сталъ бы просить. Во-первыхъ, онъ проситъ позволенія произвести изъ рядовыхъ 1-го линейнаго сибирскаго баталіона Чижова въ унтеръ-офицеры, свидѣтельствуя его усердную и ревностную службу и тихое, скромное поведеніе. Онъ объ этомъ вошелъ съ представленіемъ къ гр. Чернышову. Помянутый Чижовъ, за принадлежаніе тайному обществу и знаніе цѣли его, лишень лейтенантскаго чина и дворянства 10-го іюля 1826 г. и былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе; но по высочайшему повелѣнію, объявленному графомъ Бенкендорфомъ 24-го іюня 1833 г., опредѣленъ на службу рядовымъ въ 1-й линейный Сибирскій баталіонъ. Кромѣ того онъ еще проситъ о прощеніи лишенныхъ чиновъ и дворянства и сосланныхъ въ Сибирь на поселеніе Павла Рукина, Льва Кузнецова и жены его, достойныхъ всемилостивѣйшаго милосердія по скромной жизни и хорошему поведенію. Просьбы ихъ пересылаю въ особенномъ пакетѣ. Осмѣливаюсь присовокупить къ этому и мое ходатайство: мнѣ бы чрезвычайно пріятно было, милый и безцѣнный папа, если это возможно, чтобы пріѣздъ мой принесъ этимъ несчастнымъ облегченіе въ ихъ судьбѣ».

«По утру я выслушалъ обѣдню въ соборѣ въ Курганѣ,—писалъ великій князь-наслѣдникъ въ другомъ письмѣ ²⁾). Тамъ находятся нѣкоторые изъ причастныхъ къ дѣлу 14-го числа (декабря), именно: Лореръ, Лихаревъ, Назимовъ (бывшій коннополюберъ), Нарышкинъ, Розень, Фохтъ и Фурманъ. Я нарочно справлялся о нихъ и узналъ, что какъ они, такъ и живущіе въ Ялуторовскѣ и въ другихъ мѣстахъ, ведутъ себя чрезвычайно тихо и точно чистосердечно раскаялись въ своемъ преступленіи; ихъ раскаянію можно повѣрять. Мой Назимовъ ³⁾ заходилъ къ своему однофамильцу, его дальнему родственнику и говорить, что онъ его совершенно разстроилъ своимъ раскаяніемъ. Онъ ему говорилъ, что если даже государь насъ проститъ, то мы всю жизнь сами себѣ не простимъ наше преступленіе: это пятно неизгладимое. Я ихъ всѣхъ почти видѣлъ въ церкви; въ особенности хвалятъ Нарышкина. Онъ благодѣтель всего города, жена его, почтенная женщина, написала мнѣ письмо, которое я тебѣ пересылаю тоже. Она проситъ, постѣ 10 лѣтъ разлуки, повидаться съ матерью, посоветоваться съ докторами на счетъ своей болѣзни и потомъ опять воротиться къ своему мужу.

¹⁾ Сибирскій генералъ-губернаторъ.

²⁾ Отъ 6-го іюня 1837 г.

³⁾ Полковникъ Влад. Ив. состоявшій при великомъ князѣ наслѣдникѣ.

«Еще Фохтъ писалъ письмо В. А. Жуковскому, въ которомъ онъ проситъ исходатайствовать ему позволеніе ѣхать въ Тобольскъ полѣчиться. Онъ проситъ: нельзя ли старшему сыну его, живущему въ Россіи, позволить пріѣхать повидаться съ матерью.

«Осмѣливаюсь и я съ своей стороны ходатайствовать передъ тобою за сихъ несчастныхъ, вполнѣ раскаявшихся въ своемъ преступленіи и готовыхъ пролить послѣднюю каплю крови за своего государя, уже облегчившаго ихъ судьбу, на которую они не думаютъ роптать».

Эти теплыя слова наслѣдника престола въ защиту ссыльныхъ раздѣлялись и всею его свитою, въ особенности В. А. Жуковскимъ.

«Особенно поразила меня,—писалъ онъ императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ ¹⁾,—во всѣхъ ихъ ²⁾ смиренная покорность судьбѣ своей и въ то же время признаніе вины своей и той кротости, какая была ими оказана во всѣ эпохи ихъ изгнанія. Ни одного изъ встрѣченныхъ мною въ Курганѣ я не зналъ прежде, но свиданіе со мною было имъ отрадою, правда, минутною. И, простясь съ ними, я живо почувствовалъ, что такое изгнаніе! Мы исчезли для нихъ какъ тѣни. На одинъ мигъ явилась передъ ними Россія, и родные, и погибшее прошлое, и осталось отъ всего безнадежное будущее. А ихъ дѣти, оставленныя въ Россіи или родившіяся въ изгнаніи; а ихъ родные, для которыхъ давно совершившееся бѣдствіе не состарѣлось, а свѣжо и живо, какъ въ первую минуту».

Такия мысли о тяжкомъ положеніи многихъ товарищей и друзей юности произвели глубокое впечатлѣніе на добрую и чистую душу В. А. Жуковского и вызвали съ его стороны сердечное желаніе облегчить ихъ участь. Узнавъ, что наслѣдникъ ходатайствуетъ объ облегченіи участи осужденныхъ, онъ не могъ утерпѣть отъ желанія вновь просить милости у императора Николая и писалъ ему 8-го іюня 1837 г. изъ Златоуста ³⁾:

«Великій князь покинулъ Сибирь, которую сбродовало несказанно его минутное присутствіе. Этотъ случай побуждаетъ меня повергнуть къ стопамъ вашего в(еличест)ва нѣкоторыя мысли, которыя давно таились въ душѣ моей, но теперь съ новою живостію въ ней пробудились.

¹⁾ Въ письмѣ отъ 24-го іюня 1837 г. изъ Симбирска. Сочиненія В. А. Жуковского, изд. 7-е, 1878 г. Т. VI, стр. 318.

²⁾ Сосланныхъ по дѣлу 14-го декабря.

³⁾ Письмо это обязательно доставлено намъ И. А. Бычковымъ и списано съ черноваго подлинника, находящагося въ одной изъ тетрадокъ дневника Жуковского за 1837 г. Дневникъ хранится въ Императорской публичной библиотекѣ (см. И. А. Бычковъ. Бумаги Жуковского. С.-Петербург. 1887 г. стр. 14) и письмо занимаетъ листы: 31, 30, 29, 28, 27 и 26 (страницы переименованы обратно).

Внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что я долженъ ихъ сообщить вамъ, что я погрѣшу передъ вами, передъ в(еликимъ) в(няземъ) и передъ собою, если этого не сдѣлаю. Я повиную(сь) этомувлеченію въ полной увѣренности, что вы, государь, оправдаете мое намѣреніе и въ такомъ случаѣ, когда не согласитесь со мною.

«Ни одинъ изъ русскихъ царей не имѣлъ прекрасной мысли вашей, мысли, достойной царя самодержавнаго, послать своего наслѣдника знакомиться съ будущимъ его царствомъ.

«И ни одинъ изъ вашихъ великихъ предшественниковъ не могъ имѣть такой мысли; сынъ Петра былъ недостойнъ отца своего; Екатерина имѣла несчастіе быть нечадолюбивою матерію; Александръ не былъ отцомъ. Вамъ однимъ судилъ Богъ, съ наслажденіемъ добраго и счастливаго отца, во всемъ цвѣтѣ жизни, общающей намъ еще многіе годы благословеннаго вашего царствованія, показать любимому сыну Россію, и какую Россію! Такого праздника еще ей не давали цари ея. Плодъ путешествія наслѣдника не будетъ приобрѣтеніе точныхъ свѣдѣній о тѣхъ краяхъ, кои онъ увидитъ; это физически и морально невозможно. И это, впрочемъ, не есть главная цѣль его путешествія.

«Нѣтъ, онъ долженъ увидѣть Россію и ею быть увидѣннымъ; онъ долженъ ее полюбить и приобрѣсть любовь ея. И это будетъ непрѣмнымъ слѣдствіемъ того, что онъ видитъ и будетъ видѣть. При вѣздахъ его въ города, улицы кипятъ народомъ, кровли имъ усыпаны, все толпится къ нему съ криками радости, и большая часть, глядя на него, молится. Цѣлыя волости собираются на дорогу и въ два ряда выстраиваются по сторонамъ ея. Эти картины (съ нѣкоторыми измѣненіями, смотря по характеру и происхожденію жителей) встрѣчаетъ онъ на каждомъ шагу. Видѣвшіе его, конечно, сохранять память о днѣ, въ который его встрѣтили; а онъ возвратится къ вамъ съ живѣйшею любовію къ вашему и своему будущему царству, ибо онъ видѣлъ къ себѣ отъ этого царства и всей Россіи любовь неподкупленную, и сіе чувство встрѣтило его на первомъ шагѣ его.

«Государь! Россія видитъ въ немъ вашего представителя; она съ благодарностію понимаетъ васъ, и въ этомъ царскомъ посольствѣ, единственномъ въ нашихъ лѣтописяхъ, видитъ вашу отеческую заботливость о ея будущемъ благоденствіи и о будущемъ вашего сына: еще при себѣ, въ цвѣтѣ могущественнаго царствованія, вы хотите ихъ подружить, вы хотите своимъ соприсутствіемъ запечатлѣть этотъ законный союзъ, на которомъ, конечно, останется печать вашего царскаго и родительскаго благословенія во благо сына и подданныхъ. Все это прекрасно, и все это всадѣ понимаютъ.

«Будучи свидѣтелемъ этихъ встрѣчъ народныхъ и видя въ нихъ разнообразное выраженіе одного и того же общаго чувства, вѣрности къ

трону (еще полному, нигдѣ не расточенному наслѣдію народа русскаго), я сожалею только о томъ, что вы не можете быть ихъ невидимымъ свидѣтелемъ. Это была бы величайшая радость родительскому сердцу.

«Такъ, государь, онъ вашъ представитель, но представитель не вашей власти—власть впереди, она есть просто право наслѣдства,—а вашей благодти (прекраснаго достоянія царей, и исключительнаго, лучшаго достоянія царей самодержавныхъ). И Россія видѣла лице этого представителя. Нельзя (было) выбрать болѣе привлекательнаго представителя святѣйшей изъ добродѣтелей царскихъ. Но, будучи представителемъ вашей благодти, пускай оставитъ онъ по себѣ и ея памятникъ, такой памятникъ, который бы вся Россія разомъ, съ одною общою молитвою, воздвигнула отцу милующему и сыну, посреднику милосердія.

«Скажу то слово, которое хотѣлъ уже сказать вамъ, съ вѣрою въ вашу высокую душу, въ день совершеннолѣтія наслѣдника и которое теперь еще приличнѣе сказать, ибо обстоятельства благоприятствуютъ и нѣкоторымъ образомъ вызываютъ изъ души моей это слово. Государь, даруйте всепрощеніе несчастнымъ, осужденнымъ и достойно наказаннымъ по заговору 1825 года. Пускай этотъ актъ, въ которомъ выразится самодержавіе во всей свойственной ему красотѣ и силѣ, ознаменуетъ первое посѣщеніе Сибири сыномъ царскимъ. Пускай въ то же время скажутъ по всей Россіи: государь показалъ намъ своего сына ангеломъ радости.

«Этотъ ангелъ увидѣлъ страданіе и несчастіе и сдѣлалъ свое дѣло; онъ молилъ за нихъ своего правосуднаго отца, и отецъ послушалъ сына, подобно Отцу Небесному, передъ Которымъ Сынъ ходатайствовалъ о спасеніи осужденныхъ. А это, государь, скажутъ всѣ, и съ какимъ чувствомъ къ вамъ и къ вашему сыну!

«Правосудіе совершило дѣло свое во всей полнотѣ. Заговоръ, произведенный коварнымъ замысломъ немногихъ и фантастическимъ заблужденіемъ другихъ или опрометчивою молодостію остальныхъ, задушенъ былъ въ самую первую минуту героизмомъ царя, и эта минута насъ познакомила съ нашимъ государемъ. Судъ надъ преступниками, произнесенный съ небывалою дотошнѣ всенародностію и совершенный съ строгостію рѣшительною, явилъ могущество правительства и ужаснулъ злонамѣренныхъ. Вся Россія была за-одно съ своимъ государемъ и вмѣстѣ съ нимъ осудила заговорщиковъ противъ общественнаго порядка. Можно сказать, что этотъ безумный опытъ потрясти тронъ послужилъ только къ его утвержденію, ибо, конечно, съ тѣхъ поръ гораздо болѣе счесть можно людей, для коихъ, при мысли о томъ, какія бы слѣдствія имѣлъ заговоръ, если бы онъ имѣлъ успѣхъ, стала гораздо яснѣе мысль о необходимости для насъ самодержавной власти. Но казнь правосудная, отнявъ виновнымъ, должна была необходимо ввергнуть тысячи се-

мействъ въ глубокой трауръ; и этотъ трауръ лежитъ на всей Россіи, ибо семейства сіа разсыяны по всему ея пространству. Причина казни, такъ сказать, не существуетъ, ибо казнь ее уничтожила, а скорбь, произведенная казнію, скорбь отцовъ и матерей, братьевъ и сестеръ, родныхъ и друзей, жива и не умретъ; напротивъ, будетъ получать со-всѣмъ особенный характеръ живости по мѣрѣ продолжительности наказанія и отъ ужаснаго чувства безнадежности и черной мысли о неумолимости. Это чувство, столь естественное въ пострадавшихъ и столь же естественно раздѣляемое состраданіемъ постороннихъ, пережило вину преступниковъ. Сколько ежедневно слезъ проливается передъ Богомъ, сколько рукъ подымается къ Спасителю съ молитвою: «Смягчи сердце цареву, да помилуешь заблуждшихъ». Въ то же время и эти заблужденія, конечно, пережили свое заблужденіе: ихъ преступленіе не входитъ въ разрядъ неисцѣлимаго разврата; оно въ большей части не иное что, какъ пагубное заблужденіе, произведенное беспорядочнымъ воспитаніемъ, обстоятельствами тогдашняго времени и, смѣю прибавить, нѣкоторыми ошибками тогдашняго правительства. Теперь несчастіе дало имъ новое воспитаніе; оно познакомило ихъ съ своимъ необходимымъ товарищемъ—религію. Можно быть увѣреннымъ, что подъ этимъ двойнымъ вліяніемъ произошла въ нихъ значительная перемена, которая можетъ сдѣлать ихъ надежнѣе самихъ не испытанныхъ преступленія; они ясно увидѣли, къ чему могутъ привести мысли превратныя; несчастіе научило ихъ смиренію, изгнаніе врѣзало въ нихъ живѣйшую любовь къ отечеству; а кротость, съ какою въ самой строгости своей поступило съ ними правосудіе, конечно, вселила въ нихъ благодарность къ государю, ихъ покаравшему. Однимъ словомъ, всемилостивѣйшій государь, время карающей строгости миновалось, время благи спасающей, примирительной наступило. Никогда случай, подобный теперешнему, не представится вамъ для облегченія дѣйствія вашей благи. Теперь Россія васъ знаетъ и по первой героической минутѣ вашего царствованія и по многимъ другимъ, еще болѣе героическимъ; Россія днаетъ, какую силу духа можете вы раскрыть въ тѣ минуты, когда на-вобно попла титъ ся собою; она видѣла, какъ вы сильно, вопреки самымъ крикамъ Европы, умѣли поддержать права свои и раздавить мятежничество. Она не назоветъ слабостію вашей благи. Всепрощеніе въ сію минуту будетъ самымъ произвольнымъ дѣйствіемъ самодержавія, ему одному приличнымъ и тѣмъ именно, по коему оно приобрѣ-таетъ характеръ божественности. Здѣсь, какъ самодержецъ, (который) даетъ законъ—самъ произвольно можетъ его отмѣнить. Вы можете сказать: «Я прощаю, потому что хочу простить; потому (что) на это есть моя воля, потому что мой сынъ объ этомъ просилъ меня». Боже мой, сколько ранъ вдругъ исцѣлится однимъ такимъ божественнымъ словомъ!

Какія молитвы со всѣхъ концовъ отечества полетятъ за васъ и за него! Какой новый блескъ получите вы въ глазахъ всей Россіи! Другой подобной минуты не будетъ».

Письма сына-наслѣдника и В. Жуковскаго не остались безрезультатными. Въ указѣ Правительствующему Сенату отъ 22-го іюля 1837 года изъ Ропши ¹⁾, императоръ Николай I писалъ:

«Внявъ ходатайству любезнѣйшаго сына нашего, наслѣдника нашего престола, цесаревича и великаго князя Александра Николаевича, мы признали за благо оказать нѣкоторыя облегченія и милости тѣмъ изъ находящихся въ Сибири ссылнымъ, кои хотя очернили себя заблужденіями и преступленіемъ, но нынѣ поведеніемъ своимъ заслуживаютъ, чтобы на нихъ было обращено дѣйствіе нашего милосердія».

Это милосердіе выразилось въ различныхъ облегченіяхъ участи ссылныхъ, сокращеніемъ наказаній, опредѣленныхъ по суду, переводомъ на поселеніе, дозволеніемъ поступать на службу и проч. ²⁾.

¹⁾ См. Полное Собр. Законовъ т. XII, № 10470.

²⁾ Разсмотрѣвъ,—было сказано далѣе въ томъ же указѣ,—представленныя намъ о положеніи ссылныхъ вообще свѣдѣнія, повелѣваемъ:

1) Тѣмъ, кои, принадлежа къ податнымъ состояніямъ, сосланы въ Сибирь на поселеніе безъ тѣлеснаго наказанія, дозволить возвратиться во внутреннія губерніи Имперіи для избранія тамъ рода жизни, если они въ назначенныхъ имъ мѣстахъ ссылки пробыли не менѣе пяти лѣтъ до прибытія наслѣдника престола нашего цесаревича и великаго князя Александра Николаевича въ Тобольскъ, и во все сіе время вели себя неукоризненно, не бывъ ни подъ судомъ, ни въ бѣгахъ; изъ сего исключить только тѣхъ, кои сосланы за преступленія противъ вѣры, или же за бродяжество при упорномъ сокрытіи своихъ именъ, состоянія и происхожденія, или наконецъ по волѣ помѣщиковъ и по приговорамъ городскихъ и сельскихъ обществъ за несправимое развратное поведеніе; исключить равно тѣхъ, кои, женивъ въ Сибири, обзавелись тамъ прочнымъ хозяйствомъ и слѣдственно сами не пожелали бы оставить настоящихъ мѣстъ жительства.

2) Тѣмъ изъ сосланныхъ на поселеніе, кои не пожелаютъ или не могутъ воспользоваться дозволеніемъ возвратиться во внутреннія губерніи Имперіи по кратковременности пребыванія ихъ въ Сибири, или же по другимъ причинамъ, но кои также со времени ссылки вели себя неукоризненно и не были ни подъ судомъ, ни въ бѣгахъ, сократить въ половину сроки, назначенныя для оставленія ихъ въ цехъ слугъ или разрядъ ремесленныхъ работниковъ; а находящихся во временныхъ заводскихъ работахъ немедленно освободить отъ сихъ работъ и обратитъ въ другіе разряды поселенцевъ съ льготами и правами, симъ разрядамъ предоставленными.

3) Имѣющимъ въ слѣдствіе сего правила поступать изъ цеха слугъ въ мѣщане и цеховые и изъ ремесленныхъ работниковъ на поселеніе, а равно и предназначеннымъ прямо къ поселенію людямъ, даровать двойной срокъ свободы отъ платежа казенныхъ податей противу опредѣленнаго 749 ст. Свод. Уст. о ссылн., распространивъ сію милость и на тѣхъ поселенцевъ, кои уже водворены, но коимъ общее льготное отъ податей время не кончп-

Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Николай повелѣлъ спросить менѣ виновныхъ декабристовъ, не пожелаютъ ли они поступить въ военную службу, и тѣ, которые заявили желаніе, были опредѣляемы рядовыми въ отдѣльный Кавказскій корпусъ. Всѣмъ имъ объявлялось, что назначеніе это послѣдовало «въ видѣ особой монаршей милости и хосъ еще въ день прибытія въ Тобольскъ наслѣдника престола нашего цесаревича и великаго князя Александра Николаевича.

4) Недоимки въ казенныхъ податахъ, числящіяся на поселенцахъ, какъ возвращаемыхъ во внутреннія губерніи Имперіи, такъ и остающихся въ Сибири, изъ какаго бы они состоянія ни поступили, простить и изъ счетовъ исключить, кои уже болѣе десяти лѣтъ обзавелись собственнымъ прочнымъ ховайствомъ.

5) Распространить сіи предназначаемыя для поселенцевъ облегченія и милости, кромѣ права возвратиться во внутреннія губерніи Имперіи, и на сосланныхъ въ Сибирь на поселеніе дворянъ, чиновниковъ и другихъ, въ прежнемъ званіи своемъ не подлежащихъ тѣлесному наказанію, исключая лишь тѣхъ, кои по какому-либо причинамъ подверглись ссылкѣ на поселеніе, хотя были обвинены въ важнѣйшихъ, на основаніи Свод. Зак. Уголовн. каторжною работою наказываемыхъ, преступленіяхъ. Сверхъ того тѣмъ изъ имѣющихъ воспользоваться даруемыми имъ облегченіями поселенцевъ сего рода, которые, находясь въ Сибири не менѣе десяти лѣтъ, хорошимъ поведеніемъ обратили на себя вниманіе мѣстнаго начальства, дозволить переписаться, буде желаетъ, изъ поселенцевъ въ тамошнія городскія общества или же и вступить въ Сибири или ва Кавказомъ въ военную службу нижними чинами, на общемъ для людей сего рода основаніи. Главное мѣстное начальство можетъ, по усмотрѣнію своему, разрѣшать имъ вступленіе и въ гражданскую въ Сибири службу, также нижними чинами съ производствомъ въ первый офицерскій по истеченіи 12 лѣтъ, а по особеннымъ достойнымъ уваженія причинамъ и ходатайствовать предъ нами о дозволеніи нѣкоторымъ изъ нихъ возвратиться во внутреннія губерніи Имперіи, съ правомъ вступить тамъ въ гражданскую или военную службу нижними чинами.

Даруемыя намъ находящимся въ Сибири ссыльнымъ облегченія не могутъ быть распространяемы на преступниковъ, осужденныхъ въ каторжную работу; но дабы явить знакъ монаршаго милосердія нашего тѣмъ изъ нихъ, кои, во время посѣщенія Тобольской губерніи наслѣдникомъ нашего престола цесаревичемъ и великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ, испрашивали его предъ нами ходатайства, повелѣваемъ опредѣленный имъ судебными приговорами срокъ работы уменьшить одною третью или и половиною, смотря по роду ихъ преступленій, лѣтамъ и состоянію здоровья, предоставляя сіе разрѣшенію главныхъ мѣстныхъ начальствъ; для осужденныхъ же въ сіи работы безсрочно, ограничить оныя пятнадцатю годами, съ дозволеніемъ, по усмотрѣнію главныхъ въ Сибири начальствъ, сокращать и сей пятнадцатлѣтній срокъ еще пятью годами для тѣхъ, кои будутъ сего заслуживать поведеніемъ своимъ въ теченіе остальнаго времени пребыванія ихъ въ работахъ, или же окажутся достойными особаго снисхожденія по преклонности лѣтъ и слабости здоровья. Сіи облегченія не должны однакожь быть распространяемы на тѣхъ осужденныхъ въ каторжную работу, кои назначены въ оную изъ поселенцевъ, или же, до истеченія опредѣленнаго имъ срока, впали или впадутъ въ новыя уголовныя преступленія.

въ ознаменованіе пребыванія его высочества въ Курганѣ»¹⁾. Тѣмъ же, которые не могли воспользоваться этою милостію или по состоянію своего здоровья или семейнымъ обстоятельствамъ—тѣмъ, при одобрительной аттестаціи мѣстнаго начальства, разрѣшалось поступить на гражданскую службу въ Сибири.

Радости Жуковскаго не было предѣловъ. «Вчера,—писалъ онъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ²⁾,—была одна изъ счастливейшихъ минутъ моей жизни, и я не могу лишиться себя наслажденія раздѣлить ее съ вашимъ императорскимъ величествомъ. На дорогѣ между Буинскомъ и Симбирскомъ встрѣтилъ насъ фельдъегерь, и скоро потомъ великій князь сообщилъ мнѣ содержаніе письма государя императора, въ которомъ было и для меня драгоцѣнное милостивое слово. Посреди дороги, подъ открытымъ небомъ, мы трое, великій князь, Александръ Александровичъ (Кавелинъ) и я обнялись во имя царя, возвѣстившаго намъ милость къ несчастнымъ. Мы трое, не сговариваясь, сдѣлали одно и съ однимъ чувствомъ обратились къ государю. Великій князь послалъ письмо свое изъ Тобольска, а я свое изъ Златоуста, о коемъ сказалъ великому князю, уже отдавъ его фельдъегерю. И всѣмъ намъ одинъ отзывъ отъ нашего несравненнаго государя. Какое счастье получить его одобреніе въ такомъ дѣлѣ, которое такъ близко сердцу, и какое еще большее счастье увидѣть его благодѣтельную царскую душу во всей естественной красотѣ ея. Такія минуты, конечно, принадлежать къ лучшимъ въ жизни... Понимаю по себѣ, какое дѣйствіе произведетъ на всю Россію милость самодержца, произнесенная во имя сына, и какую прелесть онъ получитъ въ глазахъ ея, ставъ у престола представителемъ царской благодати, лучшаго достоянія всемогущества царскаго.... Боже мой! Какими глазами будетъ смотрѣть Россія на этого милаго сына царскаго! Какое восхищеніе произведетъ во всѣхъ этотъ новый союзъ милосердія, между отцомъ, умѣвшимъ въ свое время быть правосудно строгимъ и грознымъ, и сыномъ, котораго юношескій умоляющій голосъ такъ легко претворилъ строгость въ помилованіе! Сколько ранъ будетъ исцѣлено, и сколько слезъ и молитвъ благодарныхъ прольется передъ Богомъ за отца и сына!.. Не покажется ли онъ (сынъ) всѣмъ и страждущимъ за вину изгнанникамъ, и страждущимъ безъ вины отцамъ, матерямъ, братьямъ, сестрамъ и роднымъ, и всѣмъ, у кого есть

¹⁾ Письмо военнаго министра графа Чернышева графу Бенкендорфу 20-го октября 1837 г. Первыми отправленными на Кавказъ были: Нарышкинъ, Лореръ, Лихаревъ, Назимовъ, баронъ Розенъ и Фохтъ. (Отношеніе графа Чернышева графу Бенкендорфу 21-го іюня 1837 г. № 243).

²⁾ Въ письмѣ отъ 24-го іюня 1837 г. изъ Симбирска. Полное Собраніе сочиненій В. А. Жуковскаго, изданіе VII 1878 г., т. VI стр. 316—318.

въ груди сердце,—не покажется ли онъ чистымъ ангеломъ, слетѣвшимъ съ неба примирителемъ и посредникомъ».

Нѣтъ надобности говорить о томъ каксе впечатлѣніе произвело на осужденныхъ облегченіе ихъ участи. Они вздохнули свободнѣе и твердо знали, кому обязаны этимъ облегченіемъ. На В. А. Жуковскомъ сосредоточивалась ихъ благодарность; къ нему же стремились ихъ просьбы. Однимъ изъ первыхъ былъ В. К. Кюхельбекеръ. Въ письмѣ отъ 24-го мая 1838 года, изъ Баргузина, Кюхельбекеръ, между прочимъ, писалъ Жуковскому: «Изъ всѣхъ, кто знавалъ и любилъ меня,—юношу, почти отрока, въ живыхъ очень, очень немногіе, а вы въ числѣ этихъ немногихъ изъ писателей для сердца моего занимаете первое мѣсто. Не считаю нужнымъ увѣрять васъ, что, и безъ всякой другой причины это обстоятельство для меня очень важно: не дорожить расположеніемъ Жуковского было бы не только неблагодарно, было бы просто глупо. Итакъ горжусь воспоминаніемъ той дружбы, которой удостоивали вы меня съ 1817 года. Вы ободряли меня при первыхъ моихъ поэтическихъ опытахъ; въ началѣ моего поприща вы были мнѣ примѣромъ и образцомъ. И теперь отраднѣе мнѣ говорить самому себѣ (злѣе другому этого не расскажешь): Жуковскій читывалъ мнѣ своего Вадима строфами, когда еще его дописывалъ; Жуковскій пересылалъ мнѣ изъ Москвы свое: «Для немногихъ»; изъ 10 отпечатанныхъ экземпляровъ его грамматическихъ таблицъ одинъ достался на мою долю... По томъ обстоятельству, мнѣнія, люди отдалили меня отъ васъ; во и въ 25-мъ (1825) году я нашелъ въ васъ то же сердце, столь благородное, столь мнѣ знакомое. Затѣмъ случились мои огромныя заблужденія и мои несчастія, не менѣе огромныя. Искупилъ ли я въ вашихъ глазахъ первыя послѣдними?...»¹⁾

Спустя годъ онъ вновь просилъ Жуковского выхлопотать разрѣшеніе печатать свои сочиненія, хотя бы безъ подписи своего имени. Препровождая просьбу Кюхельбекера шефу-жандармовъ, В. А. Жуковскій писалъ ему²⁾.

«Мое убѣжденіе на счетъ всѣхъ этихъ несчастныхъ то, что мѣра наказанія исполнилась, и теперь чередъ благости. По крайней мѣрѣ все то надобно дѣлать, что можетъ ихъ поддержать нравственно. Писать никому не запрещено; чтобы написанное не было вредно для читающихъ, на то есть цензура. Писать для изгнанника, если только онъ для того имѣетъ талантъ, есть великое нравственное лѣкарство; оно поддержитъ душу отъ совершеннаго упадка. И почему ему не позволить печатать того, что онъ напишетъ, дабы имѣть деньги, столь нужны ему,

¹⁾ См. „Русскій Арх.“ 1871 г. т. I, стр. 0174—0175.

²⁾ См. всеподданнѣйшій докладъ шефа-жандармовъ 17-го янв. 1840 г.

особливо если у него на рукахъ семья. Человѣкъ, имѣющій занятіе, имѣ любимое и для него выгодное, надежнѣе человѣка празднаго или принужденнаго по необходимости заниматься такимъ трудомъ, который не по его силамъ и склонностямъ. Мнѣ кажется, что было бы несправедливо отказать въ этомъ Кюхельбекеру».

Тѣмъ не менѣе ему отказали. 18-го января императоръ Николай написалъ на докладѣ: «Дослужилъ ли онъ до офицерскаго чина?» И когда ему было доложено, что не дослужилъ, то высочайшаго соизволенія на просьбу В. К. Кюхельбекера не послѣдовало.

Прошло пять лѣтъ, и онъ опять обратился съ просьбою къ В. А. Жуковскому.

«Слишкомъ пять лѣтъ прошло,—писалъ онъ ¹⁾—какъ я имѣлъ счастье получить безцѣнное для меня письмо ваше изъ Дармштата, которое служить мнѣ живымъ свидѣтельствомъ и прекрасной души вашей, и того, что вы по сю пору не равнодушны къ тому Вильгельму, который нѣкогда пользовался вашею дружбою. Я къ вамъ послѣ того писалъ два раза: въ концѣ 40-го и въ началѣ 42-го годовъ. Въ послѣднемъ письмѣ, осмѣлился я васъ назвать заочнымъ крестнымъ отцемъ моего покойнаго сына Ивана—отвѣта не было. Нынѣ рѣшаюсь опять прибѣгнуть къ вамъ же, и въ обстоятельствахъ для меня и всего моего семейства крайне тяжелыхъ. Не говорю уже о совершенно разстроенномъ состояніи моего здоровья и преждевременной дряхлости, но уже два мѣсяца какъ я почти совсѣмъ ослѣпъ—на лѣвомъ глазу у меня бѣльмо, а правымъ, я едва, едва, различаю очерки предметовъ; и въ добавокъ мои житейскія средства крайне скудны. У бѣдныхъ моихъ сестеръ на рукахъ мы, два несчастные брата, онѣ не могутъ намъ удѣлять каждому болѣе 600 руб. въ годъ. Покуда я еще былъ въ силахъ, я занимался сельскимъ хозяйствомъ и кое-что приобрѣталъ отъ продажи излишняго хлѣба—теперь и это не возможно, а между тѣмъ болѣзнь требуетъ безпрестанно новыхъ издержекъ.

«Все это вмѣстѣ вынудило меня обратиться къ его сіятельству графу Орлову и просить его ходатайства о высочайшемъ дозволеніи издавать безымянно мои сочиненія и переводы, и вмѣстѣ съ тѣмъ отправить къ вамъ эти строки. Въ вашемъ послѣднемъ письмѣ отъ 29-го іюля 1840 г. (*c'est par parenthese le jours de naissance de mon fils Michel*) ²⁾ вы говорите насчетъ подобной моей просьбы «что можетъ быть она современемъ и исполнится»; мнѣ кажется, что это время или теперь настало, или мнѣ уже не дожидать до него.

«Я вполне въ васъ увѣренъ—и нисколько не сомнѣваюсь, что вы

¹⁾ Отъ 21-го декабря 1845 г. изъ г. Кургана.

²⁾ Между прочимъ это день рожденія моего сына Михаила.

даже и безъ моей просьбы употребите все, что отъ васъ зависитъ, чтобы доставить мнѣ возможность достигнуть этой единственной теперь цѣли моихъ желаній—тогда жена моя и дѣти будутъ имѣть надежный кусокъ хлѣба; я не буду въ тягость моимъ сестрамъ, и при тѣлесныхъ и душевныхъ моихъ страданіяхъ буду по крайней мѣрѣ покоенъ насчетъ вещественныхъ моихъ надобностей. Вотъ, добрый мой Василій Андреевичъ, о чемъ я прошу васъ и чего отъ васъ надѣюсь.

«О литературномъ достоинствѣ своихъ сочиненій говорить не стану; но Богъ мнѣ свидѣтель, что безкорыстная любовь къ добру и красотѣ всегда была моею единственною руководительницею, по крайней мѣрѣ послѣднія двадцать лѣтъ. Вотъ почему смѣю считать себя однимъ изъ несовѣмъ недостойныхъ представителей того періода нашей словесности, который, по самой строгой справедливости, долженъ бы называться вашимъ именемъ, потому что вы первые намъ, неопытнымъ тогда юношамъ, и въ томъ числѣ Пушкину, отворили дверь въ святилище всего истинно прекраснаго и заставили изучать образцы великихъ иностранныхъ поэтовъ. Никто изъ вашихъ преемниковъ никогда не передавалъ ни Шиллера, ни Гёте, ни Байрона въ такомъ совершенствѣ, какъ вы. Собственныя ваши сочиненія всѣ живые свидѣтели души высокой, изящной и благородной. Вы остались и по нынѣ жрецомъ того храма, въ который насъ впустили. Послѣ насъ наступили другія мнѣнія и толки, разсчеты и соображенія не совѣмъ литературныя—не мое дѣло судить, выиграла ли тутъ наша словесность ¹⁾».

«Извините, мой безцѣнный Василій Андреевичъ, я немного увлекся болтовней. Возвращусь къ дѣлу. Повторяю, я совершенно увѣренъ, что вамъ, для того чтобы послѣшить мнѣ на помощь, стоитъ только узнать, въ какомъ нахожусь положеніи, и потому не скрою, что особенно въ

¹⁾ По этому поводу, въ выше приведенномъ нами письмѣ къ Пушкину (3-го августа 1836 г.) Кюхельбекеръ писалъ: „Вашею критикою я не слишкомъ доволенъ; только не думаю, чтобы она въ наше время была лучше. Честности точно было болѣе, но, другъ, иная простота хуже воровства. Не слишкомъ ли ты строгъ къ Кукольникову? Къ тебѣ я, конечно, писалъ бы иначе, чѣмъ къ племянникамъ, а все же онъ не то, что Тимофеевъ, который (par rapport) безбожно обкрадываетъ и тебя и меня. Языкъ Кукольникъ знаетъ плохо, стихъ его слишкомъ вязяченъ (?), главный порокъ его—болтовня. Но все же онъ стоитъ, чтобы ты привялъ его въ руки: въ немъ могъ бы быть путь. Дай ему болѣе сжатости, силы, бойкости; мыслей и чувства у него довольно, особенно (не во гнѣвъ тебѣ), если сравнить его кое съ кѣмъ изъ нашихъ сверстниковъ и старшихъ братій. Гоголь? Изъ выписокъ Сенковскаго, который впрочемъ его ругаетъ, вижу, что онъ долженъ быть чловѣкъ съ истиннымъ дарованіемъ. Пришли мнѣ его комедію и трагедію Хомякова (только не Ермака). Н. Глинка мнѣ расквалилъ. Точно ли она хороша?“

этомъ дѣлѣ надѣюсь на васъ и на ваше содѣйствіе. Вамъ вѣрно утѣшительно будетъ знать, что при новомъ постигшемъ меня несчастіи, я, сколько возможно, бодръ духомъ и исполненъ упованіемъ на Бога.

«Прилагаю при семь, какъ могу припомнить, подробный реестръ всѣмъ моимъ сочиненіямъ и переводамъ вообще какъ старымъ, такъ и новымъ ¹⁾). Нѣкоторые журналы и книги, въ которыхъ первые были напечатаны, вы вѣрно не откажитесь мнѣ переслать, по вашему возвра-

¹⁾ Сочиненія, о которыхъ говоритъ Кюхельбекеръ, были:

Театральныя пьесы: „Ижорскій“, трагедія-мистерія; „Иванъ—купеческій сынъ“, сказка-драма; „Нашла коса на камень“, фарсъ; „Шекспировы духи“, комедія; „Паденіе дома Шуйскихъ“, историческая драма; „Прокопій Лапуновъ“, историческая драма; „Возвращеніе молодого Товія“, пасторель; „Архилогъ“, трагедія; „Армяване“, трагедія.

Переводы: „Макбетъ“ три первыя дѣйствія; „Ричардъ II“; первая и вторая часть „Генриха IV“; „Ричардъ III“; „Венеціанскій купецъ“, первое дѣйствіе.

Разсказы въ стихахъ: „Давидъ“, поэма въ десяти книгахъ; „Юлія и Ксенія“, поэма въ шести пѣсняхъ; „Сирота“, поэма въ пяти разговорахъ; „Заровавель“, поэма въ трехъ частяхъ; „Семь спящихъ отроковъ“, поэма въ двухъ частяхъ; „Святополкъ“, поэма въ трехъ частяхъ; Вѣчный жидъ“, пять отрывковъ.

Разсказы въ прозѣ: „Послѣдній Колонна“, романъ въ двухъ частяхъ; „Семинаристъ“, начало романа; „Дѣти генерала ла-Гранжа“, начало романа; „Адо“, повѣсть, напечатанная въ „Мнемозинѣ“, теперь исправленная; „Путешествіе на луну“, разсказъ, напечатанный въ „Мнемозинѣ“; Повѣсть, которой заглавіе не помню, напечатана въ „Невскомъ Зрителѣ“.

Лирическія стихотворенія: Духовнаго содержанія: гимны, оды, пѣсни, переложенія псалмовъ и другихъ мѣстъ св. писанія, сонеты, легенды и элегіи; свѣтскія: оды, пѣсни, элегіи, посланія, баллады, сонеты, эпиграфы, гимны—всего около 200 нумеровъ.

Критика и эстетика: „Подробный разборъ историческихъ драмъ Шекспира“; „Описаніе Дрезденской галлерей“, напечатанное въ „Мнемозинѣ“ и теперь исправленное; съ десяткомъ критикъ, напечатанныхъ въ „Conservateur Impartial“, въ „Сынѣ Отечества“, въ „Невскомъ Зрителѣ“ и въ „Мнемозинѣ“; Письмо къ молодому поэту, передѣлка изъ Виланда.

Филологія: Статьи о русскомъ языкѣ; жители Забайкалья и Закаменья.

Богословіе и правоучительныя сочиненія: „Толкованіе на молитву Господню“; „Смерть“, передѣлка проповѣди Гердера; Двѣнадцать писемъ, названныхъ Европейскими, напечатаны прежде.

„Извлеченія изъ моего дневника, которыя только-что начаты и вѣроятно составятъ пять или шесть большихъ томовъ. Эти извлеченія состоятъ изъ замѣчаній о книгахъ, которыя я читалъ въ послѣдніи 20 лѣтъ, и мѣстами изъ собственныхъ размышленій; касаются они религіи, философіи, особенно Шелинговой и Спинозовой, поэзіи, эстетики, филологіи и грамматики, особенно языковъ: русскаго, греческаго и англійскаго; исторіи и этнографіи.

„Прежнія письма мои къ Дельвигу и за границу.

щеніи въ Россію, а лучше всего выдержки изъ нихъ, чтобы пересылка была не такъ затруднительна.

«Если мнѣ разрѣшено будетъ безымянно печатать мои труды, или часть изъ нихъ, я во всякомъ случаѣ прошу васъ быть ихъ главнымъ издателемъ; а Петръ Александровичъ Плетневъ, конечно, не откажется принять на себя корректуру и редакцію.

«Подаренныя мнѣ вами сочиненія ваши составляютъ лучшую часть моей очень скудной библіотеки. Миша мой знаетъ наизусть вашу «Свѣтлану», «Графа Габсбургскаго», «Трехъ путниковъ» и множество другихъ піесъ—и прибавлю понимаетъ ихъ.

«Пожимаю вамъ отъ души руку; молю Бога, чтобы вы нашли чистое, ничѣмъ не возмущаемое счастье въ своемъ семействѣ, и прошу иногда вспомнать того, кто не забываетъ васъ ни въ мечтахъ своихъ, ни въ молитвахъ. В. Кюхельбекеръ.

«P. S. Вы увидите по почерку этого письма, мой добрый Василій Андреевичъ, что я самъ не въ состояніи былъ писать къ вамъ, а долженъ былъ диктовать одному изъ моихъ товарищей, который ухаживаетъ за мною, бѣднымъ слѣпцомъ».

Въ тотъ же день В. К. Кюхельбекеръ писалъ и графу Орлову:

«Болѣзненное состояніе, въ которомъ я нахожусь съ давняго времени, и которое теперь угрожаетъ мнѣ совершенную потерю зрѣнія, дало мнѣ смѣлость откровенно изложить вашему сіятельству всю затруднительность моего положенія и просить васъ, сіятельнѣйшій графъ, обратить благосклонное вниманіе на мою всенизжайшую просьбу. Я отецъ семейства, средства мои къ существованію слишкомъ недостаточны, и, теперь при потерѣ зрѣнія,—мнѣ, женѣ и бѣднымъ дѣтямъ моимъ предстоитъ самая горькая будущность, если вы, графъ, откажетесь быть ходоцемъ моимъ предъ августѣйшимъ нашимъ монархомъ.

«Вотъ въ чемъ состоитъ моя просьба къ вашему сіятельству. Въ теченіе двадцати лѣтъ, со времени осужденія моего, я посвящалъ часы грустныхъ моихъ досуговъ поэзіи и прикосновеннымъ къ ней отраслямъ словесности. Плодъ этихъ занятій—собственныя мои сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ, оставались у меня до сихъ поръ въ черновыхъ рукописяхъ, и я конечно бы не смѣлъ даже сѣтовать, если бы они остались въ такомъ видѣ до самой моей смерти. Но постигая меня болѣзнь, лишивъ меня всякой возможности приобрѣтать что-либо, для моего семейства, инымъ путемъ, не оставила мнѣ другаго способа облегчить участь тѣхъ, коихъ судьба связана съ моею—какъ изданіе моихъ занятій, или хотя части ихъ. Беру смѣлость, сіятельнѣйшій графъ, убедительно просить васъ быть истиннымъ благодѣтелемъ моего семейства, испросивъ высочайшее разрѣшеніе на напечатаніе безымянно моихъ рукописей. Въ прилагаемомъ моемъ письмѣ, къ Василію Андреевичу

Жуковскому о томъ же предметѣ находится подробный реестръ моихъ литературныхъ трудовъ, и я усерднѣйше прошу ваше сіятельство приказать отправить это письмо туда, гдѣ онъ теперь проживаетъ.

«Не излишнимъ считаю довести до свѣдѣнія вашего, что въ 1835 г., когда я находился еще въ Свеаборгской крѣпости—по ходатайству покойнаго А. С. Пушкина, государю императору угодно было дозволить напечатать двѣ части моей мистеріи «Ижорскій», найденныя нашимъ великимъ поэтомъ въ моихъ старыхъ бумагахъ. Въ Сибири, я къ этимъ двумъ частямъ прибавилъ третью, теперь рукописную, и исправилъ прежнія. Осмѣлюсь замѣтить, что безъ этой послѣдней третьей части смыслъ первыхъ двухъ не только не будетъ полонъ, но даже можетъ быть превратно истолкованъ. Слѣдовательно, эта третья часть необходима, чтобы все сочиненіе получило свое истинное религіозно-нравственное значеніе.

«Будучи вполне увѣренъ, что ваше сіятельство не отринете просьбу человѣка во всѣхъ отношеніяхъ столь несчастнаго, чувствующаго вмѣстѣ съ тѣмъ всю тягость своего преступленія, я полагаю мою надежду на Бога, «въ рудцѣхъ же Его сердце царево». О томъ уже нечего говорить, что ваше ко мнѣ участіе и милость государя исполняютъ душу мою живѣйшею и безпредѣльною благодарностію».

Ему было отказано на томъ же основаніи, какъ и въ 1840 году; письмо же Кюхельбекера къ Жуковскому доставлено не было.

По поводу изданія сочиненій бывшихъ декабристовъ наиболѣе удачною была просьба В. А. Жуковскаго за Ѳ. Н. Глинку.

IV.

В. А. Жуковскій и Ѳ. Н. Глинка.

Замѣшанный въ дѣлѣ декабристовъ, Ѳедоръ Николаевичъ Глинка былъ отправленъ на жительство въ г. Петрозаводскъ подъ надзоръ полиціи. Положеніе его тамъ было очень тяжелое. «Несчастія схватили и бросили меня въ страну,—писалъ онъ Н. И. Гнѣдичу ¹⁾—отброшенную отъ сообщеній съ живымъ гражданскимъ міромъ, которая, какъ нѣкая страшная тайна, скрыта, погружена въ глубинѣ дремучихъ лѣсовъ древней Кареліи, наводнена безчисленными озерами, загромождена безобразными обломками разрушенныхъ первобытныхъ горъ. Въ

¹⁾ 24-го марта 1829 года. „Изъ собранія автографовъ Императорской Публичной бібліотеки“, С.-Петербур. Изданіе 1898 г., стр. 37.

сихъ-то мѣстахъ, въ Петрозаводскѣ, который развѣ по самозванству считается городомъ (да еще и губернскимъ!), провождаю я, не смѣю сказать жизнь, но бытіе томительное, теряя силы и лѣта. Мое званіе въ быту общественномъ есть званіе старшаго совѣтника въ олонецкомъ губернскомъ правленіи; занятіе—текуція дѣла. Я изучилъ и благотворную сторону и черную магію приказнаго дѣла. Непостижимое единообразіе существуетъ во всѣхъ здѣшнихъ занятіяхъ и какаѣ судьба ожидаетъ?.. Подлѣ меня сидитъ совѣтникъ, извѣдаемый ракомъ, послѣдствіемъ пыльных канцелярскихъ трудовъ. Выбѣжишь за городъ,—нагое поле, усѣянное могилами председателя ей, судей и совѣтниковъ. Невольно родится мысль: «Господи Боже! Неужели придется умереть на чужбинѣ, въ сей странѣ, гдѣ и самая весна, пролетая быстро, какъ испуганная птица, не успѣваетъ нагрѣть могилу и вырастить на ней цвѣтокъ». При этой мысли какой-то внутренній морозъ отдираетъ кожу отъ костей. «И при взглядѣ болѣе прозаическомъ, въ самыхъ житейскихъ потребностяхъ, открывається здѣсь во всемъ большой недостатокъ и мало удобностей. Противу петербургскаго здѣсь все втрое дороже и вшестеро хуже».

Гнѣдичъ просилъ Жуковскаго вывести Ѳ. Н. Глинку отъ такого положенія, и по ходатайству Василя Андреевича онъ въ 1830 году былъ переведенъ въ Тверь, оставаясь все-таки подъ надзоромъ полиціи.

Въ 1839 году Ѳ. Глинка, желая издать «Очерки Бородинскаго сраженія», писалъ графу Бенкендорфу ¹⁾:

«Во многихъ обстоятельствахъ жизни моеѣ пользовался я высокимъ покровительствомъ вашего сіятельства и привыкъ считать васъ своимъ благодѣтелемъ. Полагая, что и на этотъ разъ не откажете вы сдѣлать мнѣ добро, я осмѣливаюсь утруждать васъ моею покорнѣйшею просьбою. Въ общій составъ воспоминаній моихъ о 1812 годѣ вошла статья подъ названіемъ «Очерки Бородинскаго сраженія». По случаю наступающихъ маневровъ мнѣ хотѣлось бы напечатать отдѣльно эту статью, составленную болѣе въ литературномъ смыслѣ по формамъ, принятымъ современною словесностью. Но какъ здѣсь слухъ носится, что всѣ сочиненія, заключающія въ себѣ что-нибудь о сраженіи Бородинскомъ, должны быть разсмотрѣны въ С.-Петербургѣ, то я и препровождаю все къ вашему сіятельству, съ покорнѣйшимъ прошеніемъ взглянуть на рукопись и дозволить напечатать ее въ настоящемъ ея видѣ. Буде же такое разрѣшеніе зависить отъ высочайшей особы государя императора, то я прошу васъ, со свойственнымъ вамъ великодушіемъ, исходатайствовать всемилостивѣйшее разрѣшеніе на напечатаніе сочиненія, стоявшаго мнѣ труда и времени.

¹⁾ Въ письмѣ отъ 1-го августа 1839 года. Москва.

«Сугубымъ почту для себя благодѣяніе, если ваше сіятельство благоволите разрѣшить прошеніе мое въ скоромъ времени потому, что сочиненія такого рода могутъ быть и прочитаны и раскуплены только тогда, когда поспѣютъ ко времени.

«Въ полной надеждѣ на милость и покровительство ваше, съ отличнымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть и проч.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ Θ . Н. Глинка писалъ В. А. Жуковскому:

«Почтеннѣйшій и достойнѣйшій Василій Андреевичъ. Узнавъ, что государь нашъ предпринялъ возсоздать битву Бородинскую на самомъ полѣ, ею прославленномъ, я собралъ мои воспоминанія о 1812 годѣ и, отдѣливъ отъ нихъ статью «Очерки Бородинскаго сраженія», хотѣлъ напечатать ее особо. Но здѣшняя (московская) цензура не вѣдомо почему отозвалась, что она не смѣетъ принять на просмотръ ничего, что хотя немного касается до Бородина и событій 1812 года. Вамъ извѣстно, что я много писалъ и печаталъ о незабвенномъ годѣ, и никогда этотъ предметъ не считался запретнымъ. Не имѣя ни средствъ, ни желанія начинать второй битвы Бородинской съ цензурою московскою, я вздумалъ послать мою рукопись прямо къ графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу, благодѣтельствувавшему мнѣ во многихъ случаяхъ моей жизни. Съ этою же почтою отправилъ я мое сочиненіе, чи ст о л и т е р а т у р н о е, въ которомъ за основаніе разсказа принято все то, что уже давно сказано и напечатано въ моихъ же «Письмахъ русскаго офицера». Зная, что вы хорошо знакомы съ благодѣтельнымъ Л. В. Дубельтомъ, я прошу васъ покорнѣйше сказать ему слово за рукопись мою, которая, конечно, пройдетъ черезъ его канцелярію. Убѣдительнѣйше прошу постараться, особенно о томъ, чтобы рукопись, во всякомъ случаѣ, была мнѣ возвращена потому, что за краткостію времени, я не успѣлъ оставить у себя порядочнаго съ нея списка; а затѣмъ я прошу не замедлить этимъ дѣломъ, ибо августъ на дворѣ, а напечатаніе 8 листовъ займетъ болѣе двухъ недѣль времени. Запоздалый же выпускъ повредитъ моей книгѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Сочиненія такого рода хороши ко времени. Красное яйцо теряетъ половину цѣны послѣ Святой недѣли! Привыкнувъ полагаться во всѣхъ моихъ бѣдахъ на васъ, какъ на добраго генія моего, я ожидаю, что и въ этотъ разъ одолжите и утѣшите имѣющаго честь быть и проч.

P. S. Прошу убѣдительнѣйше, чтобы рукопись моя (если графу нельзя по чему-нибудь просмотрѣть ее самому), не была препровождаема въ военно-цензурный комитетъ, гдѣ сочиненіе мое чисто литературное будетъ продержано долгое время и можетъ быть разсмотрѣно не съ надлежащей точки зрѣнія. Постарайтесь, достойнѣйшій Василій Андреевичъ, попросить Дубельта, чтобы они просмотрѣла мои очерки у себя, а если

имъ нельзя, то возвратили бы мнѣ тетрадь какъ можно скорѣе обратно».

Посылая это письмо Василию Леонтьевичу Дубельту, Жуковский писал¹⁾: «Вы будете не только моимъ дядюшкою, но и дѣдомъ, а если хотите, и отцомъ роднымъ, если поможете моему доброму Глинкѣ. Посылаю вамъ его письмо, адресованное ко мнѣ, изъ котораго увидите, чего онъ просить. Прошу васъ за него и никакъ не жду отказа. Только оберните все кругомъ пальца. Онъ забылъ приложить въ письмѣ своемъ ко мнѣ адресъ. Вѣроятно этотъ адресъ найдется у васъ, а если нѣтъ, то адресуйте всѣ бумаги на имя его превосходительства Александра Яковлевича Булгакова, для немедленнаго доставленія. Утѣшите меня, отецъ. Вашъ Жуковский».

«P. S. Буду въ Петербургѣ, увижусь съ вами и объ этомъ дѣлѣ переговорю».

Статья Глинка была отправлена на разсмотрѣніе Михайловскаго Данилевскаго, который сообщилъ, что къ «напечатанію статьи препятствія не имѣется», съ тѣмъ, однако же, чтобы выпущены были означенныя красными чернилами мѣста, которыя или несогласны съ официальными свѣдѣніями, или заключаютъ въ себѣ сужденія несправедливныя²⁾.

Этотъ отзывъ въ подлинникѣ былъ сообщенъ Глинкѣ³⁾, и о немъ увѣдомленъ В. А. Жуковский⁴⁾.

V.

В. А. Жуковский и А. Θ. фонъ-деръ Бриггенъ.

Въ апрѣлѣ 1845 г. А. Θ. фонъ-деръ-Бриггенъ писалъ графу Орлову⁵⁾:

«Изъ письма моего къ г. Жуковскому изволите вы усмотрѣть, что я испрашиваю его позволеніе посвятить ему сдѣланный мною переводъ съ латинскаго языка на русскій записокъ Юлія Кесаря, который я желаю напечатать. Прошу всепокорнѣйше ваше сіятельство сдѣлать милость въ этомъ случаѣ исходатайствовать мнѣ позволеніе исполнить мое намѣреніе, для котораго, кажется, затрудненій не предвидится и тѣмъ болѣе, что имя мое останется неизвѣстнымъ. Я увѣренъ, что ваше

¹⁾ Письмо безъ даты, но обозначено, что получено 12-го августа 1839 г.

²⁾ Письмо Михайловскаго Л. В. Дубельту 14-го августа 1839 г.

³⁾ Отношеніе Дубельта Θ. Н. Глинкѣ 16-го августа 1839 г., № 3175.

⁴⁾ Письмо Дубельта Жуковскому 16-го августа 1839 г., № 3176

⁵⁾ Отъ 6-го апрѣля 1845 г. изъ Кургана.

сіятельство, какъ любитель наукъ и отечественной словесности, знающій цѣнить сочиненія Кесаря, признанное цѣлою просвѣщенной Европою столь важнымъ во многихъ отношеніяхъ, въ особенности же въ военномъ, не откажете мнѣ въ этихъ обстоятельствахъ вашимъ покровительствомъ, ибо я смѣю надѣяться, что трудъ мой, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, не останется бесполезнымъ, не говоря уже о томъ, что тутъ въ первый разъ увидать полный переводъ Кесаря на русскомъ языкѣ».

В. А. Жуковскій былъ въ то время за границею, и прошло много времени прежде, чѣмъ онъ могъ отвѣтить.

«Прилагая присемь, — писалъ В. А. Жуковскій Л. В. Дубельту¹⁾, — мой отвѣтъ на письмо фонъ-деръ-Бриггена, доставленное мнѣ вашимъ превосходительствомъ, прошу васъ благоволить, прочитавъ его, доставить по адресу. Полагая, что не будетъ никакого препятствія напечатанію книги фонъ-деръ-Бриггена, я предлагаю взять на себя ея изданіе. Книга общепользная, и я увѣренъ, что переводъ фонъ-деръ Бриггена хорошъ, ибо онъ умѣетъ владѣть русскимъ языкомъ и коротко знакомъ съ латинскимъ. Условія, на коихъ я беру на себя изданіе книги, означены въ письмѣ моемъ къ фонъ-деръ Бриггену. Деньги же, которыя будутъ слѣдовать ему за рукопись, будутъ доставлены вашему превосходительству коллежскимъ совѣтникомъ Родіоновымъ, которому я также поручилъ вручить вамъ и экземпляръ сочиненій моихъ, для пересылки фонъ-деръ-Бриггену. Прошу ваше превосходительство взять на себя трудъ доставить все это по назначенію. Я долженъ здѣсь прибавить, что фонъ-деръ-Бриггенъ изъявилъ желаніе посвятить мнѣ свой переводъ Юлія Кесаря: думаю, что это будетъ ему позволено. Я согласился принять посвященіе, а васъ прошу благоволить сообщить фонъ-деръ-Бриггену, позволено ли то ему или нѣтъ.

«Вы, можетъ быть, спросите, давно ли я знаю фонъ-деръ-Бриггена? Я его всего на все видѣлъ одинъ разъ въ Курганѣ, при моемъ проѣздѣ черезъ этотъ городъ съ государемъ наследникомъ. Все наше знакомство ограничено однимъ часомъ, который я провелъ съ нимъ въ его курганскомъ домикѣ. Но я весьма радъ, что онъ доставляетъ мнѣ способъ содѣйствовать ему въ такомъ трудѣ, на который, конечно, и правительство обратитъ благосклонное вниманіе. Кто, послѣ двадцатилѣтняго несчастія можетъ такъ заниматься, какъ фонъ-деръ Бриггенъ, тотъ доказываетъ, что мысли его мирны и что это тяжелое несчастіе, заблужденіемъ молодости на него навлеченное, не разстроило, а привело въ желаемый порядокъ его душу.

¹⁾ Въ собственноручномъ письмѣ 27-го іюня (9-го іюля) 1845 изъ Франкфурта на Майнѣ.

«Прошу ваше превосходительство взять на себя трудъ извѣстить меня, что будетъ сдѣлано по письму моему».

В. А. Жуковскій выразилъ желаніе приобрести рукопись за 2.500 руб. съ тѣмъ, что, по выходѣ книги, онъ будетъ продавать ее, пока не покроетъ расходы на изданіе, а за тѣмъ чистый барышъ будетъ высылать фонъ-деръ-Бриггену.

Императоръ разрѣшилъ печатаніе рукописи и посвященіе ея Жуковскому, но съ тѣмъ, чтобы на книгѣ не было означено имя переводчика ¹⁾. Бриггенъ принялъ предложенныя ему условія и 17-го сентября 1845 года отправилъ изъ Кургана въ III отдѣленіе первую часть своей рукописи для доставленія ея Жуковскому. Послѣдній препроводилъ къ Дубельту впередъ для Бриггена 714 р. 26 коп., которые 3-го ноября и были отправлены по назначенію. Не получая долгое время второй части перевода ²⁾ и опасаясь, что рукопись затерялась, В. А. Жуковскій писалъ Л. В. Дубельту ³⁾:

«Дядюшка! Я давно получилъ черезъ васъ письмо отъ Бриггена, и при немъ ваше собственное письмо, въ которомъ впрочемъ вашего собственнаго—только одна ваша подпись, сдѣланная съ мастерскою размашкою. Я давно собираюсь благодарить васъ, но тому мѣшали до сихъ поръ двѣ мои злодѣйки, родныя вѣдьмы: одна врагъ жизни тѣлесной, по имени болѣзнь (это ея фамиліное имя, но у нея много прованій, данныхъ ей за разныя одержанныя ею надъ бѣднымъ человѣчествомъ побѣды); а другая врагъ жизни моральной—лѣнь. Бѣда тому, кто попадетъ въ когти обѣимъ сестрицамъ, Такова была по сію пору моя участь. Теперь обѣ сестрицы провалились къ своему хозяину; а я, пользуясь своею свободою, благодарю васъ за присылку письма отъ Бриггена и за доставленіе ему всего того, что было мною назначено передать ему. Прилагаю здѣсь мой отвѣтъ Бриггену ⁴⁾, прося васъ его ему доставить; а меня потрудитесь извѣдомить, что сдѣлалось со вторымъ томомъ перевода Кесаревыхъ записокъ, который былъ посланъ Бриггеномъ и до меня еще не дошелъ. Можетъ быть, онъ найдется въ вашей канцеляріи. Если онъ тамъ, то благоволите его передать Ростиславу Родіоновичу Родіонову, моему петербургскому корреспонденту, служащему въ канцеляріи ея императорскаго величества. Впрочемъ онъ самъ къ вамъ явится.

¹⁾ Письмо Л. Дубельта Жуковскому 20-го іюля 1845 г. № 917. Бриггенъ былъ въ то время на службѣ канцеляристомъ.

²⁾ Она была отправлена изъ Кургана 29-го января 1846 г.

³⁾ Въ собственноручномъ письмѣ отъ 1-го (13-го) іюня 1846 г. изъ Франкфурта на Майнѣ.

⁴⁾ Отвѣтъ этотъ напечатанъ въ сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго, изданіе 7-е, т. VI, стр. 618—622.

«При семъ случаѣ позволяю себѣ просить васъ, добрый дядюшка, и тѣмъ смѣлѣе прошу, что знаю по собственному опыту, какъ много есть въ васъ готовности къ добру,—прошу обратить на Бриггена ваше спасительное покровительство. Двадцать лѣтъ изгнанничества и смиренной покорности своему бѣдствію, навлеченному на себя виновнымъ, преступнымъ заблужденіемъ, даютъ, кажется, право на облегченіе участи. Видите сами, какъ Бриггенъ сноситъ свой жребій и какой образъ мыслей выражается въ его письмахъ. Вашему сердцу будетъ усладительно дать этой бѣдной, одиноко страждущей душѣ столько простора, чтобы она могла освѣжаться еще и на здѣшнемъ свѣтѣ: благотворенія оказываемыя нами, едва-ли не полезнѣе намъ самимъ, нежели тѣмъ, на кого они проливаются, если только будемъ смотрѣть на нихъ тѣми глазами, какими смотреть на нихъ съ неба.

«Между остальными изъ находящихся въ ссылкѣ я позволяю себѣ особенно обратить ваше вниманіе на Якушкина (онъ долженъ быть въ Ялуторовкѣ); я читалъ (когда находился въ Москвѣ) его письма къ дѣтямъ, писанныя во все время ссылки, и это чтеніе произвело во мнѣ какое-то благоговѣйное умиленіе передъ несчастіемъ, отдающимся въ волю Божию съ полною покорностью.

«Можетъ быть, вамъ будетъ пріятно узнать нѣкоторыя подробности обо мнѣ: ихъ весьма не много. Съ самаго начала моей заграничной жизни по сію минуту, всѣ мои дни похожи одинъ на другой. Нѣкоторую варіацію произвело въ нихъ появленіе дочери и сына. Впрочемъ, все идетъ однимъ чередомъ: уединеніе, работа и домашній покой или домашній покой, уединеніе и работа. Вотъ вся моя біографія. Не очень она изобильна матеріаломъ для потомства. Самъ я до потомства на своихъ, конечно, не дойду. Нанялъ извозчика, онъ туда по нашей ухабистой дорогѣ довезетъ, если только гдѣ-нибудь я на раскатѣ не вывалюсь изъ саней и не останусь въ какомъ-нибудь сугробѣ. Мой наемный извозчикъ называется Гомеръ, отецъ Одиссеи, которую напередъ вамъ рекомендую. А вы, дядюшка, не полѣнитесь отвѣчать на это письмо. Преданный вамъ Жуковский».

Дальнѣйшая переписка съ А. Э. фонъ-деръ Бриггеномъ дала В. А. Жуковскому поводъ написать нѣсколько писемъ Л. В. Дубельту, которыя мы и приводимъ ниже.

«Я очень благодаренъ Бриггену, — писалъ онъ Л. В. Дубельту¹⁾, — что онъ даетъ мнѣ иногда случай сказать вамъ нѣсколько словъ, любезный дядюшка. Этимъ онъ препятствуетъ мнѣ выскочить изъ вашей памяти, что было бы мнѣ весьма не по нутру, ибо во время оно вы были ко мнѣ весьма благосклонны. Обращаюсь къ вамъ съ просьбою

¹⁾ Отъ 6-го (18-го) мая 1847 г. изъ Франкфурта на Майнѣ.

переслать приложенное письмо къ Бриггену ¹⁾ туда, гдѣ онъ теперь находится. Я давно обязанъ ему отвѣтомъ, и вы весьма одолжите меня, если письмо отправите немедленно, дабы я могъ имѣть во-время отъ Бриггена отвѣтъ. Этотъ отвѣтъ прошу васъ, дядюшка, оставить у себя до появленія передъ лицомъ вашимъ собственной моей персоны, которая представится вамъ въ іюлѣ мѣсяцѣ посреди Петербурга, въ вашемъ кабинетѣ и весьма порадуетъ, если найдетъ васъ совершенно здоровымъ и столь же къ ней дружески расположеннымъ, какъ вы всегда бывали. Я дожидаюсь только, чтобы пуститься въ путь, прибытія сюда государя цесаревича, который самъ благоволилъ меня увѣдомить, что будетъ въ Дармштадтѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Повторяю мою просьбу о немедленной отсылкѣ письма моего къ Бриггену и о сбереженіи у себя до моего прибытія отвѣта,—для чего это, узнаете, прочитавъ мое письмо Бриггену. Другая просьба вѣрить преданности давнишней и постоянной.

Вашъ покорный слуга Жуковский.

Надежды его о скоромъ возвращеніи въ Россію однако же не осуществились, и онъ писалъ тому же Л. В. Дубельту ²⁾.

«Любезный дядюшка! Я полакомилъ васъ (если только для васъ это такое же лакомство, какъ для меня) надеждою скоро увидѣть васъ въ Петербургѣ. Не тутъ-то было,—долженъ вести больную жену въ Швейцарію, и докторъ не позволяеть ей и думать о проведеніи долгой зимы въ Россіи. Итакъ, еще почти на годъ надобно отказаться отъ возвращенія въ отечество. Вы меня тамъ совсѣмъ забудете и разлюбите. Авось и нѣтъ! А я теперь обращусь къ вамъ съ моею обыкновенною просьбою: дѣстать приложенное письмо Бриггену и продолжать быть ему добрымъ покровителемъ. Какой вины не загладитъ изгнаніе, двадцать лѣтъ переносимое съ твердымъ терпѣніемъ! Это ваше доброе сердце хорошо вѣдаетъ. Не помню, гдѣ манускриптъ второй части Бриггенова перевода Кесаревыхъ записокъ, у васъ ли, или у Родіонова? Если онъ у васъ, то благоволите его отдать Родіонову (который лично къ вамъ явится) для передачи мнѣ. Завтра надѣюсь видѣть во Франкфуртѣ государя наследника. По маршруту онъ долженъ нынче ночевать въ Касселѣ. Когда-то увижу Русь! Это будетъ для меня двойное счастье, ибо означать, что ожила совсѣмъ моя жена, которая жестоко страдала въ продолженіе послѣднихъ осьми мѣсяцевъ.

«Простите, любезный дядюшка, желаю сердечно, чтобы вы, не смотря на долгое мое отсутствіе, сохранили мнѣ мой уголокъ въ вашей памяти. Эти мѣшечки я всегда сохранять забочусь».

¹⁾ Оно напечатано въ Сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго, изд. 7-ое, т. VI, стр. 622—625. При этомъ письмѣ Жуковский послалъ Бриггену 143 руб.

²⁾ Отъ 3-го (15-го) іюня 1847 г.

Послѣдняя вторая часть перевода была доставлена Жуковскому, но, къ сожалѣнію, трудъ Бриггена не былъ напечатанъ, и въ настоящее время рукопись эта хранится въ Императорской публичной библиотекѣ ¹⁾, съ слѣдующею надписью: «Посвящаю Василю Андреевичу Жуковскому, душою и стихомъ поэту и другу человѣчества, въ знакъ личнаго уваженія и преданности нелицемѣрной».

Н. Дубровинъ.

¹⁾ Она озаглавлена такъ: „Записки Каія Юлія Кесаря о войнѣ въ Галліи и войнѣ междуусобной“, съ дополненіями А. Гиртіа и иныхъ. Переведены вновь съ латинскаго подлинника, со многими объяснительными примѣчаніями, съ приложеніемъ краткой жизни Каія Юлія Кесаря и его портрета по древнему бюсту, съ картою древней Галліи по Барбье-дю-Бокажъ, иконографическими чертежами и полнымъ историческимъ и географическимъ указателемъ.